

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

22 2022
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (417) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Валерий Владимирович Кулешов* (1942) — советский и российский экономист, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН, академик РАН, специалист в области методологии и методики экономико-математического моделирования, анализа и прогнозирования социально-экономических процессов функционирования экономики страны и отдельных регионов.

Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. С 1965 года работает в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН; с 1992 по 2016 год занимал в нем должность директора. Кандидатскую диссертацию защитил в 1969 году («Моделирование организационных структур научно-исследовательских учреждений»). Валерий Владими-

рович — координатор и член редколлегии журнала «ЭКО». Преподаёт в Новосибирском университете; заведует кафедрой экономического управления, является членом учёного совета, председателем Объединённого учёного совета по экономическим наукам СО РАН. С 1996 года В. В. Кулешов — академик Международной академии регионального развития и сотрудничества.

В 1999 году Валерий Владимирович награжден Орденом Почёта — за большой вклад в развитие отечественной науки, подготовку высококвалифицированных кадров и в связи с 275-летием Российской академии наук.

В 2007 году ему был вручен орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Акимбетов Д. Б.

Заключение с потребителем договора
об оказании услуг дистанционным способом . 293

Бекмурзина А. Р.

Отграничение частноправовых и публично-
правовых форм медицинского вмешательства
и его практическое значение 295

Голикова Ю. А.

Правовые последствия предоставления
недостовверных заверений
об обстоятельствах..... 298

Гордин А. К.

Социально-экономическое партнёрство
кредитора-заявителя и арбитражного
управляющего в деле о банкротстве 300

Грейдин О. И., Жуков А. И.

Тенденции и перспективы развития российского
законодательства в сфере усыновления
и его отмены..... 303

Демиденко А. П.

Доходы муниципальных образований: проблемы
правого регулирования 305

Довгая Э. Р.

Проблемы латентной преступности 307

Ермишина Н. С., Калганов К. В., Коробова А. А.

Методика расследования преступлений против
личности, совершенных по религиозным
мотивам 309

Егорова В. Г.

Об особенностях особого порядка судебного
разбирательства в уголовном процессе
России 311

Згайр Хамза Кадим Згайр

Актуальные проблемы крайней необходимости
в административном праве 313

Иошина М. В.

Современные кодексы этики государственных
и муниципальных служащих как составная часть
антикоррупционного законодательства 316

Казакова Л. А.

Особенности законодательной регламентации
наследственных прав несовершеннолетних ... 318

Казберова Д. С.

Понятие и содержание контрактной системы
государственных и муниципальных
закупок в РФ..... 320

Кобзева М. А.

Привлечение ломбардов к судебной
ответственности..... 323

Коваленко М. А.

К вопросу о квалификации хищений
с использованием компьютерных систем
по законодательству некоторых государств —
участников СНГ 324

Копосов Е. П., Аверкин Д. С.

Криминалистическая идентификация личности по
цифровым фонограммам устной речи..... 326

Костерина Д. Р.

Понятие и содержание правоохранительной
деятельности таможенных органов Российской
Федерации 327

Кравцов Д. А., Голубева А. А., Романова Е. А.

Возможные последствия введения законопроекта
об уголовном проступке 329

Куликова Л. В.

Понятие, правовая природа, сущность и значение
представительства в гражданском праве 333

Курявый А. А., Кравцов Д. А.

К вопросу о соотношении общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения..... 335

Куценко М. М.

Особенности внесения сведения в ЕГРН в отношении зон с особым режимом использования.....337

Леонова Н. Н.

Некоторые аспекты понятий «система органов исполнительной власти» и «структура органов исполнительной власти» 338

Лопаев И. В.

Принцип континуитета при проведении процедуры реорганизации юридического лица в корпоративном праве России и Германии341

Маслаковская И. Г.

Проблематика назначения административной ответственности за правонарушения должностных лиц 343

Маслаковская И. Г.

Эволюция понятия «должностное лицо» в Российской Федерации 346

Мичурина И. А.

К вопросу об особенностях методики расследования изнасилований 348

Мкртчян Р. А.

Правовое регулирование приватизации земельных участков 350

Морозова А. П.

Отказ от договора (отказ от исполнения договора): понятие и проблемы соотношения с расторжением договора 352

Москаль Е. А.

Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности 355

Николова В. И.

Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, предусмотренные статьей 267.1 УК РФ 356

Осипова В. Ю.

Понятие, виды и общая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности 358

Пересыпка Д. А.

О некоторых вопросах при рассмотрении судами споров, связанных с предоставлением членам семьи военнослужащего социальных гарантий и компенсаций..... 360

Пешков Т. Т.

О пробелах правового регулирования прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела 362

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Заключение с потребителем договора об оказании услуг дистанционным способом

Акимбетов Дамир Булатович, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Нормы закона, защищающего права потребителей в России, в отличие от международного [1], не представляет из себя четкое регулирование через специальный акт сделок, заключаемых и исполняемых дистанционно, а является совокупностью положений специального акта [2], общих норм гражданского законодательства, иных актов, распространяющихся на взаимоотношения участников. Между тем, все правила следует рассматривать в совокупности: например, гражданское законодательство регулирует заключение и исполнение соглашений между сторонами в общем случае, но положения Закона конкретизируют права, обязанности и ответственность в правоотношениях, одной стороной из которых является потребитель, а такие положения применяются в части, неурегулированной общими нормами [3]. Поэтому в настоящей статье попробуем выявить момент заключения договора на оказание услуг дистанционным способом, в том числе — с использованием метода аналогии норм.

Ключевые слова: дистанционный способ, публичный договор, момент заключения договора, акцент потребителя, оказание услуг.

Если рассматривать нормы, регулирующие продажу и оказание услуг дистанционным способом, то в российском специальном законодательстве наблюдается значимый пробел, так как не закреплены законодательно нормы в этой нише — законодатель достаточно точно установил правила оказания образовательных и медицинских услуг, телефонной связи и т. п., но не установлены, например, по оказанию образовательных или просветительских услуг дистанционным способом, что достаточно популярно в последнее время и имеет значение ввиду фактического согласования существенных условий конклюдентными действиями потребителя. При этом наибольший вопрос вызывает момент возникновения прав и обязанностей или установления правоотношений.

Дистанционная продажа товара происходит с регулированием по статье 497 Гражданского кодекса РФ и статье 26.1 Закона, но законодателем не установлен дистанционный способ реализации услуг, а регулирование дистанционной реализации услуг можно провести через аналогию права. Так, гражданские права и обязанности возникают в силу закона или действий сторон.

Стороны вправе заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законодательными актами. Но имея ввиду дистанционный способ заключения, можно прийти к усложнению конструкции соглашения, поэтому важно понимать возможность применения действующих норм.

При этом, заключая договор, стороны свободны в волеизъявлении по всем существенным условиям такого договора [4], поэтому ввиду специфики дистанционного соглашения информация должна быть предоставлена потребителю в полном объеме до момента его заключения.

Законодатель также допускает заключение с потребителями публичного договора-оферты, устанавливающего обязательства исполнителя и подлежащие выполнению в рамках складывающихся отношений. При этом потребитель фактически должен присоединиться к такому договору, размещенному на соответствующем ресурсе компаний.

Еще Президиум ВАС РФ отмечал, что договор оказания услуг можно считать заключенным, когда в нем устанавливаются действия, которые должен выполнить исполнитель, в том числе, если эти действия следуют из результата переписки или переговоров сторон [5].

Так, договор является соглашением двух или более лиц, устанавливающее изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, при этом договор должен обладать признаками совпадающего волеизъявления сторон, как сути самой сделки (способ достижения цели), и установлением между участниками отношений в результате его заключения, выраженных в определенной форме, т. е. юридический факт обязательственных правоотношений, а любую сделку можно считать договором, как сделку, заключенную между сторонами в определенной форме. Волеизъявление при этом может быть вы-

ражено разными способами — устно, письменно либо совершением конклюдентных действий [6].

С другой стороны, заключение сделки в письменной форме (фактически — стандартного договора) нормируется положениями статьи 160 ГК РФ.

Отдельно отметим, что под электронной подписью законодатель понимает электронную информацию, присоединённую к другой, подписываемой, информации и идентифицирует подписанта. Таким образом, отметим, что сделка, совершенная дистанционно фактически является конклюдентной [7], заключенной в письменной форме с использованием некоего аналога электронной подписи.

По другим признакам все соглашения можно разделить на консенсуальные (порождающие гражданские правоотношения, вступающие в силу с момента заключения) и реальные (совершение определенных действий — например, момент уплаты, пусть даже без выдачи документа, который подтверждает ее, передачу имущества и тому подобное). Например, обычная сделка купли-продажи с участием потребителя будет являться реальной, в то время, когда дистанционная, скорее будет консенсуальной.

Момент заключения важен, так как фактически при наличии определенных ссылок/разделов на сайте потребителем происходит заключение договора (акцептование) и порождает обязательство исполнителя (оферента).

Как отмечено в постановлении Правительства РФ, если оферта (публичный договор) исполнителя не содержит иного условия о моменте возникновения обязательств у последнего, то подтверждением заключения договора будет момент отправки исполнителем идентификационного номера заказа заказчику (потребителю), в котором одновременно предоставляется информация

об условиях договора (кроме размещенного публично договора-оферты) [8].

С другой стороны, потребитель осуществляет присоединение к публичному договору, на условия и положения которого он не оказывает влияние. А так как некачественно оказанные услуги гораздо проблематичной доказать, чем недостатки товара, то остро встает вопрос о возможности оспаривания условий публичного договора, размещенного исполнителем на сайте, т. е. на сколько акцепт полный и безоговорочный в такой ситуации.

Таким образом, после получения от исполнителя подтверждения заказа у потребителя часто возникают проблемы по оспариванию условий такого публичного договора или, как следствие, по одностороннему расторжению заключенной сделки, и, если последнее не вызывает трудностей на основании статьи 32 Закона.

Однако, из сложившейся судебной практики явно следует, что в том числе при дистанционном способе заключения договора/ присоединения к публичной оферте в отношении потребителей условия оферты могут быть оспоримы по статье 16 Закона [9], то есть, если в публичный договор включены условия, которые акцептовались потребителем, ущемляют его права в сравнении с установленными законодателем правилами в сфере защиты прав потребителей, а именно, если: вследствие исполнения такого договора потребитель понес расходы; в оферту включено обусловленное обязательство приобретения иных услуг (товаров); ограничено право на гарантийное устранение недостатков результатов услуг; исполнителем производится взимание оплаты за услуги, не являющиеся целью заключения договора потребителем (иной предмет договора), то такие положения можно признать недействительными.

Литература:

1. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле». — Текст: электронный // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли: [сайт]. — URL: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения: 02.06.2022).
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей». — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 02.06.2022).
3. Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 02.06.2022).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 N 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева». — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65713/ (дата обращения: 02.06.2022).
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 сентября 1999 г. N 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг». — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24669/ (дата обращения: 02.06.2022).
6. Пункт 2 статьи 158 Гражданского кодекса Российской Федерации. — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.06.2022).

7. Определение Верховного Суда РФ от 14.01.2022 N 308-ЭС21-27921 по делу N А32-12937/2018. — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=697246#6SQ0d7TymrMvpPMW1> (дата обращения: 02.06.2022).
8. Пункт 14 Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». — Текст: электронный // СПС Консультант: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 02.06.2022).
9. Решение Городищенского районного суда Волгоградской области от 22.02.2022 по делу N 2-278/2022. — Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Sae1d7TdYgOeyTX5&cacheid=C37C0D99AEF86592A419B44A56AECA53&mode=splus&rnd=Wj8xaA&base=AOUG&n=7281050#KRf1d7TG9ODtVkyZ> (дата обращения: 02.06.2022).

Отграничение частноправовых и публично-правовых форм медицинского вмешательства и его практическое значение

Бекмурзина Альбина Ринатовна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье выделяются критерии, по которым можно отграничить частноправовые и публично-правовые формы медицинского вмешательства, что имеет практическое значение. Также предлагается расширить положения в информированном добровольном согласии гражданина, добавив информацию о полном перечне оказываемых конкретному пациенту услуг, квалификации врача, имеющихся противопоказаниях и о результате, который должен быть достигнут.

Ключевые слова: медицинское вмешательство, информированное добровольное согласие гражданина, частное право, публичное право, оказание медицинских услуг.

Limitation of private and public legal forms of medical intervention and its practical significance

Bekmurzina Albina Rinatovna, student master's degree
Kazan (Volga region) Federal University

This article highlights the criteria by which it is possible to distinguish between private law and public law forms of medical intervention, which is of practical importance. It is also proposed to expand the provisions in the citizen's informed voluntary consent by adding information on the full list of services provided to a particular patient, the doctor's qualifications, existing contraindications and the result to be achieved.

Keywords: medical intervention, informed voluntary consent of a citizen, private law, public law, provision of medical services.

На сегодняшний день более 10 федеральных законов, которые регулируют отношения в области оказания медицинских услуг. Однако несмотря на широкий перечень норм, на практике могут возникать сложности при квалификации медицинского вмешательства как медицинской услуги (39 гл. Гражданского кодекса РФ) или медицинского вмешательства урегулированного нормами публичного права. Для целей проведения такого разграничения особое значение приобретает добровольное ин-

формированное согласие гражданина, зачастую это основной документ для предупреждения возникновения конфликтной ситуации и ее перерастания в судебный спор.

Что вообще в нашем законодательстве понимается под термином «медицинское вмешательство»? Согласно п. 5 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинское вмешательство — выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим

право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности [3].

Для осуществления медицинского вмешательства медицинский работник должен предоставить гражданину или его законному представителю полную информацию о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи и после чего получить от гражданина или его законного представителя информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. С точки зрения права, информированное добровольное согласие обеспечивает юридическую чистоту события оказания медицинской помощи, давая пациенту понимание того, с чем он столкнётся, а для врача и медицинского учреждения — верифицируя данное понимание [8]. Смысл данной нормы закона охватывает обеспечения осведомленности пациента о виде, способах проведения вмешательства, длительности его проведения, возможных осложнениях, цели, сформулированной достаточно подробно [10].

В п. 9 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дан перечень, когда медицинское вмешательство возможно без согласия гражданина.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие формы медицинского вмешательства:

1. Медицинское вмешательство после получения информированного добровольного согласия от гражданина или его законных представителей (то есть оказание медицинской помощи по ОМС или по договору оказания медицинских услуг) (ст. 20 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ) [3];

2. Медицинское вмешательство принудительного характера к лицам, совершившим преступления (ст. 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2];

3. Экстренная медицинская помощь (ст. 35 Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [3];

4. Медицинское вмешательство в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих (ст. 20323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [3];

5. Медицинское вмешательство в отношении лиц, страдающих тяжёлыми психическими расстройствами (ст. 11 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании») [5];

6. Медицинское вмешательство при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы (ст. 62 ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [3].

Главным критерием, позволяющим выделить конкретную форму медицинского вмешательства и отличить от другой, является необходимость или отсутствие необходимости получить добровольное информированное согласие от гражданина (законного представителя).

Кроме того, вышеперечисленные формы медицинского вмешательства можно поделить на две группы форм, а именно на частноправовую и на публично-правовую исходя из следующих дополнительных признаков: императивность или диспозитивность норм, регулирующих медицинское вмешательство; защита прав в судебном порядке по Закону «О защите прав потребителей» [4]; затрагивание интересов общества и неопределенного круга лиц либо защита интересов конкретного гражданина.

Так к частноправовой форме медицинского вмешательства относится договорное оказание медицинской услуги и действие в чужом интересе без поручения (спасение жизни в экстренных случаях п.2 ст. 983 ГК РФ). К публично-правовой форме медицинского вмешательства — остальные из вышеперечисленных форм.

Возвращаясь к отграничению форм медицинского вмешательства, стоит отметить, что такое деление носит не только теоретический, но и практический характер.

В зависимости от формы медицинского вмешательства, при регулировании таких отношений мы будем в одном случае, при частноправовой форме руководствоваться положениями ФЗ № 323, Гражданским кодексом РФ, Законом «О защите прав потребителей», а в другом случае при публично-правовой форме медицинского вмешательства, обращаться к положениям в том числе Уголовного кодекса РФ (Гл. 15), Уголовно-процессуального кодекса РФ (Гл. 51), Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185–1.

Отграничение форм медицинского вмешательства играет большую роль на практике при защите пациентом своих интересов в судебном порядке. К примеру, при оказании медицинской помощи по договору гражданин может требовать взыскания с медицинской организации стоимость медицинских услуг, компенсацию морального вреда, штрафа за отказ в добровольном порядке исполнить обязательства перед потребителем медицинских услуг, бремя доказывания будет облегчено. Так, Решением Московского районного суда г. Казани Республики Татарстан с ООО «Клиника семейной медицины +» в пользу Никитиной К. Р. взыскана стоимость медицинских услуг в размере 14 500 рублей, компенсация морального вреда в размере 900 000 рублей, штраф в размере 457250 рублей за ненадлежащее оказание медицинских услуг, которое повлекло за собой тяжкий вред здоровью — утрата детородной функции организма [6]. Данные требования при публично-правовой форме медицинского вмешательства не подлежат удовлетворению.

Отдельно хотелось бы отметить, что такой критерий отграничения частноправовой и публично-правовой

форм медицинского вмешательства как добровольное информированное согласие гражданина играет большую роль для предупреждения возникновения спорной ситуации. Несмотря на важность информированного согласия очень часто к его подписанию подходят формально: медицинская организация не в полной мере разъясняет пациенту все обстоятельства предстоящего медицинского вмешательства, а пациент ограничивается подписанием согласия, зачастую не осознавая его содержания [9]. Однако на практике встречаются случаи, когда информированное добровольное согласие не подписывается вовсе. Так, например в деле Кондратьевой И. Ю. к ООО «Солид Эстетик Центр» выяснилось, что косметологическая услуга оказывалась без ее добровольного информированного согласия, что повлекло причинение вреда здоровью и ее госпитализацию, так как она не знала об отсутствии квалификации врача, применяемых препаратах и противопоказаниях [7]. В данном случае важным является не только подписание пациентом добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство, но и закрепление в соглашении в медицинской организации полного перечня оказываемых конкретному пациенту услуг, квалификацию врача, имеющиеся противопоказания, а также прописывать результат, который должен быть достигнут.

Кроме того, актуальной является проблема ограничения частноправовой и публично-правовой форм медицинского вмешательства при оказании скорой медицинской помощи. В случае, когда необходимо спасти жизнь пациента, а он не имеет возможности или не желает давать согласие на медицинское вмешательство, какой нормой необходимо руководствоваться врачу: положением ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» или положениями ст. ст. 980–983 Гражданского кодекса Российской Федерации (действия в чужом интересе без поручения) [1]. Или в случае оказания скорой медицинской помощи гражданину, страдающему заболеванием, представляющим опасность для окружающих. Полагаю, что решением проблемы в данном случае является не только действовать в чужом интересе врачу без поручения пациента, но и законодательно установить перечень случаев, при которых необходимо оказание экстренной медицинской помощи.

Таким образом, хотя в российском законодательстве имеется большой перечень норм, регулирующих процесс оказания медицинских услуг, могут возникать сложности при квалификации медицинского вмешательства как публично-правового и частноправового правонарушения, что приводит к возникновению споров и их последующем разрешении в судебном порядке.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021]//Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [ред. от 25.03.2022] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. // Российская газета. — 2011. — № 263.
4. О защите прав потребителей: Закон РФ № 2300–1 от 07 февраля 1992 г. [ред. от 11.06.2021] //Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ № 3185–1 от 02 июля 1992 г. [ред. от 30.12.2021] // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 33. — Ст. 1913.
6. Решение Московского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 08 июля 2019 г. [Электронный ресурс] // https://sudact.ru/regular/doc/0jMhnR806PdT/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 22.05.2022 г.).
7. Решение Ленинского районного суда г. Орска Оренбургской области от 11 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]// https://sudact.ru/regular/doc/raZuTTw437mx/#case_item (дата обращения 22.05.2022 г.).
8. Алексеева, С. С., Стародубцев М. Э. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство: фигура и роль врача // РКЖ. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo-figura-i-rol-vracha> (дата обращения: 26.05.2022).
9. Бояринова, В. И. Правовое значение информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-znachenie-informirovannogo-dobrovolnogo-soglasiya-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo> (дата обращения: 26.05.2022).
10. Гецмана, И. В. Проблемы реализации права граждан на информацию в правоотношениях, связанных с оказанием медицинских услуг // ПЭМ. 2015. № 3–4 (59–60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-prava-grazhdan-na-informatsiyu-v-pravootnosheniyah-svyazannyh-s-okazaniem-meditsinskih-uslug> (дата обращения: 26.05.2022).

Правовые последствия предоставления недостоверных заверений об обстоятельствах

Голикова Юлия Александровна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В настоящей статье рассматриваются правовые последствия предоставления недостоверных заверений об обстоятельствах, средства защиты, предусмотренные статьей 431.2 ГК РФ, особенности их использования в случае предоставления недостоверных заверений об обстоятельствах.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, Закон о введении в заблуждение, возмещение убытков, взыскание неустойки, отказ от договора, недействительность договора.

Заверения об обстоятельствах представляют собой особый механизм, обеспечивающий фиксацию фактов, значимых для конкретных правоотношений. Это заявление сторон договора о наличии, либо об отсутствии обстоятельств, которые имеют важное значение для контрагента при заключении такой сделки [1, с. 451].

Российский институт заверений об обстоятельствах заимствован из английского права и закреплен в статье 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ), в которой установлена ответственность за недостоверность заверений об обстоятельствах. Однако заверения об обстоятельствах по российскому праву не являются тождественными заверениям и гарантиям по английскому праву, обладают определенными особенностями, самостоятельными чертами.

В английском праве предоставление недостоверных заверений (введение в заблуждение) регулируется Законом о введении в заблуждение [3]. Российское законодательство подобного законодательного акта не содержит. С. Л. Будьлин высказывается в отношении данного закона: «он серьезно усилил ответственность за предоставление недостоверных заверений, не являющееся обманом, то есть неосторожное или невиновное, а также практически исключил возможность договорного ограничения ответственности за такое предоставление. Возможно, именно с этим связано стойкое нежелание английских составителей коммерческих договоров предоставлять какие бы то ни было заверения в тексте документа» [4, с. 98].

Действительно, раздел 2 указанного закона закрепляет следующее: «...person shall be so liable notwithstanding that the misrepresentation was not made fraudulently, unless he proves that he had reasonable ground to believe and did believe up to the time the contract was made the facts represented were true» [3]. Это означает, что лицо несет ответственность несмотря на то, что введение в заблуждение (предоставление недостоверных заверений) было сделано неумышленно, если только такое лицо не докажет, что у него были разумные основания полагать, что представленные факты были правдивыми, и что этому лицу на момент заключения договора не было известно о недостоверности предоставленных фактов.

В разделе 3 Закона о введении в заблуждение установлены те условия договоров, признаваемые недействительными, которые устраняют или ограничивают:

1. любую ответственность, которой может быть подвержена сторона договора по причине предоставления недостоверных заверений (any liability to which a party to a contract may be subject by reason of any misrepresentation [3]);

2. любое средство правовой защиты, доступное другой стороне договора по причине предоставления недостоверных заверений (any remedy available to another party to the contract by reason of such a misrepresentation [3]).

Кроме того, указанный закон устанавливает, что суд по своему усмотрению может вместо признания договора недействительным взыскать убытки в случае неосторожного или невиновного введения в заблуждение.

Более того, суд может отказать в аннулировании (признании недействительным) договора в связи с истечением существенного срока с момента заключения договора. Стоит отметить, что данный срок не является сроком исковой давности.

Сторона договора принимает на себя ответственность за соответствие заверения действительности дополнительно к ответственности, установленной законом или вытекающей из существа соответствующего вида обязательств [5].

Последствия недостоверности заверений об обстоятельствах, имеющих отношение к предмету договора, регулируются положениями об отдельных видах договоров, установленными в ГК РФ и иных законах, а также положениями статьи 431.2 ГК РФ, иными общими положениями о договоре и обязательствах (глава 25 ГК РФ) (пункт 34 Постановления Пленума ВС РФ № 49) [6].

Статья 431.2 ГК РФ устанавливает следующие последствия предоставления недостоверных заверений об обстоятельствах:

1. Возмещение убытков;
2. Взыскание неустойки (в случае, если она установлена в договоре);
3. Отказ от договора (в случае, если заверения контрагента имели существенное значение для другой стороны);
4. Признание договора недействительным (по правилам ст. 178 и 179 ГК РФ).

Особенность реализации первых двух последствий в том, что лицо, получившее недостоверные заверения об обстоятельствах, имеет право взыскать либо убытки, либо неустойку.

Такая альтернативность присуща третьему и четвертому последствию. Лицу, получившему недостоверные заверения об обстоятельствах, предоставляется право либо отказаться от договора, либо признать его недействительным.

В случае отказа от договора, лицо не лишено возможности потребовать возмещения убытков или взыскания неустойки. При признании договора недействительным по правилам статей 178 и 179 ГК РФ, лицо также имеет возможность потребовать возмещения убытков. Предполагается, что такое лицо не сможет потребовать взыскания неустойки, поскольку недействительная сделка (в соответствии с п. 1 ст. 167 ГК РФ) не влечет юридических последствий, за исключением связанных с ее недействительностью.

Стоит отметить, что при осуществлении предпринимательской деятельности стороной договора, вышеперечисленные последствия наступают для последней вне зависимости от того, знала она о недостоверности предоставляемых ею заверений или нет. Такая безвиновная ответственность может быть ограничена соглашением сторон в соответствии с пунктом 4 статьи 431.2 ГК РФ.

В силу абзаца 3 пункта 1 статьи 431.2 ГК РФ «предусмотренная настоящей статьей ответственность наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения» [7].

Обратное правило (презумпция) действует «при осуществлении предпринимательской деятельности, а равно и в связи с корпоративным договором либо договором об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества» [7]: в данном случае презюмируется осведомленность стороны, предоставившей недостоверные заверения, о том, что другая сторона будет полагаться на такие заверения.

В случае отказа от договора сторона должна доказать, что предоставленные недостоверные заверения имели для нее существенное значение.

Так, в рамках одного судебного спора истцу было отказано в требовании о расторжении договора в связи с недостоверными заверениями об обстоятельствах в связи с тем, что последним «... не доказано наличие условий для расторжения договоров купли-продажи в судебном порядке и для применения к ответчику мер граждан-

ско-правовой ответственности, а именно: предоставление ответчиком заверений об обстоятельствах, имевших существенное значение для истцов при приобретении ими долей уставного капитала общества «...», которые в последующем оказались недостоверными» [8].

При предъявлении требования о возмещении убытков лицу необходимо доказать всю совокупность обстоятельств, являющихся основанием для удовлетворения судом указанного требования: факт причинения убытков, их размер, причинно-следственная связь между действиями ответчика и возникновением убытков у истца, а также наличие вины (если причинение убытков произошло не в рамках предпринимательских отношений).

В одном из постановлений Арбитражного суда Северо-Кавказского округа указано на невозможность взыскания убытков в связи с предоставлением недостоверных заверений об обстоятельствах в случае признания договора мнимым, поскольку «... отношения ответчика по спорным договорам с истцом носили формальный характер, что исключает действительность каких-либо заверений или гарантий ввиду невозможности реального использования соответствующего механизма, заложенного в договорах, ... спорный договор и его положения, содержащиеся в разделе 5 относительно заверений и гарантий, являются недействительными (ничтожными) на основании статьи 170 Гражданского кодекса» [9].

В случае взыскания неустойки стороне договора не нужно доказывать причинение ей убытков, достаточно закрепить в договоре возможность взыскания неустойки (п. 1 ст. 330 ГК РФ).

В соответствии с абзацем первым пункта 35 Постановления Пленума ВС РФ № 49 «лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его недостоверность (пункт 4 статьи 1 ГК РФ)» [5].

Таким образом, заверения об обстоятельствах являются актуальным механизмом, который используется в договорных отношениях. Действующее законодательство не предусматривает легального определения понятия заверений. Напротив, в доктрине существуют различные подходы к пониманию правовой природы данного института. В настоящей статье были рассмотрены последствия предоставления недостоверных заверений об обстоятельствах, а также рассмотрена судебная практика, демонстрирующая особенности реализации средств защиты, указанных в статье 431.2 ГК РФ.

Литература:

1. Глухов, Е. В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация [Электронное издание]. — Москва: М-Логос, 2019. — 1208 с.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Misrepresentation Act 1967 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/7/contents> (дата обращения 14.05.2022).
4. Будылин, С. Л. Заверения и гарантии: компаративное исследование. М.: Infotropic media, 2017. 160 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» — «Российская газета» — № 4 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 августа 2019 г. № 5-КГ19-133 // СПС «Гарант».
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 августа 2019 г. № Ф05-12906/19 по делу № А40-273124/2018 // СПС «Гарант».
7. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 01.04.2021 N 306-ЭС21-2534 по делу N А12-9277/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 27.06.2019 г. по делу № А53-20062/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Социально-экономическое партнёрство кредитора-заявителя и арбитражного управляющего в деле о банкротстве

Гордин Артур Константинович, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Данная статья посвящена рассмотрению взаимодействия конкурсного кредитора-заявителя и арбитражного управляющего как социального явления взаимовыгодного партнерства. Представлен анализ порядка назначения арбитражного управляющего. Выявлены основные достоинства существующего порядка выбора кандидатуры арбитражного управляющего.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, кредитор-заявитель.

Socio-economic partnership with the applicant's creditor and the insolvency administrator in a bankruptcy case

Gordin Artur Konstantinovich, student master's degree
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

This article is devoted to the consideration of the interaction of the bankruptcy creditor-applicant and arbitration manager as a social phenomenon of a mutually beneficial partnership. The analysis of the appointment of an arbitration manager is presented. The main advantages of the existing procedure for the selection of candidates for an arbitration manager are identified.

Keywords: bankruptcy, arbitration manager, first creditor in a bankruptcy case.

Арбитражный управляющий обладает особым статусом в банкротстве: представляет должника в судебных заседаниях, следит за его финансовым состоянием, принимает меры к тому, чтобы пополнить конкурсную массу и сохранить активы. Основная цель Арбитражного управляющего в деле о банкротстве это соблюдение баланса интересов.

В силу положений п. 1 и 2 ст. 7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника бан-

кротом обладают: сам должник; конкурсный кредитор; уполномоченные органы, а также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда [1].

Конкурсным кредиторам и работникам должника законодательно предоставлена возможность указывать в заявлении о признании должника банкротом кандидатуру арбитражного управляющего или наименование саморегулируемой организации, из числа членов которой должен быть утвержден арбитражный управляющий.

Процедура банкротства должника является исключительной мерой, применяемой кредитором по денежному обязательству, лишь в том случае, если защита его прав и законных интересов невозможна иным способом.

Из Закона о банкротстве следует, что Арбитражный суд утверждает временного управляющего, кандидатура которого указана в признанном обоснованном заявлении о признании должника банкротом, либо временного управляющего или финансового управляющего, кандидатуры которых представлены саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, указанной в таком заявлении.

При наличии нескольких заявлений о признании должника банкротом, в том числе в случае, если рассмотрение обоснованности поступившего первым заявления о признании должника банкротом откладывается арбитражным судом, арбитражный суд утверждает временного управляющего, кандидатура которого указана в заявлении о признании должника банкротом, поступившем в арбитражный суд первым, либо временного управляющего или финансового управляющего, кандидатуры которых представлены саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, указанной в таком заявлении.

Таким образом, актуальное законодательство предоставляет возможность конкурсному кредитору, первым подавшим заявление о банкротстве в отношении Должника, предложить кандидатуру Арбитражного управляющего.

Ранее подобным правом обладал Должник, однако с января 2015 года утратил право заявлять кандидатуру арбитражного управляющего при заявлении о своем банкротстве. На практике же у должника осталось право заявить саморегулируемую организацию (СРО), из числа членом которой может быть утвержден арбитражный управляющий.

Как отметил Верховный суд РФ в [2], законный материальный интерес любого кредитора должника прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на способствование достижению названной цели.

В свою очередь стоит обратить внимание на то, что кредитор-заявитель, в силу прямого указания Закона о банкротстве несёт расходы в случае отсутствия у должника средств, достаточных для погашения расходов, предусмотренных пунктом 1 статьи 59 Закона о банкротстве, заявитель обязан погасить указанные расходы в части, не погашенной за счет имущества должника, за исключением расходов на выплату суммы процентов по вознаграждению арбитражного управляющего.

Отдельно заслуживает внимания ситуация, при которой требование кредитора-заявителя обеспечивается залоговым имуществом Должника. В таком случае Кредитор теряет 20 % от стоимости заложенного имущества при его реализации (в связи с особенностями Закона

о банкротстве) несет риск предъявления к нему расходов за проведение процедуры банкротства как кредитор-заявитель.

Это ограничение прав залогового кредитора по смыслу пункта 29.3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» является обязанностью залогового кредитора профинансировать процедуру банкротства взамен на предоставляемый ему законом залоговый приоритет.

С учетом рисков, которые несет кредитор заявитель в деле о банкротстве, с учетом его интересов возможность выбирать кандидатуру Арбитражного управляющего можно рассматривать как выгодное социально-экономическое партнёрство и гарантии эффективного осуществления мероприятий процедуры банкротства. Кредитор заявитель имеет право выбрать опытного специалиста в области ведения процедуры несостоятельности (банкротства), оценить стаж и опыт работы, деятельность управляющего в соответствующем регионе, удостовериться в отсутствии заинтересованности управляющего с должником и кредиторами, а также ознакомится с квалификацией арбитражного управляющего до утверждения его кандидатуры Арбитражным судом, для обеспечения грамотной реализации прав и интересов при проведении процедуры банкротства.

Данное партнёрство указанных лиц процедуры банкротства исключает возможность аффилированности должника, мажоритарного кредитора должника и арбитражного управляющего.

Верховный суд указал, что не может быть утверждено лицо, кандидатура которого предложена кредитором, аффилированным по отношению к должнику [4].

Аналогичный подход применим и в ситуации, когда кандидатура временного управляющего, саморегулируемой организации предложены лицом, которое при отсутствии формально-юридических признаков аффилированности имеет возможность давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия».

Данное партнёрство является оптимальным для обеих сторон, так как Арбитражный управляющий не может действовать в интересах кредитора, заявившего его кандидатуру, по смыслу. Основными принципами деятельности арбитражного управляющего являются независимость, объективность и беспристрастность. Кроме того, саморегулируемая организация арбитражных управляющих в качестве условий членства в ней наряду с требованиями Закона о банкротстве, вправе устанавливать иные требования к компетентности, добросовестности и независимости арбитражного управляющего. Заявленная саморегулируемая организация несет ответственность за предоставление недостоверных сведений об арбитражных управляющих.

Из пунктов 2, 4 статьи 20.3, пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве следует, что конкурсный управляющий,

действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, должен анализировать финансовое состояние должника и результаты его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности; принимать меры по защите имущества должника, а также по поиску, выявлению и возврату имущества должника, находящегося у третьих лиц.

Интересы кредиторов в целом сводятся к максимально полному удовлетворению должником их имущественных требований.

В определении Верховного Суда РФ № 306-ЭС16-4837 суд также указывает на независимость арбитражного управляющего, профессионализм: «По смыслу п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве именно конкурсный управляющий, являющийся профессиональным участником отношений в сфере банкротства, наделен компетенцией по оперативному руководству процедурой конкурсного производства. В круг основных обязанностей конкурсного управляющего входит формирование конкурсной массы. Для достижения этой цели арбитражный управляющий обязан принимать управленческие решения, направленные на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц, он вправе по своей инициативе подавать в суд заявления о признании сделок недействительными

В силу п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве конкурсный управляющий несет самостоятельную обязанность действовать в интересах должника и кредиторов добросовестно и разумно.

Данную обязанность управляющий исполняет вне зависимости от того, обращались к нему кредиторы с какими-либо предложениями либо нет. Это означает, что меры, направленные на пополнение конкурсной массы, в частности с использованием механизмов оспаривания подозрительных сделок должника, планирует и реализует прежде всего сам арбитражный управляющий как про-

фессионал, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства» [3].

Арбитражный управляющий при ряде процедур имеет право самостоятельно управлять имуществом должника с ограничениями, предусмотренными Законом о банкротстве. Арбитражный управляющий не всегда может достичь целей процедуры банкротства по причине того, что решения кредиторов иногда могут носить непрофессиональный характер.

Такие ситуации возможны, если кредиторы пользуются своим правом согласовывать сделки по продаже имущества должника и условия их осуществления. По завершению процедуры банкротства арбитражный управляющий может быть обвинен в ненадлежащем исполнении своих обязанностей.

На данный момент должность арбитражного управляющего все еще находится в процессе становления, в связи с этим, главной задачей является качественное повышение квалификационного уровня арбитражных управляющих, создание должных условий для поддержания независимости данной категории специалистов, конкретизирование функций и обязанностей, а также усиление их юридической ответственности. Поэтому наиболее остро встает вопрос создания подобающих условий для реализации деятельности арбитражных управляющих, включая также их правовой статус.

Прерогатива предлагать кандидатуру Арбитражного управляющего, предоставленная кредиторам-заявителям, с возможностью обсуждения реального финансового положения должника и перспектив в процедуре банкротства является выгодным социально-экономическим партнерством для обеих сторон — кредитора-заявителя и Арбитражного управляющего.

Данное партнерство направлено на соблюдение баланса интереса на всех стадиях процедуры банкротства и отвечает основным принципам процедуры банкротства.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)
2. Определение Верховного суда Российской Федерации от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945 по делу № А41-108121/2015
3. Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2018 N 306-ЭС16-4837(3) по делу N А65-17333/2014
4. Дополнение Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018)

Тенденции и перспективы развития российского законодательства в сфере усыновления и его отмены

Грейдин Олег Игоревич, кандидат юридических наук, доцент;
Жуков Алексей Игоревич, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье анализируются некоторые тенденции развития российского законодательства в сфере усыновления и его отмены. Также автором предпринята попытка рассмотрения отдельных спорных вопросов в данной сфере, формулируются предложения и рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства относительно кандидатов в усыновители.

Ключевые слова: отмена усыновления, усыновитель, усыновленный, гарантии, интересы ребенка, защита прав, законные интересы.

Говоря о последних тенденциях развития российского законодательства в сфере усыновления, стоит отметить новеллы, реализованные в поправках к Конституции Российской Федерации [1] в 2020 году.

Так, в первой из новых статей (67.1), относящихся к федеративному устройству государства, законодатель закрепил важные и практически значимые положения, связанные со взаимоотношениями семьи и государства, целями семейного воспитания и др. В частности, в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ определено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Уточняя отдельные позиции семейных отношений, законодатель счел необходимым внести изменения в ст. 72 Конституции РФ, посвященную предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Так, в новом п. «ж. 1» ч. 1 указанной статьи установлено, что объектом совместных усилий должна быть защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

Из приведенных конституционных новаций можно сделать множество выводов, среди которых представляется уместным выделить положения о том, что государство не только признает приоритет семейного воспитания детей, в том числе возлагая на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения, но и создает условия для его реализации. При этом законодатель определяет направленность деятельности всех заинтересованных субъектов в воспитании детей, включая семью, органы государственной и муниципальной власти, на всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них

патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, уделяя особое внимание на устройство детей, оставшихся без попечения родителей.

Представляется, что данные установки должны повлечь за собой перестройку функционирующих органов государственной и муниципальной власти, являются нормативно установленным сигналом для институтов гражданского общества, приглашающим к взаимодействию в сфере укрепления семьи и семейных отношений. Так, уже в 2021 году распоряжением Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р [4] утвержден «План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.», в котором предполагается реформирование системы опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних и совершенствование форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Данный документ направлен на сокращение численности детей, в отношении которых было принято решение об отмене усыновления, отмене опеки (попечительства), отстранении опекуна (попечителя).

Столь пристальное, совершенно оправданное внимание со стороны государства к семье, детям, семейным отношениям, кроме прочего, свидетельствуют об актуальности взвешенного правового их регулирования, в целом семейного законодательства и семейного права, других отраслей права, в том числе процессуальных, связанных, в нашем случае, с особенностями производства по делам об усыновлении и отмене усыновления.

Обобщение правовых источников и научной литературы позволяет представить усыновление как явление интегративного, регулируемого, кроме норм международного права, нормами материального и процессуального отраслей российской правовой системы, характера, предпочтительной формы устройства детей в судебном порядке, закрепляемой юридическим актом, порождающим возникновение новых семейных отношений между усыновителем и усыновленным, равно как и другими членами семьи усыновителя.

Отмену усыновления (ст.ст. 140–144 Семейного кодекса РФ [2]), однозначно определив свою позицию, зако-

нодатель разместил в главе 19 СК РФ «Усыновление (удочерение)». Отношение же научного сообщества к такому подходу носит неоднозначный характер.

Большинство исследователей, вслед за законодателем, отмену усыновления рассматривают в качестве структурного элемента института усыновления [5, с. 97].

Другой точки зрения придерживается автор диссертационного исследования «Процессуальные особенности рассмотрения дел об отмене усыновления» Е. А. Семенова. Она отстаивает позицию о существовании самостоятельного, отдельного института отмены усыновления в гражданском процессуальном праве. В обоснование автор ссылается на то, что реализация положений ст. 275 ГПК РФ [3] осуществляется в исковом производстве. Следовательно, считает Е. А. Семенова, ст. 275 ГПК РФ имеет существенное наполнение, поскольку включает в себя, по сути, гражданские процессуальные нормы, определяющие правила рассмотрения и разрешения дел, связанных с отменой усыновления, в исковом производстве, а именно положения гл. 12–22 ГПК РФ [6, с. 60].

Приведенная аргументация вызывает множество возражений, среди которых сама формулировка. Так, ст. 275 ГПК РФ не может «включать в себя», как утверждает автор, гражданские процессуальные нормы. Они сами составляют самостоятельный институт ГПК РФ, не ориентируясь, в том числе, на положения СК РФ.

Проведенный анализ правовых основ усыновления и его отмены, состояния научного обобщения этих явлений позволили предложить следующие выводы и рекомендации.

1. В научной дискуссии о месте отмены усыновления в системе российского права мы склонны поддерживать мнение специалистов, которые считают, что оно тесно связано и является частью института усыновления. Такое умозаключение позволяет внести предложение об уточнении названия главы 19 СК РФ «Усыновление (удочерение) детей», добавив в конце слова «отмена усыновления». Соответственно и институт семейного права называть «Усыновление (удочерение) и отмена усыновления ребенка».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный источник] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года». // [Электронный источник] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Костров, П. С. Некоторые проблемы отмены усыновления по российскому законодательству // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2021. Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. — Гатчина, 2021. — С. 97–99.

2. В статье 127 СК РФ не совсем удачно сформулированы пп. 9–11 п. 1, содержащие различные показатели криминального и криминогенного характера, наличие которых исключает возможность рассмотрения лица в качестве претендента на усыновление ребенка. За пределами представленных здесь исключений физическое лицо с криминальным прошлым может рассматриваться в качестве кандидата в усыновители.

Не соглашаясь с такой позицией законодателя, предлагаем внести изменения в СК РФ и другие законодательные акты, содержащие требования к усыновителям, следующего содержания: «к усыновлению не допускаются лица, совершившие умышленные преступления различной степени тяжести. При этом потенциальным кандидатом в усыновители может быть лицо, впервые совершившее преступление по неосторожности, относительно которого суд выясняет все обстоятельства дела и обстоятельства, характеризующие личность претендента на усыновление, предусмотренные законодательством».

3. В соответствии с законодательством правом требовать отмены усыновления ребенка обладают: 1) родители, 2) усыновители ребенка; 3) усыновленный ребенок, достигший возраста четырнадцати лет; 4) орган опеки и попечительства, а также прокурор (ст. 142 СК РФ).

Для предъявления такого иска у соответствующего субъекта должно быть одно из следующих установленных законом оснований: 1) уклонение усыновителей от выполнения возложенных на них обязанностей родителей; 2) злоупотребление родительскими правами; 3) жестокое обращение с усыновленным ребенком; 4) хронический алкоголизм или наркомания, присущие усыновителю; 5) иные основания, признаваемые таковыми судом, «исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка» (ст. 141 СК РФ).

Практически ко всем основаниям, приведенным в законе, имеют отношение рассмотренные нами в начале статьи новые конституционные нормы и положения, выполнение которых способно позитивно повлиять в целом на брачно-семейные отношения, равно как на усыновление, в особенности его отмены.

6. Семенова, Е. А. Процессуальные особенности рассмотрения дел об отмене усыновления: дис. канд. юрид. наук. — М., 2017. — 206 с.

Доходы муниципальных образований: проблемы правового регулирования

Демиденко Алена Петровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Бюджет любого населенного пункта представляет собой распределение средств, являющихся доходами и расходами, которые относятся к определенному хозяйственному субъекту на конкретный временной интервал. На сегодняшний день муниципальные образования имеют низкую степень обеспеченности собственными средствами, что создает существенную проблему для развития и обеспечения высокого социально-экономического уровня в муниципальном образовании.

Ключевые слова: бюджет, налоги, доходы, расходы, правовое регулирование, экономика, государство.

Доходы, определяющие бюджет, основываются на формировании в рамках законодательных норм, в том числе с позиции законодательства о бюджете, налогах, обязательных платежах.

Налоговая система России определяется совокупностью федеральных налогов и сборов, региональных и местных налоговых поступлений. При этом, следует отметить, что распределение налогов осуществляется в рамках нормативов, утвержденных Бюджетным кодексом РФ [2].

Налоги и сборы регионального уровня поступают в бюджет субъектов России, однако могут быть перечислены в местные бюджеты согласно утвержденным нормативам.

Местные же налоги и сборы имеют место зачисления в бюджеты муниципальных образований.

Также необходимо отметить наличие неналоговых доходов бюджета, которые характеризуются образованием посредством продажи имущества или его использования. Такое имущество находится в собственности государства. Также неналоговые доходы предполагают оказание платных услуг в адрес бюджетных учреждений, реализация мер ответственности в отношении граждан и юридических лиц, нарушивших законодательные нормы.

Финансы муниципального образования можно охарактеризовать как систему отношений социально-экономического уровня, складывающиеся в рамках образования, распределения и использования финансовых средств местного назначения.

В рамках положений ст. 12 Конституции Российской Федерации определено, что органы местного самоуправления осуществляют управление самостоятельно, в пределах своих полномочий. При этом, положения ст. 130 вышеназванного закона предполагает осуществление муниципального управления посредством самостоятельного регулирования вопросов местного уровня [1].

Необходимо отметить, что в настоящий момент муниципальные образования не имеют достаточного уровня

обеспеченности финансовыми средствами, что обуславливает различные проблемы местного уровня. В частности, в рамках ст. 55 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определена обязательность соблюдения принципов формирования бюджетов, установленных бюджетным законодательством России. Однако, данная статья не носит конкретизирующего характера, что приводит к отсутствию строго регламентированной системы отнесения доходов к собственным доходам муниципальных образований [4].

Для уточнения доходов, относящихся к собственным доходам муниципалитетов, следует рассматривать ст. 47 Бюджетного кодекса РФ, положения которой определяют следующее: к собственным доходам бюджетов могут быть отнесены налоговые и неналоговые доходы, доходы, относящиеся к безвозмездным поступлениям [2].

Рассматривая вопрос налоговых доходов, следует проанализировать ст. 15 Налогового кодекса следует отметить, что налоги и сборы муниципальных образований включают налоги на имущество физических лиц, земельные налоги и торговые сборы. Данный перечень налогов и сборов достаточно незначителен. Такое положение дел обуславливает проблему, касающуюся недостаточности обеспечения расходов, которые сопряжены с деятельностью муниципального управления и направлены на повышение социально-экономического уровня жизни муниципалитета [3].

Таким образом, высказанное выше предположение о недостаточной обеспеченности муниципальных образований доходами для обеспечения покрытия расходов, является обоснованным. В частности, предположение можно подчеркнуть и официальной статистикой, публикуемой Министерством финансов России. На рис. 1 представлена динамика изменения показателя объема муниципального долга.

Несмотря на то, что динамика показателя муниципального долга характеризуется снижением за анализи-

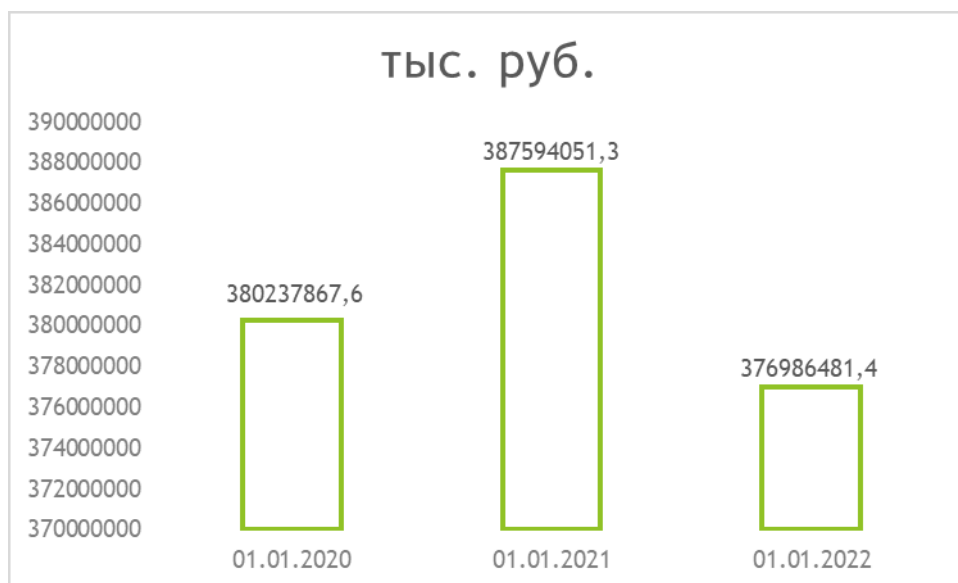

Рис. 1. Динамика показателя муниципального долга [5]

руемый период времени, муниципальный долг по-прежнему остается достаточно значимым. Такое положение дел фиксирует недостаток собственных доходов, получаемых муниципалитетами. При этом, отсутствие изменений структуры собственных доходов на законодательном уровне не дает возможности муниципальным образованиям повысить величину собственных доходов и достичь высокого уровня самостоятельности в вопросах удовлетворения имеющихся потребностей.

Таким образом, бюджеты муниципальных образований в настоящее время находятся в высокой степени зависимости от федеральных бюджетов, бюджетов субъектов РФ, следовательно, эффективность местного самоуправления характеризуется недостаточным уровнем. При этом, для повышения эффективности местного самоуправления и снижения зависимости от бюджетов высшего уровня, возникает потребность в пересмотре действующих законодательных норм, регулирующих вопросы формирования бюджетов местного уровня.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, N 144, 04.07.2020
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.05.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 31, 03.08.98, ст.3823
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.05.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 31, 03.08.98, ст.3824
4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 40, 06.10.2003, ст.3822
5. Министерство Финансов РФ. Статистика. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/sub_debt/?id_65=129701-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy (дата обращения: 01.06.2022)

Проблемы латентной преступности

Довгая Элина Романовна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Ключевые слова: латентная преступность, преступление, преступное поведение.

Количество зарегистрированных преступлений отличается от количества реально совершенных преступлений. Латентность является одним из свойств преступности, проблема латентной преступности состоит в том, что она скрыта. Таким образом, анализирую преступность, которая зарегистрирована, невозможно давать точные прогнозы преступности. В этом и состоит проблема латентной преступности.

В настоящий момент нет единого понятия латентной преступности. Например, Иншаков С. М. считает латентной преступностью фактическую часть преступности, но которая не была зарегистрирована [1]. Горшенков Н. Г. определяет латентную преступность как часть реальной преступности, но которая остается за пределами регистрации преступлений [2]. Сазанова Н. В. характеризует латентную преступность как часть преступности, которая внешне выражена в совокупности преступлений, но не вошедшая в систему учета преступлений, также которая характеризуется особенностью возникновения, развития, социальным характером, и имеющую количественные и качественные характеристики [3]. Таким образом, на основании вышеперечисленных определений преступности можно выделить одно. Латентная преступность — это криминологическое явление, которое характеризуется скрытой и не зарегистрированной преступностью, имеющее количественные и качественные показатели, социальные и правовые характеристики.

Причин латентной преступности достаточно много. Они могут зависеть от уровня правосознания граждан, сотрудников правоохранительных органов, состояние здоровья, уровень общественной опасности деяния и так далее. Таким образом можно выделить группы причин латентной преступности.

Первая группа. Уровень правосознания. С точки зрения теории государства и права правосознание — это часть общественного сознания, которое отражает отношение к праву, то есть человек на основе своих установок, убеждений, принципов, эмоций и оценок вырабатывает определенное отношение к праву [4]. В психологии сознание понимают как состояние психики, которое выражается в субъективном переживании объективных событий. В психологии правосознание — это состояние психики, которое выражается в определенном отношении к праву через свой собственный опыт. Таким образом, каждый человек по-своему относится к правовой действительности. Также нередко встречается деформация правосознания. Деформация правосознания — это искажение правовой действительности в сознании чело-

века. Она может выражаться в недостаточности правовых знаний, игнорирование права, а также в «перерождении» правосознание, то есть искажение правосознания, приводящие к совершению преступления. Таким образом, уровень правосознания влияет на отношения к праву, в том числе на соблюдение и знание законов. В зависимости от уровня правовых знаний человек может совершать или не совершать преступление. Например, все знают, что кража, грабеж, мошенничество являются преступными деяниями, однако есть такие преступления, которые некоторые лица не считают таковыми. Таким образом, когда они сталкиваются с преступным деянием, они не заявляют и не сообщают о преступлении. Бывают ситуации, когда сообщают о преступлении, но правоохранительные органы не принимают заявление, либо отказывают в возбуждении уголовного дела. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» в обязанности полиции принимать и регистрировать сообщения и заявления о преступлении [5]. Таким образом, уровень правосознания влияет на латентную преступность. Низкий или деформированный уровень правосознания является проблемой появления латентной преступности. Можно выделить несколько вариантов для снижения уровня латентной преступности, связанной с правосознанием, могут быть следующими:

Первый вариант. Повышение уровня знаний о праве. Проведение в школе дополнительных уроков по праву. Данные уроки должны будут обучать школьников основным правам, а также рассказывать о преступном поведении, и что оно за собой влечёт. Включение во все-российские контрольные работы отдельной дисциплины права. Также стоит в общественном транспорте (автобусах, электробусах, трамваях и так далее), а также на вокзалах, напоминать о преступлениях, делать стенды с соответствующей информацией. Социальные сети тоже можно использовать для повышения уровня знания о праве, например, отделы средств массовой информации могут не только размещать информацию о совершённых преступлениях, а также и теоретическую информацию о праве. Также профилактика преступности направлена на борьбу с детерминантами преступности. Профилактика преступности включает в себя определенную деятельность правоохранительных органов, то есть проведение мероприятий, определенных экономических мер, а также культурное воспитание население.

Второй вариант. Борьба с деформацией правосознания у сотрудников правоохранительных органов. В ситуациях, когда люди, которые не сталкивались с правоохранитель-

ными органами, заявляют о преступлении, но у них не принимают заявление, объясняя это тем, что отсутствует состав преступления, однако они обязаны проводить процессуальную проверку по каждому заявлению. Люди не знают куда можно обратиться, чтобы приняли заявление, а некоторые даже убеждаются в том, что преступление не было совершено. Таким образом, и рождается латентная преступность. Было бы целесообразно создать специальную независимую горячую линию для всех правоохранительных органов, которая бы разъясняла людям, как и куда им обращаться по вопросам, связанным с правоохранительными органами. Данная горячая линия могла повысить выявляемость нарушений, допускаемых правоохранительными органами, а также давать рекомендации куда обращаться в той или иной ситуации, к примеру, в какой правоохранительный орган необходимо обращаться в той или иной ситуации.

Вторая группа. Нежелание огласки интимных сторон жизни. Данная группа характерна для преступлений, связанных с половой неприкосновенностью и половой свободой личности. Люди стесняются освещать интимные подробности, считают постыдным сложившуюся ситуацию, а также могут считать себя виновными в том, что случилось. Также существует проблема, когда потерпевшими являются малолетними и не понимают, что в отношении них было совершено преступление. В современном мире данная проблема стоит достаточно остро. Предлагаются различные решения данной проблемы. В качестве

одного из решений предлагают вести в школах уроки полового воспитания. Детям необходимо объяснять, что не является нормой в отношении них, что такое интимные места, а также что объяснять, что бывает преступное поведение, конечно, в таком случае необходимо учитывать возраст ребенка, на основании этого подбирать определенный тип проведения такого урока. Однако помимо уроков полового воспитания необходимо родителям проводить беседы с детьми. Также важно объяснять, что жертва в данной ситуации не виновата. Это поможет снизить уровень латентной преступности.

Третья группа. Угрозы преступника и уверенность в избежание наказания преступником. Данные причины обусловлены тем, что преступник может запугать жертву, внушить, что ответственность за содеянное он не понесет. Например, преступники могут угрожать похищением детей или совершением насилия. Решение данной группы причин — это работа с общественностью, проведение каких-либо профилактических работ, а также защита потерпевших.

Данные причины тем или иным образом влияют на латентность преступности. Безусловно, полностью решить проблему латентной преступности на данном этапе невозможно, однако благодаря представленным решениям данных проблем можно снизить латентность преступности.

Литература:

1. Иншаков, С. М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 839 с.
2. Горшенков, Н. Г. Криминологический словарь / Н. Г. Горшенков. — 2-ое изд., доп. — Н. Новгород: нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2007. — 263 с.
3. Сазонова, Н. В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сазонова Наталья Васильевна; Красноярский государственный университет. — Красноярск, 2004. — 164 с.
4. Честнов, И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. — 118 с.
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»// Российская газета, 08.02.2011, № 25.

Методика расследования преступлений против личности, совершенных по религиозным мотивам

Ермишина Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент;
Калганов Кирилл Витальевич, студент магистратуры;
Коробова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы методики расследования преступлений против личности, совершенных по религиозным мотивам. Анализируется информация по преступлениям против личности, значение и задачи, решаемые судебной экспертизой, а также рассматривается процессуальный порядок производства и оформления судебной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, эксперт-криминалист, судебно-следственная практика, преступления против личности.

Methods of investigation of crimes against the person committed for religious reasons

The article discusses the issues of methods of investigation of crimes against the person committed for religious reasons. The information on crimes against the person, the significance and tasks solved by forensic examination are analyzed, and the procedural procedure for the production and registration of forensic examination is also considered.

Keywords: forensic examination, forensic medical examination, forensic expert, forensic investigative practice, crimes against the person.

Криминалистическая характеристика преступлений против личности, совершенных по религиозным мотивам, представляет собой систему сведений о значимых для расследования типовых признаках преступной деятельности указанного вида и взаимосвязях между ними, позволяющую прогнозировать оптимальные направления следственного, розыскного и оперативно-розыскного поиска при расследовании преступлений этого вида.

Криминалистическая характеристика преступлений против личности, совершенных по религиозным мотивам, представлена на основе изучения материалов следственной и судебной практики о преступлениях, в которых мотив национальной и расовой ненависти или вражды получил отражение в качестве квалифицирующих или отягчающих наказание обстоятельств. Источником для анализа послужили опубликованные материалы Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации [2].

Результаты анализа судебно-следственной практики показали, что против здоровья были направлены 37 % преступлений, против жизни — 49,5 %, совместно против жизни и здоровья — 13,5 % преступлений.

В число структурообразующих элементов криминалистической характеристики необходимо включать:

- мотив преступления;
- данные о субъекте преступления, о потерпевшем, о способе совершения преступления;

— данные о месте и времени совершения преступления, о наличии связи между преступником и потерпевшим.

Результаты анализа материалов практики показали, что указанные преступления наряду с мотивом ненависти или вражды были сопряжены также:

- с корыстными побуждениями — 9,3 %;
- с хулиганскими побуждениями — 3 %.

Указанные сведения не вполне сопоставимы с результатами проведенного автором опроса иностранных граждан.

Так, результаты анализа показали, что при нападении преступники требовали материальные ценности и (или) деньги в 22,5 % преступлений. Характерно, что в 60 % преступлений нападавшие требовали, чтобы потерпевшие покинули страну. В 77,5 % преступлений нападавшие лица демонстративно совершали действия, унижающие честь и достоинство потерпевших в связи с их национальной и расовой принадлежностью. В ходе нападения произносились националистические лозунги, демонстрировались нацистские символы, свастика, произносились угрозы и оскорбления в адрес представителей других национальностей и рас [5].

Чувство ненависти и вражды у религиозного экстремиста проявляется: в нетерпимости по отношению к лицам другой религиозной принадлежности; в недовольстве положением исповедуемой им религии, ее месте в обществе, в государственном и политическом устрой-

стве; в вере в превосходство его религии над другими; в несогласии с традициями иных религиозных конфессий; в спорах о силе религии, Бога. И соответственно, этот человек, как представитель той или иной религии не может быть доволен и своим положением в обществе. Такой тип людей очень твердо позиционирует себя на отстаивание своей позиции, противопоставляя себя обществу. Такие люди имеют собственные взгляды на устройство мира и агрессивно навязывают его обществу. Религиозным экстремистам свойственно конфликтное состояние души, в совокупности с психологическими проблемами, отчаяние, порожденное неудовлетворенностью собственной жизнью, и как следствие потеря смысла жизни. Но это лишь одна сторона характеристики личности религиозного экстремиста. Другая сторона — это внушаемость человека, неумение управлять собой. Внушаемость свойственна несовершеннолетним лицам, которые очень часто вовлекаются в совершении преступлений экстремисткой направленности.

Считается, что самой сложной экспертизой из комплексных видов экспертиз психолого-психиатрическая. Также она является самой распространённой. Данный вид экспертизы необходим для установления в отношении несовершеннолетнего есть ли отставание в развитии, лица привлекаемого к уголовной ответственности были ли состояние аффекта при совершении преступления и при иных случаях когда требуется установить психическое состояние лица привлекаемого к делу. Все чаще назначаются и комплексные сексолого-психиатрические экспертизы, организация производства которых детально регламентируется Инструкцией по организации судебно-психиатрической экспертизы в государственных психиатрических учреждениях (утверждена приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30.05.2005 № 370) [2].

Порядок назначения и производства комиссионной и комплексной экспертиз регулируется статьями 21 и 23 Федерального закона от 31.05.2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

При назначении межведомственных комплексных экспертиз в соответствии с Инструкцией об организации производства комплексных экспертиз в СЭУ СССР от 22.07.1986 в её назначении должно быть указано, каким судебно-экспертным учреждениям поручается ее производство и какое является ведущим.

Заключение по окончанию экспертизы эксперт дает в письменном виде. Также необходимо чтобы заключение было удостоверено печатью и подписью судебно-экспертного учреждения и эксперта, проводившего экспертизу

Сведения, которые должны быть отражены в заключении эксперта или комиссии экспертов, подробно изложены в статье 204 УПК РФ и статье 25 Федерального закона Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4].

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью. Документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хранятся в государственном судебно-экспертном учреждении. По требованию органа или лица, назначивших судебную экспертизу, указанные документы предоставляются для общения к делу [5].

Хочется отметить, что в дознании в сокращенной форме прав у подозреваемого намного меньше, чем при обычной форме дознания.

Чтобы признать доказательства недопустимыми есть ряд правил, которые мы рассмотрим далее более подробно.

Признание доказательства недопустимым должно оформляться отдельным процессуальным решением, в котором должны указываться: участник уголовного судопроизводства, инициировавший принятие решения; конкретное доказательство, отраженное в надлежащей процессуальной форме и его индивидуальные признаки; подробное указание на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные при сборе данного доказательства; выводы об изъятии доказательства из перечня допустимых; распоряжение на оповещение прокурора и руководителя следственного органа о принятом решении (если доказательство было получено на досудебной стадии).

Обнаруженные нами недостатки производства дознания в сокращенной форме требуют скорейшего законодательного разрешения. Для этого необходимо: законодательно четко выразить терминологию и представить соответствующие определения; исключить вероятность совершения дублирующих друг друга действий участниками уголовного судопроизводства; урегулировать сроки производства дознания в сокращенной форме с объемом производимых процессуальных действий и принимаемых процессуальных решений.

Необходимо в УПК РФ зафиксировать необходимость определения причин изменения позиции подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего либо его представителя по уголовному делу (п. 6 ч. 1 ст. 226.2, ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ).

В уголовно-процессуальную деятельность при окончании предварительного расследования прекращением уголовного дела входит:

- анализ и оценка собранных по делу доказательств их в совокупности с точки зрения достаточности для достоверного вывода о невозможности продолжать расследование ввиду установления оснований прекращения дела;
- систематизация и надлежащее оформление материалов уголовного дела (в т. ч. составление соответствующего постановления);
- разрешение вопросов, вытекающих из решения о прекращении дела;
- проверка законности и обоснованности прекращения дела прокурором;

— сообщение о прекращении уголовного дела участникам уголовного судопроизводства, представление им и иным лицам возможности реализовать права в связи с окончанием расследования прекращением уголовного дела;

— принятие мер по реабилитации лица и возмещению вреда, причиненного в результате уголовного преследования;

— рассмотрение жалоб заинтересованных в исходе дела лиц прокурором или судом [7].

Судебный контроль на стадии предварительного расследования не должен носить всеобъемлющего харак-

тера и означать устранения прокурора от надзора за законностью. Контроль суда в виде дачи судом разрешений на производство процессуальных действий затрагивает лишь те из них, которые ограничивают конституционные права граждан. Объектом судебного контроля в виде обжалования в суд действий (бездействия) и решений следователя, органа дознания, дознавателя выступают прямо установленные в законе решения, а также иные неправомерные действия и решения, если заявитель докажет, что они способны причинить ущерб его конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию.

Литература:

1. Конституция Российской (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 31, ст. 4398
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25, ст. 2954
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Парламентская газета. — 2001. — № 241–242.
5. Боярова, М. А. Особенности правового статуса эксперта в рамках уголовного процесса / М. А. Боярова // Известия Института систем управления СГЭУ. — 2019. — Т. 19. № 1. — с. 34–36.
6. Кропачев, Н. М. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Н. М. Кропачев, Б. В. Волженкин, В. В. Орехов. — СПб.: Издательский Дом СПб. Государственного университета, 2019. — 1064 с.
7. Лазарева, Д. В. Заключение эксперта как процессуальное доказательство / Д. В. Лазарева // Известия Института систем управления СГЭУ. — 2019. — Т. 19. № 1. — с. 66–68.
8. Тимохина, М. И. Роль и значение судебных экспертиз в расследовании преступлений экономической направленности / М. И. Тимохина // Научный электронный журнал Меридиан. — 2019. — № 12 (30). — с. 234–236.

Об особенностях особого порядка судебного разбирательства в уголовном процессе России

Егорова Варвара Геннадьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются особенности особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, дается оценка проявлению принципа состязательности при рассмотрении уголовного дела в указанном порядке уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, упрощенное судопроизводство.

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением стал новеллой уголовно-процессуального законодательства России. Попытки к его реализации были и ранее — уже Русская Правда указывала на возможность сокращения процесса ввиду признания вины, что влекло за собой прекращение дальнейшего разбирательства [1]. Устав уголовного судопроизводства 1864 года предусма-

тривал, что если при рассмотрении дела окружным судом, подсудимый признает вину, ему задаются вопросы относительно обстоятельств совершенного преступления, и если признание вины подсудимого не вызовет никаких сомнений, то суд, не производя дальнейшего исследования, переходит к приятиям [2].

Вместе с тем, в настоящее время уголовное судопроизводство уже не считает признание вины обвиняемым «ца-

рицей доказательств», так как ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы [3, с. 13]. Но это не означает, что признание подсудимым вины вовсе не учитывается в уголовном судопроизводстве, так как оно освобождает сторону обвинения от доказывания в суде и делает возможным проведение судебного разбирательства в сокращенном порядке.

Так, по делам небольшой и средней тяжести подсудимый в случае согласия с предъявленным обвинением, вправе ходатайствовать о проведении особого порядка судебного разбирательства. Сущность указанного правового института заключается в том, что подсудимым не оспаривается квалификация содеянного, признается вина в совершении инкриминируемого преступления, он осознает, что не сможет обжаловать приговор по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Подсудимый заявляет указанное ходатайство добровольно и после консультации с защитником, в письменной или устной форме в присутствии защитника.

Вместе с тем, при рассмотрении судом указанного ходатайства учитывается также согласие государственного обвинителя и потерпевшего. Если кто-либо из них возражает против удовлетворения ходатайства подсудимого, независимо от мотивов таких возражений, суд отказывает в его удовлетворении, и назначает рассмотрение дела в общем порядке судебного разбирательства. Как правильно отмечает Баканова А. А., в указанном случае находит выражение принцип состязательности, в соответствии с которым предполагается процессуальное равенство сторон, при этом воля каждой из них влияет на осуществление конкретной формы судебного разбирательства, в противном случае можно говорить о нарушении права потерпевшего [4].

Так, например, по окончании предварительного следствия и в судебном заседании после оглашения обвинения подсудимым Л. было заявлено ходатайство рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства. Вместе с тем, государственный обвинитель возражал против удовлетворения заявленного ходатайства, так как Л. в момент совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст.115 УК РФ, находился в состоянии алкогольного опьянения. Суд отказал в удовлетворении ходатайства подсудимого, дело рассмотрено в общем порядке судебного разбирательства [5].

При этом, согласно разъяснениям Пленума Верховного суда РФ в его постановлении «О применении судами осо-

бого порядка судебного разбирательства уголовных дел» условиями для рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, в том числе, является обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами, а также отсутствие оснований для прекращения уголовного дела [6]. Тем самым в части 7 ст.316 УПК РФ нашло свое выражение назначение уголовного судопроизводства — защита личности от необоснованного уголовного преследования. Таким образом, в случае неподтверждения материалами уголовного дела вины подсудимого или обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, суд вправе по собственной инициативе выйти в общий порядок судебного разбирательства. При этом в указанном случае суд обязан обеспечить сторонам возможность дополнительной подготовки к рассмотрению дела в общем порядке и с этой целью, учитывая мнение сторон, либо откладывает судебное заседание, либо объявляет перерыв.

По делу, рассматриваемому в особом порядке судебного разбирательства, исследуется лишь материалы дела, характеризующие личность подсудимого, а также смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. При этом в силу последних разъяснений Пленума Верховного суда — исследование данных обстоятельств проводится всеми способами, в том числе путем оглашения имеющихся в деле и дополнительно представленных сторонами материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам [6].

В любом случае, суд не слепо удовлетворяет ходатайство, а исследовав материалы уголовного дела и установив, что вина подсудимого действительно подтверждается, постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Однако на дополнительное наказание это условие не распространяется.

Таким образом, особый порядок судебного разбирательства является компромиссом стороны обвинения и стороны защиты. Это не только средство процессуальной экономии, но и средство стимулирования позитивного посткриминального поведения, реализация частной и общей превенции [7, с. 38]. Подсудимым дается шанс исправления, заглаживания вреда, причиненного преступлением, примирения с потерпевшим, осознания вины, с последующим смягчением наказания.

Литература:

1. Шпинева, С. А. История развития особого порядка судебного разбирательства / С. А. Шпинева. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-osobogo-poryadka-sudebnogo-razbiratelstva> (дата обращения: 30.05.2022).
2. Устав уголовного судопроизводства. — Текст: электронный // СПС Гарант: [сайт]. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 01.06.2022).
3. Глухов, Д. В. Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России / Д. В. Глухов. — Текст: непосредственный // Юрист. — 2009. — № 11. — с. 11–15.

4. Баканова, А. А. Защита прав и законных интересов потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства / А. А. Баканова. — Текст: электронный // Киберленинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-i-zakonnyh-interesovpoterpevshego-pri-primenenii-osobogo-poryadka-sudebnogo-razbiratelstva> (дата обращения: 30.05.2022).
5. Приговор Конаковского городского суда от 27.07.2021 по делу № 1–89/2021. — Текст: электронный // Официальный сайт Конаковского городского суда Тверской области: [сайт]. — URL: https://konakovsky—twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=d282e8b0-68bc-4b7c-8bbd-d452594f01a8&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=2&_hideJudge=0 (дата обращения: 31.05.2022).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». — Текст: электронный // Официальный сайт Верховного суда РФ: [сайт]. — URL: <http://vs.prf/documents/own/30189/> (дата обращения: 01.06.2022).
7. Двирник, К. А. Проблемы назначения наказания при особом порядке судебного разбирательства и заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / К. А. Двирник. — Текст: непосредственный // Будущее науки. — 2013. — № 2. — с. 38–40.

Актуальные проблемы крайней необходимости в административном праве

Згайр Хамза Кадим Згайр, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящее время доля административных правонарушений в обществе растет, все больше людей привлекается к административной ответственности. В таких условиях очень важно определить условия для привлечения лица к ответственности и освобождения от нее. В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности освобождения от административной ответственности и прекращения производства по делу об административном правонарушении ввиду совершения деяния в условиях крайней необходимости.

Автор статьи выявляет актуальные проблемы правового регулирования в рассматриваемой сфере и предлагает пути их решения. Применение рекомендаций, разработанных автором на практике, позволит повысить эффективность производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административные правонарушения, крайняя необходимость, прекращение производства по делу

Actual problems of extreme necessity in administrative law

Currently, the share of administrative offenses in society is growing, more and more people are being brought to administrative responsibility. In such circumstances, it is very important to determine the conditions for bringing a person to responsibility and release from it. Within the framework of this article, the features of exemption from administrative responsibility and termination of proceedings in the case of an administrative offense due to the commission of an act in conditions of extreme necessity are considered.

The author of the article identifies the actual problems of legal regulation in the field under consideration and suggests ways to solve them. The application of the recommendations developed by the author in practice will improve the efficiency of proceedings in cases of administrative offenses.

Keywords: administrative offenses, extreme necessity, termination of proceedings

Административное право играет важную роль в регулировании общественных отношений. Институт административных правонарушений является одним из ключевых в современном административном праве. Отрасль современного российского права административное право является публичной отраслью права, то есть регулирует отношения в сфере администрирования общественных отношений. Административное право является быстро развивающейся отраслью.

Административные правонарушения предоставляют собой одну из сторон предмета административного права. Действительно, отрасль права должна устанавливать ответственность за нарушение ее норм, иначе отсутствуют определённые гарантии реализации прав. Именно через установление административной ответственности государство показывает, что необходимо соблюдать нормы в сфере государственного администрирования, как гражданами, так и представителями власти.

Исследовательский интерес представляют обстоятельства, которые исключают производство по делу об административном правонарушении. Так, ст. 24.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) устанавливает случаи, когда производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а уже начатое подлежит прекращению [1]. Среди таких условий, п. 3 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ предусматривает крайнюю необходимость. В рамках данной статьи будут рассмотрены особенности крайней необходимости и актуальные проблемы, связанные с регламентацией данного института.

Правовая регламентация крайней необходимости в административном праве осуществляется на основании ст. 2.7 КоАП РФ, которая гласит, что не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред. Таким образом, исходя из легального определения крайней необходимости, она представляет собой такую ситуацию, когда субъект правонарушения фактически совершает запрещенные КоАП РФ действия, но для защиты собственных прав или для защиты публичных интересов.

Правовые основы крайней необходимости в праве заложены ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации [2], которая гласит, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Таким образом, государство гарантирует каждому человеку обеспечение необходимой правовой регламентации средств, к которым лицо вправе прибегать для защиты своих прав и интересов.

В доктрине права крайняя необходимость рассматривается как один из способов самозащиты своих прав и законных интересов. Самозащита представляет собой частный случай защиты, когда управомоченное лицо защищает свои права без обращения за помощью к компетентным органам и лицам [3]. То есть лицо само предпринимает незапрещенные законом или иным нормативным правовым актом действия, которые направлены на защиту нарушенного права или его восстановление.

Некоторые исследователи отмечают, что само существование института крайней необходимости в административном праве является нецелесообразным. Например, Е. И. Гончаров отмечает, что различие между необходимой защитой в административном праве и аналогичным институтом в уголовном праве состоит именно в том, что попытка вызвать необходимое состояние защиты не несет в себе никаких признаков социальной угрозы, поскольку не представляет угрозы для фундаментальных отношений [4]. То есть исследователи исходят из того, что

само административное правонарушение не предполагает общественной опасности и, следовательно, у субъекта отсутствуют основания для предотвращения противоправных действий. Те, кто придерживается данного подхода используют в подтверждение своей теории определение административного правонарушения, указанного в ст. 2.1 КоАП РФ, которая гласит, что административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Так, подчеркивается, что в данном определении нет указания на общественную опасность деяния. Следовательно, они приходят к выводу о том, что необходимая оборона как таковая в данном случае отсутствует.

Однако автор с такой позицией не согласен ввиду следующего. Во-первых, крайнюю необходимость нужно рассматривать именно как один из способов защиты права, закреплённых в Конституции РФ. При таком подходе нет разницы в рамках какой из отраслей права закреплена необходимая оборона. Во-вторых, социальная опасность имеет место и при совершении административных правонарушений, поскольку они посягают на установленные в обществе и государстве правила поведения. Отличие административных правонарушений от уголовных преступлений состоит в степени общественной опасности деяния и в сферах, которые охраняют данные отрасли права. Однако социальная опасность действий подразумевается и в рамках уголовного, и в рамках административного права. Следовательно, автор считает, что закрепление института необходимой обороны в рамках административного права является важным шагом в защите прав и свобод человека и гражданина. Отрицание места необходимой обороны в административном праве, по нашему мнению, связано с недостаточным пониманием сущности данного института.

Важно учитывать, что применение правил о крайней необходимости не всегда возможно и имеет место практика судов, когда в применении правил о крайней необходимости отказывали. Так, в большинстве случаев правила о крайней необходимости не применяются в случае, если лицо управляло транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Так, в Постановлении Калининградского областного суда (Калининградская область) от 21.10.2019 г. по делу № 4А-446/2019 отражено, что суд отклонил довод лица о том, что он нарушил правила дорожного движения в условиях крайней необходимости (необходимость доставления лица в медицинское учреждение) ввиду того, что он находился в состоянии алкогольного опьянения [5]. Неприменение норм о крайней необходимости к лицам, находившимся в состоянии опьянения при нарушении правил дорожного движения, обусловлено особой опасностью таких деяний. Так, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения может привести к многочисленным жертвам. Именно по-

этому к данным лицам не могут применять правила об освобождении их от административной ответственности.

Правоприменители нередко допускают ошибки при квалификации деяния, содержащего в себе признаки крайней необходимости. Так, практика показывает, что правоохранительные органы редко применяют данный институт освобождения от административной ответственности, что связано с непониманием условий для применения правил о крайней необходимости. Например, в решении Тамбовского районного суда указано, что инспектор дорожного движения неправильно определил фактические обстоятельства дела, а также не установил обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении [6]. Так, П. проехал по встречной полосе, поскольку на полосе его движения производились ремонтные работы; наличие на дороге ремонтной техники и работников не давали возможности П. двигаться по своей полосе движения. Следовательно, в данном случае отсутствовала возможность иного поведения лица.

Таким образом, условия необходимой обороны играют решающую роль для правильной квалификации содеянного и привлечения к административной ответственности. Исходя из определения необходимой обороны можно выделить следующие условия ее применения:

1. Невозможность устранить опасность иными средствами.
2. Соразмерность причиненного вреда предотвращённому.

Кроме того, практика показывает, что крайней необходимости свойственны еще два условия — опасность нейтрализуется в пределах ее существования и непосредственность самой опасности. Первое условие означает, что действия должны быть совершены непосредственно в момент наступления такой опасности. Так, в рассматриваемом выше случае П. не мог выехать на встречную полосу уже после того, как он проехал участок ремонтируемой дороги. Непосредственность самой опасности означает, что она должна быть реальной. То есть не будет считаться необходимой обороной случаи, когда лицо просто полагало, что опасность может наступить. Например, В. подумал, что Г. собирается его ударить после

конфликта и нанес последнему побои. Г. в данном случае не собирался применять силу к В. и ограничился устными высказываниями. В данном случае крайней необходимости не будет, поскольку в реальности В. не угрожало никакой опасности.

Автор полагает, что рассмотренные выше два условия необходимой обороны необходимо в обязательном порядке отразить в КоАП РФ, поскольку в настоящее время они сформулированы лишь в доктрине права. Однако без наличия данных условий невозможно признать действия необходимой обороной. Ввиду изложенного автор считает необходимым внести изменения в ст. 2.7 КоАП РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, при одновременном соблюдении следующих условий:

- эта опасность не могла быть устранена иными средствами;
- причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред;
- вред причинен непосредственно перед или в момент возникновения опасности;
- существовала реальная опасность причинения вреда лицу или публичным интересам».

Внесение данного изменения в КоАП РФ позволит минимизировать риск неправильной квалификации содеянного и позволит более точно определить случаи крайней необходимости.

Таким образом, институт крайней необходимости играет важную роль в современном административном праве и направлен на защиту прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях. Для правильного применения норм рассматриваемого института необходимо устанавливать его сущность и содержание, а также знакомиться с материалами судебной практики, в рамках которых раскрываются правила применения норм о крайней необходимости.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
3. Апанасенко, О. Н., Малюков С. Г. Самозащита в административном праве: новое в законодательстве // Евразийский Союз Ученых. — 2015. — № 4–9 (13). — с. 31–32.
4. Давиденко, К. Е. К вопросу о допустимости необходимой обороны при защите от посягательств, имеющих признаки административного правонарушения // Modern science. — 2021. — № 5–3. — с. 181–186.
5. Постановление Калининградского областного суда от 21.10.2019 г. по делу № 4А-446/2019 2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0QvoVS6MKNH5/> (дата обращения: 12.05.2022)

6. Решение Тамбовского районного суда (Тамбовская область) от 24.09.2019 г. по делу № 12–253/2018 [Электронный ресурс] \\\ Судебные и нормативные акты. — Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/B0DIhr99GaYW/> (дата обращения: 12.05.2022)

Современные кодексы этики государственных и муниципальных служащих как составная часть антикоррупционного законодательства

Иошина Мария Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соболев Ульяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются кодексы этики государственных и муниципальных служащих. Рассматриваются вопросы практической реализации норм действующего законодательства. Выявляются и конкретизируются актуальные проблемы в исследуемой области и предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: муниципальный служащий, государственный служащий, кодекс этики, противодействие коррупции, этика, злоупотребление полномочиями.

Modern codes of ethics of state and municipal employees as an integral part of anti-corruption legislation

The article deals codes of ethics of state and municipal employees. The issues of practical implementation of the norms of the current legislation are considered. Actual problems in the studied area are identified and specified and ways of their solution are proposed.

Keywords: municipal employee, civil servant, code of ethics, anti-corruption, ethics, abuse of authority.

Особый публично-правовой статус государственных и муниципальных служащих, обусловленный исполнением полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, налагает на данную категорию лиц ряд специальных установленных федеральными законами ограничений, запретов и требований. Принципы служебного поведения государственных служащих также содержатся в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

В настоящее время деятельность государственных и муниципальных служащих регламентируется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральным законом от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», Указом Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также муниципальными правовыми актами. Также существует Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее — Типовой кодекс), который не является источником права, а носит рекомендательный характер. То есть законодательно этический аспект поведения

государственных и муниципальных служащих закреплён частично, что создает почву для злоупотреблений своими полномочиями данной категорией лиц.

Можно сказать, что нормы Типового кодекса этики носят бланкетный и отсылочный характер, так как санкции за конкретные нарушения конкретизируются в Федеральном законе «О противодействии коррупции», а санкция находится в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Типовой кодекс является основой для разработки соответствующими государственными органами и органами местного самоуправления кодексов этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (далее — государственные (муниципальные) служащие).

Структуру Типового кодекса составляют следующие элементы:

- I. Общие положения.
- II. Основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих.
- III. Рекомендательные этические правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих.
- IV. Ответственность за нарушение положений Типового кодекса [6].

Типовой кодекс представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руко-

водствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности.

Целью законодательства, регламентирующего этику поведения государственных и муниципального служащего, является установление этических норм и правил служебного поведения государственных и муниципальных служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета государственных и муниципальных служащих, доверия граждан к органам государственной власти и органам местного самоуправления и обеспечение единых норм поведения государственных и муниципальных служащих.

Государственные и муниципальные служащие обязаны противодействовать проявлениям коррупции и предпринимать меры по ее профилактике в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Государственные и муниципальные служащие при исполнении ими должностных обязанностей не должны допускать личную заинтересованность, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

Вне зависимости от места и времени служащим необходимо учитывать, что их поведение должно всецело соответствовать ограничениям, запретам и требованиям, и не допускать поступков, способных вызвать сомнения в их честности и порядочности.

Профессиональная деятельность служащих, замещающих руководящие должности, как правило, носит публичный характер, такие служащие легко узнаваемы, непосредственно ассоциируются с муниципальными органами, в связи с чем обращают на себя внимание общества, включая средства массовой информации, в том числе и во внеслужебное время.

Служащие, замещающие руководящие должности, своим личным примером формируют правила поведения подчиненных.

Вне зависимости от занимаемой должности необходимо помнить, что служащий не должен совершать поступки, порочащие его честь и достоинство.

Служащему рекомендуется до совершения какого-либо поступка задуматься о том, как это будет воспринято коллегами по службе, и прислушаться к их профессиональным советам.

При размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе в социальных медиа, в личных целях необходимо подходить к данному вопросу осознанно и ответственно. Недопустимо размещение служащим изображений, текстовых, аудио-, видеоматериалов, прямо или косвенно указывающих на его должностной статус, если данное действие не связано с исполнением служебных обязанностей.

Важно помнить, что информация, опубликованная в сети Интернет, может оставаться открытой для доступа неограниченное количество времени и неограниченному кругу лиц.

Предоставление и публичное размещение информации от имени органа государственной власти и органа местного самоуправления имеют право осуществлять только

лица, уполномоченные на размещение и предоставление такой информации.

Служащий должен помнить, что его неэтичный поступок, в том числе совершенный во внеслужебное время, может повлечь причинение вреда его репутации, авторитету государственного органа, муниципального органа и в целом государственной, муниципальной службе.

В целях противодействия коррупции и иным правонарушениям служащему рекомендуется руководствоваться в своем поведении при исполнении должностных обязанностей следующими основополагающими морально-этическими ценностями:

- честность;
- беспристрастность.

Служащий при исполнении должностных обязанностей и во внеслужебных отношениях должен не допускать каких-либо поступков, способных вызвать сомнения в порядочности его действий и тем самым подорвать доверие общества к деятельности государственных и муниципальных органов.

С учетом анализа правоприменительной практики, включая работу комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных и муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов, служащим рекомендуется исключить возникновение следующих неэтичных поступков.

1. Внеслужебное общение с заинтересованными лицами
2. Использование должностного статуса для получения личных преимуществ
3. Использование имущества, несопоставимого с доходами

Коррупция является системным явлением социокультурного, социально-экономического, нравственно-этического, политико-юридического характера. Поэтому эффективно противодействовать ей можно только комплексом политических, правовых, социальных, экономических, кадровых, организационных, информационных, этических мер, реализуемых синергетически.

Ключевым элементом системы борьбы с коррупцией является человек с его пониманием и личностным усвоением морально-нравственных норм, определяющих уровень его этической культуры и его способность противостоять коррупции. Главным морально-нравственным регулятором поведения человека выступает совесть. Но не всегда, не везде и не у всех этот внутренний контролёр работает, поэтому сложилась система социального контроля, включающая писанные нормы и правила, императивно детерминирующие социальное поведение человека. К таким формализованным ограничителям социального поведения человека относятся профессионально-этические кодексы, включающие общие принципы служебной этики и основные правила служебного поведения, которыми должны руководствоваться профессионалы. В то же время, профессиональный кодекс — это юридический документ, закрепляющий общезначимые цели и задачи профессии.

Однако законодательство в отношении этики и служебного поведения государственного и муниципального служащего носит рекомендательный характер и представляет собой основу для разработки эффективного и действенного кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих.

Этические аспекты поведения государственного и муниципального служащего являются довольно абстрактной категорией, опять же ввиду того, что решающим фактором в принятии решения и поведении служащего являются его моральные качества, внутренние убеждения и ценности. Данную категорию в полной мере не представляется возможным установить у каждого конкретного кандидата путем тестирования и иными видами проверки на соответствие кандидата замещаемой должности. Также необходимо учитывать, что действующие государственные и муниципальные служащие, уже

освоившись на своей должности, зная всю «кухню» изнутри, могут злоупотребить своим положением, считая, что все риски предусмотрены, в обход действующего антикоррупционного законодательства. Следует учитывать и такое явление как профессиональная деформация, где в данной конкретной ситуации во главу угла служащий может поставить, прежде всего, свои интересы, а не свои должностные обязанности.

На основании вышеизложенного, анализа законодательства и взаимосвязи нормативных правовых актов, можно сделать вывод, что этика и служебное поведение государственных и муниципальных служащих являются сферой с большим пространством для злоупотреблений со стороны служащих. Необходимость регламентирования данных сфер очевидна и необходима как неотъемлемая часть федерального законодательства и государственной службе, муниципальной службе и антикоррупционного законодательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.08.2014, № 31. Ст. 4398
2. Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.03.2007, № 10, ст. 1152
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 02.08.2004, № 31, ст. 3215
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228
5. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Собрание законодательства Российской Федерации, 19.08.2002, № 33 ст. 3196
6. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21))
7. Гарифуллина, А. Р., Юн Л. В. Профессиональная этика муниципальных служащих: конституционно-правовые вопросы («Муниципальная служба: правовые вопросы», 2021, № 4)

Особенности законодательной регламентации наследственных прав несовершеннолетних

Казакова Лаура Артуровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Напсо Марьяна Бахсетовна, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье рассмотрены основы нормативного регулирования наследственных прав несовершеннолетних граждан в Российской Федерации. Показана необходимость не только детальной регламентации, но и всесторонней охраны и защиты наследственных прав несовершеннолетних как наиболее уязвимой категории граждан в силу возрастного критерия.

Ключевые слова: наследство, несовершеннолетний, обязательная доля, органы опеки и попечительства, доверительное управление наследством, законный представитель, восстановление наследственных прав.

Безусловно, порядок осуществления наследственных прав несовершеннолетних и лиц, достигших 18-летнего возраста, существенно отличается, о чем свидетель-

ствует действующее наследственное законодательство Российской Федерации в отношении данной категории граждан.

Участие несовершеннолетних в наследственных правоотношениях сопряжено рядом отличительных черт, обусловленных введением дополнительных институтов защиты их прав и законных интересов.

К числу основных нормативно-правовых актов, регламентирующих осуществление наследственных прав несовершеннолетних, относят: Конституцию Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, а также Федеральный закон «Об опеке и попечительстве».

Осуществление наследственных прав несовершеннолетним предполагает распоряжение последним и (или) его законными представителями правами, предоставленными наследственным законодательством.

Как следует из общих положений ГК РФ, несовершеннолетний может наследовать имущество по двум основаниям: по закону и по завещанию. При наследовании по закону дети наследодателя относятся к наследникам первой очереди и обладают правом на обязательную долю в наследстве, что вытекает из положений статьи 1149 ГК РФ [2].

При осуществлении наследственных правоотношений, в большинстве своем, наряду с несовершеннолетним, принимают участие его законные представители, ряд случаев предполагает привлечение также органа опеки и попечительства.

Статья 1157 ГК РФ предусматривает возможность отказа от наследства. При этом, отказ от наследства в случае, когда наследником является несовершеннолетний гражданин, допускается с предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Данное положение связывается непосредственно с тем, что отказ от наследства влечет изменение имущественных прав несовершеннолетнего, вследствие чего необходимо получить согласие органа опеки и попечительства в целях недопущения ущемления его прав и законных интересов [2].

Следует отметить, что разрешение органа опеки и попечительства будет считаться законным и обоснованным лишь с учетом соблюдения и защиты имущественных интересов несовершеннолетнего.

В числе прочего, для обеспечения условий охраны интересов несовершеннолетнего при наследовании, статьей 1166 ГК РФ установлено, что при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника, раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника.

Переходя к вопросу о порядке раздела наследственного имущества при наличии несовершеннолетнего наследника, важно подчеркнуть, что ввиду того, что раздел наследства направлен на изменение имущественных прав несовершеннолетнего, органы опеки и попечительства в обязательном порядке должны быть уведомлены о составлении соглашения о разделе наследства и о рассмотрении в суде дела о разделе наследства [4].

Срок принятия наследства регламентирован статьей 1154 ГК РФ и составляет шесть месяцев со дня открытия

наследства. Однако, законодательством не установлено, что недостижение наследниками совершеннолетнего возраста может приниматься в качестве уважительной причины пропуска срока для принятия наследства.

Но в то же время, позиция Верховного суда Российской Федерации, выраженная в Определении судебной коллегии по гражданским делам от 27.03.2018 № 5-КГ17-241, заключается в том, что ненадлежащее исполнение законным представителем возложенной на него законом, в силу положений статьи 64 СК РФ, обязанности действовать в интересах несовершеннолетнего ребенка не должно отрицательно сказываться на правах и интересах этого ребенка как наследника, не обладавшего на момент открытия наследства дееспособностью в полном объеме [5].

В связи с этим субъективное отношение законного представителя к вопросу о принятии наследства и его действия (бездействие), приведшие к пропуску срока для обращения в суд с иском о восстановлении срока для принятия наследства несовершеннолетними детьми, не могут в силу норм статей 26, 28 и пункта 1 статьи 1155 ГК РФ являться основанием для отказа в восстановлении срока для принятия наследства наследникам, являвшимся несовершеннолетними на момент открытия наследства, поскольку самостоятельная реализация ими права на принятие наследства в течение шестимесячного срока и последующее обращение в суд были невозможны в силу их несовершеннолетнего возраста [3].

Считаем, данную позицию обоснованной, а также предполагаем целесообразным и необходимым закрепить вышеуказанное положение в наследственном законодательстве Российской Федерации, ввиду того, что причины пропуска срока должны оцениваться применительно к личности именно наследника, а не его законного представителя.

Что касается вопроса о доверительном управлении наследством, в судебной и нотариальной практике не сложилось единообразного подхода его разрешению. В соответствии со статьей 1026 ГК РФ права учредителя управления принадлежат органу опеки и попечительства, нотариусу или иному лицу, указанному в законе.

В том случае, если одним из наследников является несовершеннолетний, в учреждении доверительного управления участвует орган опеки и попечительства, призванный обеспечить охрану прав несовершеннолетнего при доверительном управлении наследством.

Довольно неоднозначно разрешен вопрос о сроках доверительного управления. Считаем, что ключевой уклон при учреждении условий договора доверительного управления должен быть направлен на срок, позволяющий в полной мере обеспечить права несовершеннолетнего лица.

Таким образом, анализируя нормы права, регулирующие участие несовершеннолетних в наследственных правоотношениях, следует заключить, что воля законодателя, как правило, нацелена на защиту интересов несовер-

шеннолетних наследников. Однако, невзирая на данное положение, несомненно, определенные механизмы обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних требуют более детального изучения и доработки.

В частности, урегулирование вопросов, связанных с осуществлением наследственных прав несовершеннолетнего из неполной семьи, либо оставшегося без попечения родителей; а также относительно порядка осуществ-

ления наследственных прав несовершеннолетнего, при наличии у его родителей двойного гражданства.

Резюмируя сказанное, считаем важным подчеркнуть, что законодательная регламентация наследственных прав несовершеннолетних подлежит реформированию, что, в свою очередь, обуславливает необходимость совершенствования законодательной базы, учитывая права и законные интересы данной категории субъектов наследственных правоотношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 № 287-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 № 310-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76452/
4. Федеральный закон Российской Федерации от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021 № 114-ФЗ) «Об опеке и попечительстве» // Официальный интернет-портал правовой информации: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/
5. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.03.2018 N 5-КГ17-241 // Официальный интернет-портал: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27032018-n-5-kg17-241_540877/

Понятие и содержание контрактной системы государственных и муниципальных закупок в РФ

Казберова Дина Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Проводя анализ понятию и содержательной стороне Российской контрактной системе, отмечу ее относительно недавнее возникновение и становление в Российской правовой системе, в отличие от многих зарубежных государств. Поэтому о российской контрактной системе в сфере государственных закупок можно вести речь, как о достаточно «молодом» институте, поскольку контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг находится на пути своего развития и становления, а имеющийся мировой опыт организации закупок для государственных нужд представляет собой особый интерес для России.

Верно, отмечается в юридической литературе, что «за рубежом государство, как субъект рыночных отношений, через систему государственных закупок активно участвует в производственно-торговых, инвестиционных, инновационных и социально-экономических процессах. Государственные закупки превратились здесь в важный инструмент реализации долгосрочных и крупномасштабных

внутрихозяйственных программ в различных областях. Государство является важнейшим заказчиком продукции для государственных нужд на внутреннем рынке» [1, с. 78].

В таких странах, как Соединенные штаты Америки (США), а также в Великобритании, уже многие годы функционируют национальные контрактные системы, включающие в себя отработанные механизмы управления государственным заказом по трем основным этапам: планирование, размещение, исполнение. В странах Европейского союза детально регламентированы процедуры размещения государственного заказа, которые носят обязательный характер не только для стран, являющихся членами Европейского Союза, но и государств, только претендующих на право вступления в ЕС.

Через государственные контракты многие государства решают свои социально-экономические проблемы, привлекают организации для обеспечения научных исследований, разрабатывают и внедряют новые технологии.

Государственный контракт обеспечивается за счет бюджета. Поэтому важнейший элемент системы представляет собой оптимизацию расходов государственного бюджета на основе принципов гласности, открытости, экономичности. В международной практике такая система имеет название — прокьюремент.

Прокьюремент (от англ. procurement — приобретение, поставка), включает в себя разветвленную систему разнообразных методов взаимодействия сторон обязательств, разнообразных приемов используемых при заключении контрактов, а также инструментов и возможностей имеющих у сторон контрактных отношений. В рамках прокьюремента покупатель ищет такого поставщика, который предлагает минимальную цену на товары, работы, услуги, самые оптимальные другие существенные условия — качество продукции, сроки поставки, формы и сроки платежей и проч. Совокупность практических методов и приемов, позволяющих максимально обеспечить интересы покупателя при проведении закупочной компании, проводится в рамках прокьюремента.

Исследуя Российское законодательство, отмечаем, что Государственная контрактная система представляет собой совокупность норм и правил, для обеспечения формирования единого технологического цикла, который объединяет основные этапы обеспечения федеральных государственных нужд, в частности к таковым относим планирование закупок, прогнозирование поставок товаров, работ и услуг для федеральных государственных нужд, планирование закупок государственным заказчиком для обеспечения федеральных государственных нужд, размещаются заказы на поставку товаров, работ, услуг, юридическое сопровождение, в том числе и по итогам, а также контроль и мониторинг государственных контрактов [2, с. 50].

Заботой государства является обеспечение государственных потребностей и нужд. В результате должны быть удовлетворены потребности в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления государственных функций и полномочий. По статистике, общий объем рынка госзаказа в наши дни составляет от 25 до 35 % ВВП, а в отдельных областях экономики и выше, что является существенной частью затрат федерального бюджета. Для осуществления госзакупок, государство вступает в договорные контрактные отношения. Посредством системы контрактов государство устанавливает и реализует экономические и договорные связи с действующими хозяйственными субъектами. При реализации таких отношений, хозяйствующие субъекты находятся в конкурентном поле. При этом предметом конкуренции выступают государственные средства.

В основе контрактной системы государства находятся контрактные отношения между заказчиком и исполнителем государственного заказа, при этом, сделка представляет собой добровольное соглашение Сторон по закупке. Однако, существуют разные точки зрения на степень добровольного участия в сделке. Есть мнения, что часть

сделок осуществляются все же по некоторым давлением разных факторов, что не позволяет называть сделку совершенно добровольной. А.Шаститко убежден в том, что в любом контракте всегда присутствует элемент «взаимного давления (поскольку речь идет о противоречащих интересах), момент давления обусловлен конфликтом экономических интересов в мире ограниченных ресурсов» [3, с. 119].

Как отмечалось, государственный контракт, муниципальный контракт представляет собой гражданско-правовой договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд (п. 8 ч. 1 ст. 3 ФЗ-44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» — (далее Закон № 44-ФЗ) [4]. Как и в классическом контракте, в государственной и муниципальной контрактной системе имеются две стороны в лице государства и исполнителя госзаказа, которые преследуют свои интересы, но также есть и третья сторона в лице заказчика, у которой тоже свои интересы, которые в некоторых случаях могут не совпасть.

Основу правового регулирования рассматриваемых отношений договорных отношений регламентируются нормами Гражданского Кодекса РФ [5]. Так, вторая часть ГК РФ в рамках договора купли-продажи выделяет самостоятельный его вид — поставку товаров для государственных нужд (статьи 525–534 ГК РФ). ГК РФ системно регулируются вопросы формы и содержания такого договора, особенности его заключения и исполнения, ответственность сторон. Также к отношениям, вытекающим из данного договора применимы положения договора поставки (статьи 506–523 ГК РФ), если иное не установлено § 4 гл.30 ГК РФ о договоре поставки. Отметим, что ГК РФ регулирует порядок поставки не только для государственных нужд, то есть Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 525 ГК РФ), но и муниципальных нужд. Такие отношения регламентируются или государственным или муниципальными контрактами.

Федеральный Закон № 44-ФЗ внес принципиальные изменения в систему закупок. До 2013 года приоритетом было максимальное снижение цены контракта. С 2017 года в полную силу вступил закон и теперь заказчику необходимо обосновать саму закупку. Более того, результативность закупки, направленной на обеспечение государственных и муниципальных нужд также будет оценена. Таким образом, наблюдается смещение акцентов от суммы бюджетных средств, направленных на размещение закупки, к результату, полученному от ее размещения.

Также претерпели изменения правила осуществления государственных закупок. Изменения касаются организации и проведения закупок государственным и муниципальным заказчиком и участником государственных

закупок. В Российской Федерации теперь действует контрактная система, которая регулируется с этапа планирования и до этапа оценки эффективности закупки, а сказать более точно до контроля в сфере закупок (Глава 5 Закона № 44-ФЗ). Однако, некоторые положения Закона № 44-ФЗ [4] сохранились в новой системе в своей предшествующей форме. Например, изменения почти не коснулись способов проведения государственных закупок. Открытый аукцион теперь проводится только в форме электронного аукциона. Изменения коснулись правил определения начальной цены государственного контракта, а также правил оценки заявок на участие в государственных закупках, правил изменения и расторжения государственного контракта, правил надзора за деятельностью государственных и муниципальных заказчиков. Законом установлены особенности исполнения уже заключенных контрактов, например, особенности заключения энергосервисных контрактов, инженерных изысканий, по предоставлению кредита и др.

Правовые нормы, регулирующие государственный и муниципальный заказ и контракт содержатся и в Бюджетном Кодексе РФ [6]. Например, они определяют необходимым конкурсный подход к размещению заказов для государственных и муниципальных нужд (ст.72 БК РФ).

В научной сфере отмечаются следующие трактовки контрактной системы. Так, Матевосян С. С. дает крайне лаконичное определение контрактной системе как совокупности участников контрактной системы и осуществляемые ими действия [7]. Якушина Е. В. Указывает на то, что контрактная система — это совокупность мер экономического, правового и организационного характера, которые должны обеспечить муниципальные и государственные нужды в товарах, работах, услугах благодаря осуществлению взаимосвязанных этапов [8, с. 20]. Шмелева М. В. рассматривает контрактную систему как систему правоотношений, которые состоят из совокупности взаимообусловленных и неразрывно связанных между собой элементов. При этом, эти отношения включают определенные этапы, такие как планирование закупок, разработка документации о закупках и проекта государственного контракта, проведение закупки, за-

ключение государственного контракта, исполнение контракта, сдача отчетности по контрактной деятельности [9, с. 101].

Также Шмелева М. В. выделяют две концептуальные формы контрактных отношений, реализуемые в Российской Федерации:

— Обязательственные (или договорные) правоотношения. При этом, заключение государственного контракта представляет собой юридический факт, который создает договорные правоотношения между участником закупок и заказчиком.

— Организационно-правовые отношения, складывающиеся при проведении закупок (размещении заказов), что отвечает сущности контрактных правоотношений. При этом сущность контрактной системы описывается как особые взаимоотношения между физическими и юридическими лицами, имеющими правовой статус участника или заказчика и возникающие по поводу организации, проведения и участия в процедурах по закупкам [10, с. 368].

Таким образом, делаем следующие выводы. Контрактная система представляет собой объединение участников контрактной системы в сфере закупок по поводу действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд. Контрактная система предполагает объединение различных субъектов сфере закупок для достижения единых целей. Контрактная система влияет на экономику за счет антикоррупционной направленности, на национальный бизнес и выполнения государственных обязательств.

В Российской Федерации процесс по организации закупок для государственных и муниципальных нужд представляет собой сложный процесс, требующий четкого алгоритма действий от субъектов данных правоотношений на всех стадиях закупочного процесса. Внедрение указанного процесса в России осуществлено на данном этапе формирования системы государственных, муниципальных закупок осуществлено полностью, но при этом существует ряд препятствий, от скорейшего устранения которых зависит совершенствование механизма регулирования государственных закупок.

Литература:

1. Цахаев, Г. Р. Опыт США в сфере государственных закупок // Научный журнал «Апробация». 2013. № 5. с. 78–80.
2. Государственная контрактная система: состояние, проблемы, перспективы. Под ред. Смотрицкая И. И. М.: Институт экономики РАН, 2015. с. 50.
3. Шаститко, А. Е. Неинституциональная экономическая теория. М. Инфра-М. 2017. с. 119
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2022) // Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 16.04.2022
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 08.07.2021
6. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Опубликованы на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 16.04.2022.

7. Матевосян, С.С Проблемы реализации способа закупок «запрос котировок» // Молодой ученый. 2017. № 36. с. 60–62. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/170/45588/> (дата обращения: 04.01.2018).
8. Якушина, Е. В. Федеральная контрактная система и государственные закупки в сфере образования. // Креативная экономика. 2011. № 8. с. 19–27.
9. Шмелева, М. В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации // // Вестник СамКГУ. 2018. № 4. с. 101.
10. Митьковская, И. В. Понятие и сущность контрактной системы в сфере закупок. // Актуальные вопросы развития экономики. Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2016. с. 368.

Привлечение ломбардов к судебной ответственности

Кобзева Мария Алексеевна, студент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В последнее время, в связи с обострившейся экономической ситуацией в стране, среди населения существенно возрос спрос на использование краткосрочных займов, предоставляемых различными финансовыми учреждениями. Одним из учреждений такого типа являются ломбарды, предоставляющие заемщику кредит под залог имущества, принимая его на хранение до погашения долга.

Вместе с тем, в процессе реализации финансовой деятельности, а также в рамках реализации договорных отношений между ломбардом и заемщиком, а также государством, в лице уполномоченных органов, могут возникнуть споры, решаемые порядке судебного производства.

В рамках данного исследования автором будут рассмотрены основания и способы привлечения должностных их должностных лиц к юридической ответственности.

Ключевые слова: ломбард, ответственность, порядок, деятельность.

Bringing pawnshops to legal liability

Recently, due to the aggravated economic situation in the country, the demand for the use of short-term loans provided by various financial institutions has significantly increased among the population. One of the institutions of this type are pawnshops that provide a borrower with a loan secured by property, taking it for storage until the debt is repaid.

At the same time, in the process of implementing financial activities, as well as within the framework of the implementation of contractual relations between the pawnshop and the borrower, as well as the state, represented by authorized bodies, disputes may arise that are resolved through the procedure of court proceedings.

As part of this study, the author will consider the grounds and methods of bringing their officials to legal responsibility.

Keywords: pawnshop, responsibility, order, activity.

Любая хозяйственно-экономическая деятельность, направленная на удовлетворение общественных потребностей, обуславливает специфический механизм ее реализации, основу которого составляют законодательные и иные нормативно-правовые акты.

В соответствии с положениями частей 1, 2 ст. 2 Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах», ломбардом является специализированная коммерческая организация, к главным видам деятельности которой относится предоставление краткосрочных займов гражданам и хранение вещей, а также предоставление потребительских займов в порядке, установленном действующем законом [3].

Таким образом, ломбард — это финансовое учреждение, исключительным видом деятельности которого является предоставление на собственный риск финан-

совых кредитов физическим лицам за счет собственных или привлеченных средств, под залог имущества на определенный срок и под процент и предоставление сопутствующих услуг ломбарда.

Рассматривая виды юридической ответственности, к которым может быть привлечен ломбард, как юридическое лицо, следует остановиться непосредственно на гражданской правовой ответственности.

Акцент именно на данном виде юридической ответственности обусловлен тем, что уголовная и административная ответственность четко персонифицирована и ее субъектом не может выступить юридическое лицо.

Здесь следует сделать оговорку, что к ответственности в административном порядке может быть привлечено должностное лицо ломбарда.

Так, суды рассматривают административные нарушения должностных лиц ломбардов относительно:

— нарушения ломбардом законодательства Российской Федерации (ст. 15.26.2 КоАП РФ);

— непредставления информации в Банк России (ст. 19.7.3 КоАП РФ);

— неисполнения требований законодательства о ПОД/ФТ (15.27. КоАП РФ) [1].

В данном случае, дело о привлечении должностного лица к административной ответственности рассматривается непосредственно в судебном порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

Непосредственно же привлечение к судебной ответственности самого ломбарда, как ответчика в деле, возможно в рамках гражданского производства.

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 358 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), ломбард несет ответственность за повреждение или утрату вещи, если только не докажет, что повреждение/утра

та вещи произошла вследствие непреодолимой силы в связи с тем, что в соответствии с ч. 3 ст. 358 ГК РФ и ч. 4 ст. 919 ГК РФ ломбард обязан застраховать имущество, переданное в залог/на хранение, на сумму оценки [2].

Следовательно, что пока имущество заемщика пребывает в ломбарда, последний несет материальную ответственность за его сохранность. Кроме того, в случае утраты заемного имущества по причине ограбления, то это не признается обстоятельством непреодолимой силы и на ломбард возлагается ответственность по возмещению материального вреда.

Порядок подачи искового заявления к ломбарду аналогичен порядку, предусмотренному для любого гражданского спора.

Таким образом, привлечение к судебной ответственности ломбардов, как непосредственную сторону в деле, возможно лишь в рамках гражданского производства, тогда как юридическая ответственность иного характера применима к должностным лицам ломбарда, а не самой организации, как участника экономической деятельности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 15.12.2020)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 15.12.2020)
3. Федеральный закон «О ломбардах» от 19.07.2007 № 196-ФЗ (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009/ (дата обращения 15.12.2020)
- 4.

К вопросу о квалификации хищений с использованием компьютерных систем по законодательству некоторых государств — участников СНГ

Коваленко Мария Андреевна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье рассматривается уголовное законодательство Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Беларусь и Российской Федерации в части закрепления составов хищений в эпоху информатизации общества. Были изучены особенности хищения имущества с помощью компьютерных систем, а также аспекты квалификации таких деяний. Предложено внести изменения в УК РФ.

Ключевые слова: цифровизация, мошенничество, хищение с банковского счета, а равно электронных денежных средств, уголовное законодательство, хищение с помощью компьютерных систем.

Современный период развития характеризуется интенсивным применением и распространением компьютерных технологий. Это привело к уменьшению оборота наличных ценностей и перевода их в электронное пространство. Однако перевод материальных ценностей в информационные системы привел к появлению новых способов их хищения, в том числе, с помощью компьютерных систем.

Относительно недавно в статье главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации был введен квалифицирующий признак хищения «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Способ хищения детерминирует предмет хищения, поскольку на банковском счету могут находиться безналичные денежные средства, активы по программам лояльности. Это свидетельствует о том, что законодательством

уже воспринята концепция главенства экономического признака предмета хищения.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь нет квалифицирующего признака хищения «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». Однако содержится квалифицированный состав хищения, образованный в связи с особенностями и повышенной общественной опасности одного из возможных способов его совершения — путем модификации компьютерной информации [1]. В данном случае основным объектом преступления являются общественные отношения по охране и защите права собственности, а дополнительным — общественные отношения в сфере поддержания компьютерной безопасности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации установлена уголовная ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Однако, построение указанного состава преступления не совсем верно. Мошенничество подразумевает особый способ совершения — путем обмана или злоупотребления доверием. Их природа подразумевает направленность на лицо, которое вправе распоряжаться имуществом. При хищении путем модификации компьютерной информации не всегда возможен обман или злоупотреблением доверием человека. Вследствие этого, использование только мошенничества как формы хищения не верно. Подобной позиции придерживается В. В. Хилjuta. Он указывает, что в силу особенностей компьютерной системы обмана не может быть, «потому что компьютер — это всего лишь механизм и обмануть его в принципе невозможно» [5, с. 115].

Особенность использования обмана или злоупотребления доверием при хищении путем вмешательства в компьютерную информацию была учтена в Уголовном кодексе Республики Казахстан. В п. 4 ст. 188 упомянутого нормативного правового акта закреплен квалифицирующий признак кражи: «путем незаконного доступа в информационную систему, либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций» [3].

В Уголовном кодексе Республики Молдова так же не предусмотрен состав хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, путем неправомерного доступа к компьютерной информации. Однако закреплен состав несанкционированного

доступа к компьютерной информации (ст. 259). Это предполагает квалификацию хищения путем неправомерного вмешательства в компьютерную информацию по совокупности преступлений — ст. 256 и статье, предусматривающей соответствующую форму хищения [4].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь, Республики Казахстан нет такого квалифицирующего признака хищения, как с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Однако существуют составы преступления хищения имущества путем вмешательства в компьютерную систему.

Думается, такая позиция законодателя является обоснованной. Хищение с банковского счета также может происходить путем использования банковской карты (бесконтактной оплатой), обмана или злоупотребления доверием банковского сотрудника. В таком случае неправомерного доступа к компьютерной информации нет. В связи с этим затрагивается только один объект преступления. Конструирование специального квалифицирующего признака или квалифицированного состава в такой ситуации необоснованно. Таким образом, в указанной ситуации квалификация деяния должна осуществляться по основному составу хищения.

В иных случаях происходит вмешательство в компьютерную систему. Это приводит к нарушению уже двух объектов — основного (общественные отношения в сфере владения, пользования и распоряжения собственностью) и дополнительного (общественные отношения в сфере обеспечения компьютерной безопасности). Это дает основания для выделения квалифицирующего признака или конструирования нового состава преступления.

Таким образом, для указанных ситуаций состав хищения имущества путем вмешательства в компьютерную информацию является более подходящим, поскольку ориентирован на различные формы данного преступления. Однако хищение возможно не только путем модификации, но уничтожения, блокирования или иного вмешательства в компьютерную информацию. Выделение квалифицирующего признака «с банковского счета» не является обоснованным. При хищении денежных средств с банковского счета без вмешательства в компьютерную информацию квалификация должна осуществляться по основному составу соответствующей формы хищения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 [Электронный ресурс] // СПС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984& (дата обращения: 11.04.2022).
2. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV [Электронный ресурс] // СПС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923& (дата обращения: 11.04.2022).
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V [Электронный ресурс] // СПС «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.04.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

5. Хилюта, В. В. Уголовная ответственность за хищение с использованием компьютерной техники // Журнал российского права. — № 3. — 2014. — с. 115.

Криминалистическая идентификация личности по цифровым фонограммам устной речи

Копосов Егор Павлович, студент;

Аверкин Дмитрий Сергеевич, студент

Научный руководитель: Новосёлова Антонина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

В статье отражена проблема быстрого развития и увеличения распространения технических устройств фиксации звуковой информации, их доступность, легкость в использовании, что влечёт за собой рост применения цифровых фонограмм в качестве вещественных доказательств, которые используются в расследовании преступлений. Также в статье представлены мнения учёных для того, чтобы предоставить полное понимание сущности идентификации личности.

Ключевые слова: цифровые фонограммы, идентификация личности, вещественные доказательства.

При цифровой записи звуковые сигналы, которые принимаются микрофоном, преобразуются в поток дискретных чисел, представляющих собой изменение давления воздуха, а затем записываются на запоминающее устройство [1, с. 193]. Чтобы воспроизвести цифровую звукозапись, числа извлекаются и преобразуются обратно в исходные аналоговые сигналы, чтобы их можно было услышать через динамик.

Цифровые фонограммы, записанные с помощью различных устройств, приобретают статус доказательств в уголовном процессе. Цифровые данные хранятся на многих типах физических носителей, включая компакт-диски, DVD-диски, флэш-накопители, ленты и компактные микросхемы памяти. Удобство цифрового звукозаписывающего устройства очевидно — небольшой размер, возможность записи длительных переговоров, приемлемое (по мнению потребителей) качество получаемых звукозаписей, невысокие требования к пользователю такого устройство [2, с. 366]. Цифровые фонограммы рассматриваются как цифровые доказательства в уголовном процессе. Таким образом, цифровые аудио-доказательства — это любые звуковые или цифровые данные, которые могут установить факт совершения преступления, установить связь между преступлением и его исполнителем. Но цифровые доказательства, как форма вещественных доказательств создают несколько проблем для судебных экспертов:

Во-первых, преступники озабочены цифровыми доказательствами и пытаются изменять цифровые фонограммы, чтобы избежать каких-либо обвинений.

Во-вторых, цифровые аудиоданные представляют собой ненадёжную форму доказательства, с которой может быть очень трудно разобраться. Звуковые волны, распространяющиеся по воздуху, содержат путаницу данных, из-за чего необходимо найти речевой сигнал среди шума и перевести его в данные, которые можно понять [3, с. 26].

В-третьих, цифровая фонограмма — это абстракция некоторой коммуникативной ситуации. Каждый уровень абстракции может привести к ошибкам.

В-четвертых, цифровые фонограммы могут быть изменены как злонамеренно правонарушителями, так и случайно при сборе, не оставляя явных следов искажения [4, с. 54].

Цифровые фонограммы должны соответствовать определенным стандартам, чтобы их можно было использовать в качестве доказательства в зале суда. Доказательство того, что цифровые фонограммы являются подлинными и не были подделаны, становится очень важным. Одним из наиболее важных аспектов аутентификации является поддержание и документирование цепочки хранения (непрерывности владения) цифровым аудио-доказательством. От каждого лица, имевшего дело с аудиофайлом, могут потребовать показания о том, что фонограмма в представленном в файле такая же, как и при ее обработке в ходе следствия.

Подобно дактилоскопии, в идентификации личности по голосу судебные эксперты используют записи речи. В связи с этим, криминалисты используют свои специфические методы и приемы. Физической основой верификации голоса является анатомия речевого тракта, свойства системы управления артикуляцией, особенности источника голоса. Анатомия тракта определяет спектральные характеристики звуков речи. Система управления артикуляцией влияет на скорость речи. Скорость переходных процессов и продолжительность речевых сегментов определяют частоту основного тона и тембральные характеристики речи [5]. Исследуются только те признаки, которые могут быть непосредственно измерены в речевом сигнале.

Современные методы классификации, используемые в системах голосовой идентификации, очень чувствительны к шуму. Примером канального искажения явля-

ется реверберация звука, т. е. звук многократно отражается от предметов в комнате. Фон, в ряде случаев может оказывать существенное влияние на идентификацию по голосу. Он может иметь значительный уровень сигнала (например, звуки транспортных средств; звуки, издаваемые приборами и бытовыми приборами) и перекрывать диапазон речевого сигнала. В телефонном канале может быть множество препятствий: щелчки, музыка, гудки и т. д. Поскольку современные цифровые мобильные устройства обычно имеют встроенный микрофон и производительное оборудование, создание системы голосовой аутентификации с более экономичными вычислительными методами является довольно сложной задачей.

Было проведено исследование в виде опроса. Целью исследования является определение возможности идентификации личности по фонограммам и целесообразность применения данного метода в криминалистике. В опросе принимали участие студенты 2-го курса ННГУ им. Лобачевского. Участникам предлагалось прослушать четыре записи голоса одного человека, имеющего дефект речи (ротацизм) и неоднократно использующий хезитации-вокализации ([э-э], [м-м], [гм]). Так, на первой записи голос был стандартный, на второй записи тон голоса был понижен говорящим, на третьей тон голоса был повышен, на четвертой тон голоса был понижен в программе «FL

Studio». После прослушивания участникам был задан вопрос, принадлежит ли голос на записях одному человеку или нескольким людям.

Было опрошено 30 человек, получены следующие результаты: среди 30 опрошенных, 9 определили, что на записи голос двух или более людей, 18 отметили, что на записи голос одного человека, 3 сказали, что запись непонятна.

На основе исследования было выявлено:

1. Большая часть опрошенных смогли идентифицировать голос говорящего;
2. Многим опрошенным в идентификации помогли дефекты речи говорящего;
3. Наибольшей затруднённой для опрошенных стал голос, изменённый в программе.

Фонограммы дают возможность проводить идентификацию личности, так как они передают основные черты голоса и речи говорящего. Большинство опрошенных справились с идентификацией успешно, следовательно, можно сделать вывод, что специально подготовленный эксперт может успешно использовать фонограммы для определения личности преступника. Использование фонограмм в криминалистике должно иметь дальнейшее развитие, так как они могут стать универсальным инструментом в поисках преступника.

Литература:

1. Каганов, А. Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.
2. Криминалистика: информационные технологии доказывания: учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. 752 с.
3. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
4. Фомин, Я. А., Тарловский Г. Р. Статистическая теория распознавания образов. М.: Радио и связь, 1986. 264 с.
5. Kersta, L. G. Voiceprint identification and application // Identification. 1970. Vol. 61. № 11. P. 3–8.

Понятие и содержание правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации

Костерина Дарья Ринатовна, студент

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Правоохранительная деятельность выступает в качестве одного из направлений функционирования таможенных органов. Целью такой деятельности является выявление и пресечение правонарушений и преступлений в рамках компетенции таможенных органов. Реализация таможенными органами правоохранительной деятельности представляет собой важную основу обеспечения безопасности страны, что определяет ее актуальность. В статье проанализированы понятие и содержание правоохранительной деятельности таможенных органов РФ.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, ФТС России, пресечение правонарушений, национальная безопасность, таможенная служба.

Задача поддержания необходимого уровня безопасности — это одна из главных для государства. В целях

обеспечения национальной безопасности государством создаются органы, наделенные правоохранительными

функциями, одним из таких органов является Федеральная таможенная служба России (далее ФТС России).

Несмотря на то, что в действующем законодательстве прямо не закреплен правоохранительный статус таможенных органов, для должностных лиц ФТС России

правоохранительная деятельность является одним из основных направлений.

ФТС России относится к органам, которые реализуют правоохранительную деятельность по определенным признакам [2] (рис. 1).

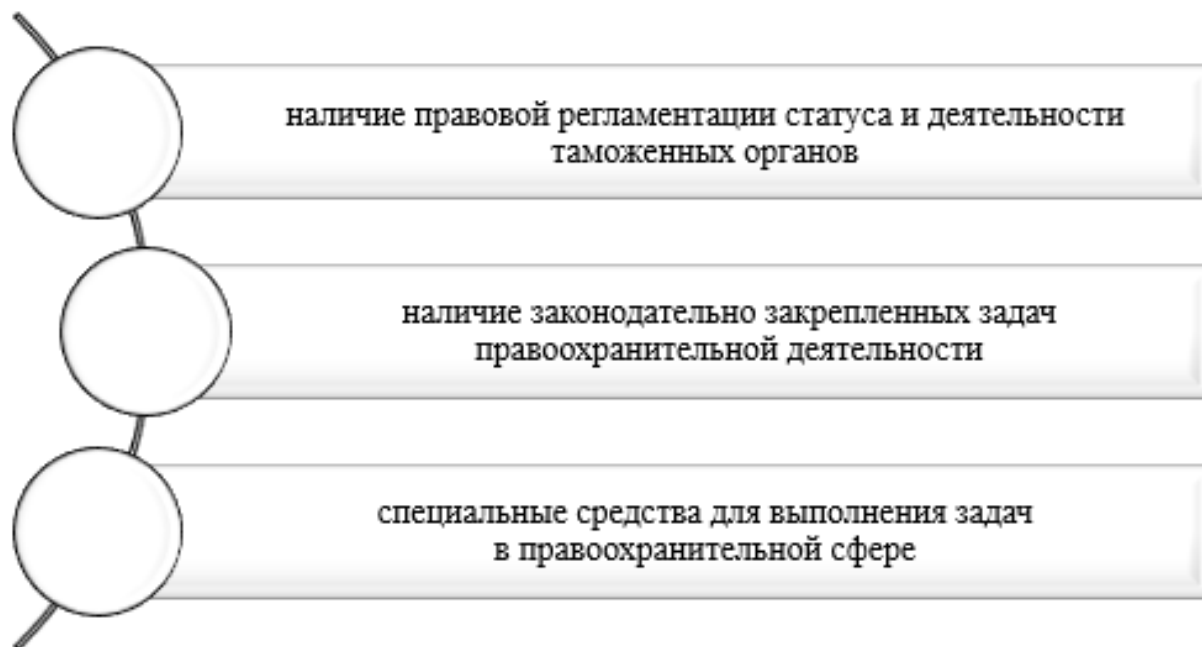

Рис. 1. Признаки таможенных органов как правоохранительных

В литературе даны различные определения термина «правоохранительная деятельность». Так, например, Д. Р. Пашкова полагает, что правоохранительная деятельность — это «деятельность государства, которая направлена на охрану права уполномоченными на то органами власти путем применения необходимых юридических мер по пресечению нарушений установленного законодательства» [3].

Под правоохранительной деятельностью таможенных органов следует понимать «деятельность уполномоченных должностных лиц ФТС России, реализуемую в целях выявления и пресечения правонарушений и преступлений, относящихся к компетенции таможенных органов».

Регулирование данной деятельности осуществляется как в рамках наднационального законодательства, посредством норм закрепленных в Таможенном кодексе ЕАЭС, так и с помощью норм национального законодательства: Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс Российской Федерации об Административных правонарушениях и пр.

Правоохранительная деятельность должностных лиц ФТС России реализуется в различных формах (рис. 2) [1].

Как видно из рис. 2, правоохранительная деятельность таможенными органами осуществляется по различным направлениям. Совокупность выполняемых таможенными органами правоохранительных функций способствует обеспечению национальной безопасности страны.

Таможенными органами наряду с другими государственными органами выполняются правоохранительные функции.

Важность реализации правоохранительной деятельности во всех ее формах выражается в количественных показателях выявления правонарушений и преступлений. Так, за 2017–2021 гг. таможенными органами возбуждено 666 808 дел об административных правонарушениях, более 10 тысяч уголовных дел. За тот же период было предотвращено попыток ввоза на территорию страны более 9 тонн наркотических средств, более 3 тонн других находящихся в незаконном обороте психотропных веществ.

За последние пять лет рамках возмещения ущерба, причинённого преступлениями в федеральный бюджет перечислено около 6,9 млрд рублей, причем из них рекордные 4 млрд в 2020 г.

Таким образом, таможенными органами ведется важная для государства и общества правоохранительная деятельность, которая способствует повышению уровня национальной безопасности. Наличие угроз безопасности страны: санкций, распространения контрафакта и фальсификата, других экономических и политических угроз определяет усиление роли таможенных органов в части реализации возложенных на них функций, а также возможное дальнейшее расширение предоставленных им полномочий.

административно-правовая форма	<ul style="list-style-type: none"> • обнаружение признаков и фактов адм. нарушений, а также нарушений иных видов законодательства
административно-процессуальная форма	<ul style="list-style-type: none"> • совершение административно-процессуальных действий с целью проверки выявленных фактов нарушений установленных адм.-правовых и таможенных норм и правил, выявление причастных лиц, квалификация деяний, установление мер ответственности
уголовно-процессуальная форма	<ul style="list-style-type: none"> • возбуждение уголовных дел по фактам или признакам уголовных преступлений, в рамках компетенции, производство дознания, а также участия в следственных действиях по поручению органов предв. следствия
обеспечение собственной безопасности	<ul style="list-style-type: none"> • соблюдение условий внутреннего административного контроля, оперативно-розыскной деятельности, а также требований охраны различных таможенных объектов
оперативно-розыскная деятельность	<ul style="list-style-type: none"> • повышение эффективности таможенного контроля, выявление признаков и фактов подготовки и совершения преступлений и адм. правонарушений, причастных к ним лиц, причин, условий и пр.

Рис. 2. Формы реализации правоохранительной деятельности

Литература:

1. Лебедева, О. Г., Рязанский А. А. Правоохранительная деятельность таможенных органов // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия. сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. — 2020. — с. 294–296.
2. Непарко, М. В. Анализ правоохранительной деятельности таможенных органов в обеспечении экономической деятельности России // Дневник науки. — 2019. — № 4 (28). — с. 104.
3. Пашкова, Д. Р. Особенности правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Аллея науки. — 2018. — Т. 5. — № 5 (21). — с. 247–251.

Возможные последствия введения законопроекта об уголовном проступке

Кравцов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции;
 Голубева Анастасия Александровна, студент;
 Романова Елизавета Алексеевна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва)

На современном этапе совершенствования уголовного судопроизводства в Российской Федерации реализуется концепция, предусматривающая систему взаимосвязанных мер, направленных на гуманизацию уголовного права и обеспечение эффективной защиты прав граждан в суде. Рассмотрение вопроса о рациональности введения в уголовное законодательство Российской Федерации такого понятия как уголовный проступок, активно обсуждается юридической общественностью, и является весьма актуальной темой в современных реалиях. В связи с переходом России к принципиально новым общественным отношениям необходимы кардинальные преобразования в уголовно-правовой сфере, которые отвечали бы потребностям и принципиально новым запросам общества. Законодатель, основываясь на прин-

цитах справедливости и гуманизма и реализуя основные направления уголовной политики привел к необходимости создания новых правовых институтов, в частности института уголовного проступка. В данной научной статье хочется рассмотреть сущность категории «уголовный проступок» и определить возможные последствия его введения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: уголовный проступок, уголовный закон, преступление, преюдиция, законопроект, уголовная ответственность, категории преступлений.

Possible consequences of the introduction of the draft law on criminal misconduct

Kravtsov Dmitry Aleksandrovich, candidate of legal sciences, associate professor, colonel of justice;

Golubeva Anastasiya Aleksandrovna, student;

Romanova Yelizaveta Alekseevna, student

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

At the present stage of improving criminal justice in the Russian Federation, a concept is being implemented that provides for a system of interrelated measures aimed at humanizing criminal law and ensuring effective protection of citizens' rights in court. Consideration of the rationality of introducing such a concept as a criminal offense into the criminal legislation of the Russian Federation is actively discussed by the legal community and is a very relevant topic in modern realities. In connection with the transition of Russia to fundamentally new social relations, cardinal transformations in the criminal law sphere are necessary, which would meet the needs and fundamentally new demands of society. The legislator, based on the principles of justice and humanism and implementing the main directions of criminal policy, led to the need to create new legal institutions, in particular the institute of criminal misconduct. In this scientific article, I would like to consider the essence of the category «criminal offense» and determine the possible consequences of its introduction into criminal and criminal procedure legislation.

Keywords: criminal offense, criminal law, crime, prejudice, bill, criminal liability, categories of crimes.

Попытки введения законопроекта о внесении в УК РФ и УПК РФ новой категории «уголовный проступок» предпринимаются уже не первый раз. Отмечалось, что законопроект, рассмотренный Государственной Думой в 2017 году, не учитывал интересы потерпевших, которым в результате преступления был причинен вред, из-за чего в результате получил массу отрицательных оценок, и принят не был. После доработки законопроекта в 2020 году Пленум Верховного суда вновь принял постановление о внесении проекта поправок. Как и в старом законопроекте центральное место занимает понятие «уголовный проступок». По своей сущности он включает в себя признаки как преступления, так и административного проступка. Исходя из содержания документа, уголовным проступком признаётся «совершённое лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы» [1], за исключением некоторых преступлений. Из данного определения можно наглядно отразить принципиальное отличие преступления от уголовного проступка: в ст. 44 УК РФ указаны виды наказаний за совершение преступления [2]. Одними из них являются лишение свободы и пожизненное лишение свободы. В соответствии с пояснительной запиской, прилагаемой к данному документу, к категории уголовного проступка отнесено 112 составов преступлений, в том числе и 53 состава преступлений экономической направленности, за совершение которых уголовное наказание в виде лишения свободы или пожизненного лишения свободы применяться не может [3].

Теоретическое и практическое значение авторы законопроекта объясняют тем, что на современном этапе УК РФ относит к категории преступлений небольшой тяжести деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет, а также и те деяния, за которые лишение свободы не предусмотрено. Подчеркивая нецелесообразность нахождения в одной категории преступлений, имеющих существенные различия в характере общественной опасности, авторы считают, что изменения позволят разграничить уголовную ответственность по характеру общественной опасности деяния и связи с этим рассмотреть иные основания для освобождения от назначения уголовной ответственности. На основании предложенной новеллы Верховный суд РФ, согласно представленной концепции, определил место уголовного проступка в общей классификации преступлений, предусмотренных ст. 15 УК РФ. Именно там по задумке законодателя проступок должен «открывать» классификацию и представлять собой наименее тяжкий вид противоправного деяния со стороны виновного лица. Иными словами, это означает, что данную группу необходимо разделить на два вида — это преступления небольшой тяжести, связанные с назначаемым наказанием в виде лишения свободы; и преступления небольшой тяжести, не связанные со сроком лишения свободы.

Научное поле содержит большое количество точек зрения на данный вопрос. Так, в своей научной работе А. Г. Кибальник, являясь сторонником данной концепции, выделил достоинства уголовного проступка. Он

отмечает, что результатом введения станет снижение репрессивности уголовно-правовой реакции на «мелкую преступность», получит новое качественное наполнение законодательная дифференциация уголовной ответственности, а также будет дан стимул развитию мер уголовно-правовой реакции, не связанных с наказанием. А возможность «беспроблемного» возвращения такого человека к обычной жизни станет реальным подтверждением действительности принципа гуманизма, как он изложен в ст. 7 УК РФ и олицетворением восстановительной функции уголовного законодательства [4, с. 65–68].

Одним из положительных моментов введения понятия уголовный проступок заключается в ведении института преюдиции в уголовное законодательство. В настоящее время существует институт преюдиции, изложенный в статье 64 Кодекса административного судопроизводства: «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства» [5]. Замена административной преюдиции на уголовно-правовую позволит разграничить сферы применения уголовно-правовых и административно-правовых норм.

Стоит вспомнить и о предложении Уполномоченного по правам человека в РФ Т. Н. Москальковой по введению этой категории [6]. Т. Н. Москалькова в своем интервью совершенно справедливо отмечает: «Сегодня у нас нет переходного состояния от административного правонарушения к уголовному, то есть две стадии общественной опасности: одна уголовно наказуемая, которая порождает судимость даже за преступления небольшой и средней тяжести, и это нарушения общественного порядка, общественной безопасности, влечет административную ответственность» [7]. При этом она продолжает свою мысль: «мне кажется, что эта ситуация заслуживает разработки нового законопроекта об уголовном проступке. То есть таком деянии, которое выше по своей степени опасности административного правонарушения, но ниже уголовно-наказуемого, порождающего судимость. То есть человек несет ответственность за уголовный проступок, но судимость как следствие такого наказания не преследует его по жизни, что может сделать его быстрее адаптируемым к жизни после исполнения наказания по уголовному проступку» [7].

Рассматривая проблематику выбранной темы, хотелось бы обозначить возможные последствия введения категории уголовного проступка в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Во-первых, меры, направленные на гуманизацию уголовного закона, кроме положительных тенденций в раз-

витии законодательства, выдвигаемых авторами законопроекта, могут вызвать у населения негативную реакцию на последствия, связанные с прямыми обязанностями государства: защита объектов уголовно-правовой охраны, выполнение воспитательных, связанных с исправлением лиц, и регулятивных функций. Так, проект закона не учитывает и возмещение вреда потерпевшим, пострадавшим в результате совершенного деяния, а это является неотъемлемой обязанностью государства, вытекающей из 52 статьи Конституции Российской Федерации [8, с. 208]. В настоящее время предлагается такое разграничение уголовных проступков от других преступлений, которое будет осуществляться не на основании юридически значимых признаков состава преступления, а будет исходить от сроков и размера наказания, предусмотренных санкцией, что, несомненно, нарушает систему уголовного права, поскольку не обеспечивает возможности понимания социального значения, охраняемого уголовным законом, общественного отношения. Такое же мнение высказывает и профессор Л. В. Головкин. Он считает, что отсутствие судимости будет способствовать ущемлению интересов потерпевших, неудовлетворенных фактом освобождения лица от уголовной ответственности. Кроме того, при отсутствии данного статуса, лицо «ничем не рискует и в случае рецидива», который в данном случае просто нельзя будет отследить [9, с. 127–136]. В этой связи стоит упомянуть и проблему злоупотребления уголовными проступками, как легальным способом ухода от уголовной ответственности. С принятием нового законопроекта о внесении изменений в статьи УК РФ позволит увеличить количество приговоров, которые будут пересмотрены на основании ст. 10 УК РФ в связи с принятием закона, улучшающего положение осужденных.

Во-вторых, смысл дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности преступлений, относимых к категории проступков, несколько противоречив по своему содержанию. Далеко не все деяния, относимые к данной категории, обладают низкой общественной опасностью. Так, существует определенный ряд преступлений, посягающих сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны. Например, статья 171 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность или часть 1 статьи 217 УК РФ, где устанавливается ответственность за дачу экспертом в области промышленной безопасности при дачи заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности, если это могло повлечь смерть человека либо причинение крупного ущерба [2].

В-третьих, вследствие введения новой категории, включенной в уголовно-правовую норму о категоризации преступлений и сформированной через определение преступления, может образоваться неясность в правовой природе понятия. Более логичным и правильным решением в данном вопросе было бы включение уголовного

проступка в статью 14 УК РФ, посвященной вопросам малозначительности деяния. В этой связи стоит упомянуть и проблему злоупотребления уголовными проступкам, как легальным способом ухода от уголовной ответственности.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что введение нового института в уголовное законодательство весьма спорно. Не случайно попытки внесения законопроекта совершаются не в первый раз. Происходит это из-за недоработки вопросов, касающихся правового статуса деяния, относимого к уголовному проступку. Четкое разграничение преступления и уголовного проступка в полной мере отсутствует. Введение данной дефиниции повлечет за собой существенные изменения не только уголовного процесса, уголовно — исполнительной юстиции, но и су-

доустройства. Поэтому в области материального права, в первую очередь, необходимо будет дать уголовно-правовую классификацию деяний, определить круг общественно опасных деяний, являющихся преступлениями. Также нельзя полагать и то, что новый институт поможет упростить процедуру расследования дела, поэтому мы не можем говорить и о падении нагрузки на работу органов предварительного расследования и суда. Нельзя и не поддержать возможное введение законопроекта. Одним из плюсов может стать факт отсутствия у субъектов такого наказания, как лишение свободы. Однако, пока не будет достигнуто согласие между противоборствующими сторонами, введение категории уголовного проступка невозможно.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 13.10.2020 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Электронный ресурс]. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_151020_24.pdf Дата обращения: 26.05.2022.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ Дата обращения: 26.05.2022.
3. «Выступление Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева на заседании Пленума Верховного Суда РФ 13 октября 2020 года»
4. // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_141020.pdf Дата обращения: 26.05.2022.
5. Кибальник, А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. Дата обращения: 27.05.2022.
6. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ Дата обращения: 27.05.2022.
7. Статья «Москалькова предложила ввести в УК РФ статью об уголовном проступке». ТАСС. 14 сентября 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3619749>. Дата обращения: 28.05.2022.
8. Статья «Т. Москалькова заявила о необходимости введения в УК РФ нового вида ответственности — уголовный проступок». Интервью агентству городских новостей «Москва». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mskagency.ru/materials/2587986>. Дата обращения: 29.05.2022.
9. Введение уголовного проступка в России: за и против. Проблемы экономики и юридической практики /С. В. Растропов, А. В. Верникова, 2018. Дата обращения: 29.05.2022.
10. Головкин, Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. Дата обращения: 29.05.2022.

Понятие, правовая природа, сущность и значение представительства в гражданском праве

Куликова Людмила Вадимовна, юрист
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает специфику представительства в гражданском процессе, анализирует особенности правовой природы данного института.

Ключевые слова: представительство, сделка, доверенность, представитель.

Вопросам представительства уделялось особое внимание на протяжении всей истории развития науки гражданского процессуального права во всех странах мира.

Пункт 1 ст. 182 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит определение ключевых признаков и целей представительства в гражданском праве. Так, согласно указанному положению «сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо административном акте публично-правового образования, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого».

В научной литературе представительство называют уникальной формой посредничества, объясняя это тем, что оно являет собой единственную форму последнего, при реализации которой правовые последствия действий одного лица-представителя порождают правовые последствия у другого лица — представляемого [7]. Иначе говоря, именно в рамках представительства мы наблюдаем замещение представителем фигуры представляемого, что дает возможность видеть представительство как одну из известных праву юридических фикций.

Отметим, что представительство и посредничество в качестве правовых форм появились в России несколько столетий назад и, соответственно, прошли долгий путь развития. Надо сказать, что в процессе появления, развития указанных институтов не прекращались жаркие споры об их определениях, основных признаках и свойствах.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) в положениях о представительстве упоминает и о посредниках, именно этот факт, на наш взгляд, и сделал актуальными проблемы теоретического и практического характера указанных институтов. Подчеркнем, что в российском праве это первая попытка решить вопрос относительно соотношения категорий «представительство» и «посредничество». Несмотря на имеющиеся недостатки, на законодательном уровне произведено отграничение рассматриваемых понятий и указан критерий их разграничения — выступление лица от своего или от чужого имени.

В случае, когда мы говорим о представительстве исключительно как о деятельности по осуществлению сделок, невозможно разделить эти понятия — представительство и сделка, которая осуществляется от лица представляемого. Формулировка «совершение сделки» и понятие «сделка» по сути равны по смыслу. Можно предположить, что данное равенство и обусловило трактовку понятия представительства в литературе в качестве сделки, которая осуществляется представителем [6]. Но с другой стороны предельно ясно, что сделка, осуществленная представителем, и такое явление, как представительство не равны по сущности и определению.

Институт представительства обладает довольно весомой значимостью в рамках правоприменения. Так, В. Д. Зорькин указывает на широкое распространение «либерализации правоприменения» [5]. Большинство ситуаций, факт соблюдения норм действующего законодательства о представительстве либо доверенности при осуществлении сделки, являлся решающим для того или иного вердикта суда касательно самой сделки и ее правомерности.

Рассмотрим более детально такой аспект изучения представительства в гражданском праве, как его формы и виды. Необходимость анализа данной классификации обусловлена тем, что она позволит максимально всесторонне проанализировать данный институт.

Многие авторы классифицируют представительство на 2 основных формы — добровольное и обязательное (в силу закона) [8].

Согласно пункту 3 статьи 182 Гражданского Кодекса Российской Федерации, представитель не может совершать сделки от лица представляемого в своих интересах, в том числе в интересах другого лица, даже если он выступает в качестве представителя последнего, кроме ситуаций, которые регламентируются действующим законодательством.

Суды зачастую подобные сделки признают недействительными, к примеру, Постановление ФАС Московского округа от 16.02.2010 N КГ-А40/401-09 по делу N А40-5689/08-119-15 [3]).

Но существуют и в практике ситуации, когда сделки, которые осуществлены вопреки порядку и норм пункта 3 статьи 182 Гражданского Кодекса Российской Федерации, могут быть оспорены в судебном порядке. К примеру, По-

становление Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 N 17580/08 по делу N А40–65399/07–29–602 [1]).

Необходимо подчеркнуть, что согласно Концепции развития гражданского законодательства РФ, особое внимание уделяется необоснованности такого праворегулирования, так как данная норма предусматривает только обеспечение интересов представляемого и защиту их от потенциальных опасностей со стороны представителя, если возникают какие-либо разногласия между ними. Совершенно реальным может быть то, что признать такую сделку недействительной — лишено какого-либо здравого смысла. К примеру, если продавец покупает сам у себя, в своей же компании товар по розничной цене, то его действия никаким образом не затрагивают права и интересы представляемого. В данном случае, признание этой сделки недействительной абсурдно.

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» изменил положения пункта 3 статьи 182 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Теперь данные сделки признаются ничтожными на основании искового заявления представляемого, и только в случае действительного нарушения интересов последнего. Стоит отметить, что доказывать и приводить факты того, что интересы представляемого не пострадали необходимо непосредственно представителю, согласно Определению ВАС Российской Федерации от 23.09.2013 № ВАС-9856 по делу N А12–12599 [2].

Следовательно, представительство объединяет 3 независимых субъектов гражданского права — представляемого, чьи права и обязанности осуществляются представителем; представителя, реализующего данные права и обязанности; третье лицо, которое является субъек-

том данных прав и обязанностей и в чей адрес они направлены. В этом плане представительство выступает, по справедливому замечанию О. А. Красавчикова, как средство «юридической трансмиссии прав и обязанностей между представляемым и третьим лицом», т. е. как средство организации, упорядочения (возникновения, изменения или прекращения) определенного правоотношения между представляемым и третьим лицом¹. Указанный признак является отправным для определения места представительства в общей системе гражданских правоотношений.

Вопрос правового регулирования представительства неоднозначен. Так, В. К. Андреев в очерках «Предпринимательское законодательство России» справедливо указывает на то, что управленческо-предпринимательские и корпоративные обязательства требуют самостоятельного исследования и правового регулирования [4].

За самостоятельность изучения материального содержания при формировании юридического института выступали О. А. Красавчиков, В. С. Толстой и другие исследователи [9].

Таким образом, подводя итог, мы можем резюмировать, что выступление от имени представляемого представляет собой законное действие представителя, которое совершается в интересах представляемого лица по отношению к третьим лицам, которые, в свою очередь, осведомлены о представительном характере действий, направленных на приобретение или осуществление прав и обязанностей представляемого с непосредственным правовым результатом для последнего. Иными словами, представительство в гражданском праве можно охарактеризовать как полное замещение представляемого лица представителем в процессе совершения определенных юридических действий.

Литература:

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17580/08 по делу N А40–65399/07–29–602 // СПС Консультант Плюс
2. Определение ВАС РФ от 23.09.2013 № ВАС-9856 по делу № А12–12599 // СПС Консультант Плюс
3. Постановление ФАС Московского округа от 16.02.2010 N КГ-А40/401–09 по делу N А40–5689/08–119–15 // СПС Консультант Плюс
4. Андреев, В. К. Предпринимательское законодательство России. М.: Статут, 2016. с. 67.
5. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд Российской Федерации и развитие гражданского права // Российский судья. 2016. N 3. с. 22.
6. Илюшина, М. Н. Актуальные вопросы формы сделок и института представительства // Юрист. 2016. № 1. с. 3.
7. Мирян, Е. Представительство и посредничество // Проблемы правоприменительной деятельности: Сб. научных трудов. 2016. Вып. 347 (402). с. 99.
8. Невзгодина, Е. Л. Виды представительства в современном гражданском праве России // Гражданский кодекс Российской Федерации и новейшее законодательство: Материалы межвузовских научно-практических конференций. Омск: Издательство Омской академии МВД России, 2017. с. 41
9. Николичев, Д. Н. Управленческое представительство в гражданском праве: предмет правового регулирования // Гражданское право. 2016. № 3. с. 33.

К вопросу о соотношении общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения

Курявый Андрей Алексеевич, студент;

Кравцов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются различные подходы к определению соотношения общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения, а также некоторые проблемные аспекты указанного соотношения.

Ключевые слова: преступность, причины и условия преступности, индивидуальное преступное поведение, причины и условия индивидуального преступного поведения.

Изучение причин и условий преступности было и остается одним из ключевых направлений криминологического исследования, поскольку проблема преступности не теряет своей актуальности на протяжении становления не только российского общества, но и всего человечества. Затрагивая вопрос о причинах и условиях преступности в целом, как негативного социального явления, нельзя не затронуть такое понятие, как индивидуальное преступное поведение. Под последним понимается определенная последовательность преступных действий в сочетании со сложившейся ситуацией при совершении конкретного деяния, запрещенного уголовным законом. Причины и условия совершения конкретного преступного деяния, а также конкретные особенности его исполнения на различных стадиях, определенные компоненты, свойственные для того или иного вида совершаемого преступления, по своей природе могут отличаться от типичных обыденных преступлений. Однако при анализе множества индивидуальных преступных поведений, несмотря на их возможную уникальность, можно заметить, что имеет место проявление определенных общих черт, дающее основание полагать, что изучение причин и условий преступности в целом основывается, в первую очередь, на обобщении данных, в том числе и данных о причинах и условиях индивидуального преступного поведения.

Вопрос определения соотношения причин и условий индивидуального преступного поведения и общих причин и условий преступности, установление границ указанного соотношения, а также принципов влияния одного компонента на другой, на сегодняшний день в научном сообществе носит открытый характер, поскольку не существует единого подхода, прямо указывающего о характере указанного соотношения. Нецелесообразно рассматривать вопрос о причинах и условиях индивидуального преступного поведения в отдельности от общих причин и условий преступности также, как и вопрос об общих причинах и условиях преступности без анализа причин и условий индивидуального преступного поведения, поскольку закономерности общих причин оказывают прямое воздействие на причины конкретных преступлений, а осо-

бенности причин конкретных преступлений являются составными компонентами общих причин преступности.

Общими причинами преступности называется определенная совокупность социальных явлений и процессов, которые во взаимосвязи с определенной сложившейся обстановкой определяют само существование преступности как негативного социального явления, а также обуславливают наличие структурных элементов в ее составе, в частности, такого элемента, как индивидуальное преступное поведение. Определяя понятие общие условия преступности, стоит отметить, что под таковыми понимается определенная совокупность явлений, которые по своей природе не могут самостоятельно вызвать такое социальное явление, как преступность, но являются определенными компонентами, способствующими возникновению преступности, а также ее развитию и существованию в обществе.

Анализируя различные проявления индивидуального преступного поведения, необходимо уточнить, что в данном случае под причинами и условиями понимается взаимодействие определенных свойств личности, в частности, психологических, нравственных и моральных, которые образовались под влиянием различных негативных факторов в процессе становления личности, и конкретной ситуацией и сложившейся обстановкой, что в совокупности вызывает у конкретного лица намерение и решимость нарушить норму права, совершив уголовно-наказуемое деяние. Однако, определяя одни социальные явления как причины преступности, а другие как условия, следует подчеркнуть, что указанное деление носит весьма относительный характер. Конкретное явление в одних взаимодействиях может играть роль причины, в других — условия [1, с. 268].

Анализ большого количества криминологических исследований, проведенных на различных этапах становления общества, показывает, что определенные характеристики личностей преступников прямым образом воздействуют на процессы детерминации, причинности как преступности в целом, так и в различных ее проявлениях. С учетом этого, при изучении общего комплекса причин и условий преступности нельзя не обратить вни-

мание на сложившуюся частную проблему соотношения общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения. Так, по мнению Авдийского В. И., отождествление указанных понятий как общего и частного не представляется корректным [2, с. 64]. По такому принципу многие криминологи, в том числе и зарубежные, объясняют причины и условия конкретных уникальных преступлений, вероятность наличия которых в будущем стремится к нулю. Наряду с этим не исключается тот факт, что причины и условия индивидуального преступного поведения включаются в определенную группу общих причин и условий преступности, которые часто детерминируют и само индивидуальное преступное поведение. В то же время отмечается, что причины и условия преступности как в целом негативного социального явления, не могут отождествляться с причинами и условиями отдельных преступлений, но между ними прослеживается взаимосвязь. В связи с этим, имеет место суждение о том, что общие причины и условия преступности определенным специфичным образом переходят в причины и условия индивидуального преступного поведения [3, с. 50]. Таким образом, в указанных подходах к определению исследуемого соотношения наблюдается определенная связь, которая, в первую очередь, проявляется во влиянии одного компонента (общих причин и условий преступности) на другой (причины и условия индивидуального преступного поведения), но данная связь является взаимной.

Следующий подход основывается на мнении о том, что общий причинный комплекс преступности содержит в себе ряд составных частей, одной из которых являются причины и условия индивидуального преступного поведения. Другими словами, причины и условия индивидуального преступного поведения являются составной частью общих причин и условий преступности и, как следствие, порождаются непосредственно последними. Указанной точке зрения противопоставляется суждение

о том, что причины и условия преступности, исходя из их классификации по уровню функционирования подразделяются на общие причины и условия преступности; причины и условия отдельных групп преступлений и причины и условия конкретных преступлений, при этом каждый уровень является самостоятельной структурной единицей, имея плотную взаимосвязь с остальными.

Таким образом, в настоящее время сложилось несколько подходов к определению соотношения общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения. Каждый из подходов демонстрирует положение о том, что общие причины преступности и причины индивидуального преступного поведения не являются тождественными понятиями. В каждом случае проявляется взаимосвязь общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения, которая выражается в воздействии указанных компонентов друг на друга. Указанные подходы по своей сути не исключают друг друга, то есть наличие одного подхода не ставит невозможность наличия другого, поскольку все обозначенные подходы имеют определенные общие черты, которые проявляются во взаимосвязи общих причин преступности и причин индивидуального преступного поведения.

В данной статье рассмотрены только некоторые особенности определения соотношения общих причин и условий преступности с причинами и условиями индивидуального преступного поведения. Изучение существующей между ними взаимосвязи является важной криминологической задачей, а обозначенные проблемы при определении их соотношения требуют скорейшего разрешения, поскольку качественная и эффективная организация борьбы с преступностью прямым образом зависит от криминологических исследований в данной области, то есть в области изучения как общих причин и условий преступности, так и причин и условий индивидуального преступного поведения.

Литература:

1. Долгова, А. И. Криминология: Учебник для вузов / А. И. Долгова. — 3-е изд. — Москва: Издательство НОРМА, 2005. — 899 с.
2. Авдийский, В. И. Криминология: учебник для вузов / под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 301 с.
3. Журавлев, Г. Т., Ковалевская Е. В. Криминология: Учебное пособие / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. — М., 2007. — 128 с.
4. Криминология: учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]; под общей редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 1132 с.

Особенности внесения сведения в ЕГРН в отношении зон с особым режимом использования

Куценко Мария Михайловна, студент магистратуры
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

В процессе размещения объектов инженерной инфраструктуры, предусмотрено формирование зон с особым условиям использования, представляющие собой территории в границах, которых устанавливается определенный правовой режим в соответствии с Земельным и Градостроительным законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный кадастровый учет, государственная регистрация, недвижимое имущество, линейные объекты, градостроительные регламенты, территориальные зоны.

В процессе размещения объектов инженерной инфраструктуры, предусмотрено формирование зон с особым условиям использования, представляющие собой территории в границах, которых устанавливается определенный правовой режим в соответствии с Земельным и Градостроительным законодательством Российской Федерации. Зоны с особыми условиями использования считаются — охранные, санитарно-защитные зоны, зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, водоохраные зоны, зоны затопления, подтопления, зоны санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, зоны охраняемых объектов, иные зоны, устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В соответствии со статьей 2 Федерального Закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 252-ФЗ, зоны с особым режимом использования территории не входят в состав объектов землеустройства, соответственно землеустроительная документация в отношении таких зон не составляется [1].

Внесение сведений, об установлении, изменении или прекращения существования зон с особым режимом использования, в ЕГРН осуществляется в общем случае в порядке межведомственного информационного взаимодействия, установленным Федеральным законом № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». [2]

В соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» в состав ЕГРН входит самостоятельный реестр сведений о границах зон с особыми условиями использования территории и прочих зон, так или иначе обременяющих земельные участки.

Следует отметить, что обязательным приложением к решению об установлении зон с особым режимом использования территории, являются сведения о границах данной зоны. Сведения должны содержать текстовое и графическое описание местоположения границ данной зоны, перечень координат характерных точек границ в системе координат, которая установлена для ведения государственного кадастра объектов недвижимости. Но зако-

дательство Российской Федерации не предусматривает утверждение и разработку документа, который содержит указанные сведения о границах зон.

На основании внесенных в реестр границ сведений о зоне с особыми условиями использования территорий, определяются земельные участки, ограничения, в использовании которых установлены требованиями нормативно-правовых документов согласно статье 56 Земельного кодекса Российской Федерации [3].

Зона с особыми условиями использования территорий считается установленной с момента внесения сведений о ее границах в Единый государственный реестр недвижимости.

Зона инженерной инфраструктуры предназначена для размещения объектов, сооружений и коммуникаций инженерной инфраструктуры, в том числе водоснабжения, канализации, санитарной очистки, тепло-, газо- и электроснабжения, связи, радиовещания и телевидения, пожарной и охранной сигнализации, а также диспетчеризации систем инженерного оборудования, и непосредственно для установления санитарно-защитных зон и зон санитарной охраны данных объектов, сооружений и коммуникаций.

На основании Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» от 31.03.1999 № 69-ФЗ [4], устанавливают порядок определения границ охранных зон газораспределительных сетей, условия использования земельных участков, расположенных в их пределах, и ограничения хозяйственной деятельности, которая может привести к повреждению газораспределительных сетей, определяют права и обязанности эксплуатационных организаций в области обеспечения сохранности газораспределительных сетей при их эксплуатации, обслуживании, ремонте, а также предотвращения аварий на газораспределительных сетях и ликвидации их последствий. Утверждение границ охранных зон и наложение обременения для существующих сетей производится без согласования с собственниками земельных участков. Для строящихся газопроводов необходимо согласие собственника земельного участка.

Любые работы в охранных зонах газораспределительных сетей должны производиться при строгом вы-

полнении требований по сохранности вскрываемых сетей и других инженерных коммуникаций, а также по осуществлению безопасного проезда специального автотранспорта и прохода пешеходов.

Таким образом, мы можем, прийти к выводу о том, что охранные зоны создаются, как и в целях защиты объектов государственной охраны, так и в целях осуществления защиты окружающей среды от негативного воздействия.

Установление границ осуществляется органами государственной власти. В статьях 104, 105 Земельного кодекса

Российской Федерации содержатся цели установления зон с особыми условиями использования территорий, виды таких зон.

Подводя итог, можно сказать, что кадастровому учету подлежит охранный зона, которая выделена для размещение линейного сооружения, территория, в пределах которой устанавливается особый порядок использования, поэтому в дальнейшем специалисту необходимо будет подготовить текстовое и графическое описание местоположения границ охранной зоны, в связи с чем, сведения будут вноситься в ЕГРН.

Литература:

1. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13.07.2015 г. № 252-ФЗ [принят Гос. Думой 3 июля 2015 года: одобр. Советом Федерации 8 июля 2015] (ред. 03.07.2016 г.).
2. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 г. № 252-ФЗ [принят Гос. Думой 3 июля 2015 года: одобр. Советом Федерации 8 июля 2015] (ред. 01.05.2022 г.).
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ [принят Гос. Думой 28 сентября 2001 года: одобр. Советом Федерации 10 октября 2001 года] (ред. 01.05.2022 г.).
4. О газоснабжении в Российской Федерации: федер. закон от 31.03.1999 г. № 69-ФЗ [принят Гос. Думой 12 марта 1999 года: одобр. Советом Федерации 17 марта 1999 года] (ред. 01.05.2022 г.).

Некоторые аспекты понятий «система органов исполнительной власти» и «структура органов исполнительной власти»

Леонова Наталья Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор определяет понятия таких правовых явлений, как «система органов исполнительной власти» и «структура органов исполнительной власти».

Ключевые слова: система, структура, органы исполнительной власти.

Еще в 1998 году в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Общими силами — к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» было отмечено, что «в решающей степени повышение эффективности управления зависит от обоснованной системы исполнительной власти, структуры ее органов, четкой дифференциации их правового статуса»... [1].

Однако до настоящего времени в законодательстве Российской Федерации, равно как и ее субъектов, отсутствует единообразный подход к пониманию системы и структуры органов исполнительной власти.

Конституционный Суд Российской Федерации, формируя по данному вопросу свою правовую позицию, отметил, что, «являясь составным элементом единой системы федеральных органов государственной власти, федеральные органы исполнительной власти, в свою очередь, также образуют определенную систему, име-

ющую собственную структуру; при этом на конституционном уровне не устанавливаются ни полный перечень федеральных органов исполнительной власти, ни их возможные виды, различающиеся своим правовым статусом»... [2].

Несмотря на то, что федеральные нормативные правовые акты не закрепляют определение системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, анализ указов Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [3] и от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [4] позволяет охарактеризовать систему органов исполнительной власти, как совокупность их организационно-правовых форм с учетом осуществляемых функций, а структуру — как перечень конкретных федеральных органов исполнительной власти с учетом их иерархии.

Так, например, в системе федеральных органов исполнительной власти федеральное министерство «является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации сфере деятельности...; на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации самостоятельно осуществляет правовое регулирование в установленной сфере деятельности, за исключением вопросов, правовое регулирование которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации осуществляется исключительно федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации; в установленной сфере деятельности не вправе осуществлять функции по контролю и надзору, а также функции по управлению государственным имуществом, кроме случаев, устанавливаемых указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации; осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении федеральных служб и федеральных агентств...; осуществляет координацию деятельности государственных внебюджетных фондов» (п. 3 указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314).

В данном случае автор соглашается с позицией Ю. Н. Старилова, согласно которой «система органов — это необходимая совокупность органов государственного управления, а структура органов — реально действующая система органов федеральной исполнительной власти. Иначе говоря, «система органов» — это стратегическое понятие, отражающее необходимость создания конкретной совокупности государственных органов, тогда как понятие «структура» характеризует наличие определенной системы органов в тот или иной период времени... Система органов является более широким понятием, чем их структура, ибо последняя зависит в основном от самой системы органов» [5].

Таким образом, автор формулирует следующее: система органов исполнительной власти представляет собой «фундамент» всей системы государственного управления, а структура — «надстройку», которая может изменяться (реорганизовываться) в зависимости от конкретных социально-экономических и политических условий.

Отсутствие единого легального определения категорий «система органов исполнительной власти» и «структура органов исполнительной власти» привело к смешению данных понятий в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации.

В ряде субъектов Российской Федерации законодатель, раскрывая систему органов исполнительной власти, ограничивается лишь перечислением их организационно-правовых форм, не затрагивая вопроса о функциях.

Так, например, согласно ст. 2 Закона Воронежской области от 17 октября 2012 года № 111-ОЗ «О системе исполнительных органов государственной власти Воронежской области» «в систему исполнительных органов государственной власти Воронежской области входят: высший исполнительный орган государственной власти Воронежской области — правительство Воронежской области; иные исполнительные органы государственной власти Воронежской области: департаменты, управления, инспекции, представительство Воронежской области» [6].

В соответствии со ст. 51 Устава (Основного Закона) Саратовской области от 24.05.2005 г. № 26-ЗСО «систему органов исполнительной власти области составляют: возглавляемое Губернатором области Правительство области; министерства, комитеты, управления и иные органы исполнительной власти области» [7].

Однако, автор отмечает, что в некоторых субъектах Российской Федерации были предприняты попытки определения содержания понятий «система органов исполнительной власти» и «структура органов исполнительной власти».

Показательным в этом аспекте является Закон Республики Крым от 29.05.2014 № 5-ЗРК «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым», согласно ст. 1 которого под системой исполнительных органов государственной власти понимается «совокупность органов государственной власти Республики Крым, деятельность которых направлена на обеспечение исполнительной власти в Республике Крым, путем государственного управления, наделенных в этих целях государственно-властными полномочиями, закрепленными в Конституции Российской Федерации, федеральных законах, Конституции Республики Крым и законах Республики Крым, настоящем Законе, а также в соглашениях с федеральными органами исполнительной власти в рамках предметов ведения Республики Крым и совместного ведения Российской Федерации» [8] (п. 2); под их структурой — «перечень исполнительных органов государственной власти Республики Крым, включая их официальные наименования, образованных в соответствии с Конституцией Республики Крым, настоящим Законом и иными законами» (п.3). При этом в ст. 9 закона закрепляется открытый перечень организационно-правовых форм исполнительных органов государственной власти Республики Крым (Совет министров Республики Крым; министерства Республики Крым; государственные комитеты Республики Крым; службы Республики Крым; агентства Республики Крым; инспекции Республики Крым; иные исполнительные органы государственной власти Республики Крым), а в ст.11 — их функции. Так, «министерство Республики Крым — это исполнительный орган государственной власти Республики Крым, проводящий

государственную политику и осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в установленной сфере деятельности, отраслевое или межотраслевое управление в наиболее важных отраслях и установленных сферах деятельности, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом, а также координирующий в установленных случаях деятельность в этой сфере иных исполнительных органов государственной власти Республики Крым; государственный комитет Республики Крым — исполнительный орган государственной власти Республики Крым, проводящий государственную политику и осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в установленной сфере деятельности, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом, если это предусмотрено положением об указанном органе; служба Республики Крым — исполнительный орган государственной власти Республики Крым, осуществляющий функции по контролю и надзору, а также специальные функции в установленной сфере деятельности; агентство Республики Крым — исполнительный орган государственной власти Республики Крым, осуществляющий в установленной сфере деятельности функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору; инспекция Республики Крым — исполнительный орган государственной власти Республики Крым, осуществляющий в установленной сфере (сферах) деятельности функции по контролю и надзору; иные исполнительные органы государственной власти Республики Крым — исполнительные органы государственной власти Республики Крым специальной компетенции, осуществляющие закрепленные за ними отдельные полномочия, а также исполнительные органы государственной власти Республики Крым, формируемые в целях исполнения полномочий по обеспечению деятельности Главы Республики Крым как высшего должностного лица Республики Крым, Совета министров Ре-

спублики Крым как высшего исполнительного органа государственной власти Республики Крым».

И все-таки автор подчеркивает, что отсутствие единого подхода региональных законодателей к пониманию «системы органов исполнительной власти» и «структуры органов исполнительной власти» обусловлено, прежде всего, пробелами «рамочного» Федерального закона от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в ст. 17 которого, несмотря на наименование «Система органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации», не раскрываются основы данной системы.

Поэтому «в целях укрепления единой системы исполнительной власти, ее способности проводить социально-экономические преобразования по выводу страны из кризиса, осуществлять эффективную региональную политику, защищать права и свободы человека и гражданина, бороться с преступностью» [9], автор считает целесообразным дополнить статью 17 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» примечанием следующего содержания:

«Под системой органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в настоящем Федеральном законе следует понимать совокупность их организационно-правовых форм, различающихся своим правовым статусом.

Под структурой исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации в настоящем Федеральном законе следует понимать иерархический перечень соответствующих органов исполнительной власти».

Такое дополнение, с одной стороны, будет способствовать упорядочению организации исполнительной власти в Российской Федерации, с другой стороны, обеспечит повышение эффективности государственного управления.

Литература:

1. Российская газета. — 1998. — № 36. — 24 февраля.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г») (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 1999. — № 3.
3. Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 11. — Ст. 945.
4. Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 22. — Ст. 2754.
5. Стариков, Ю. Н. Курс общего административного права: В 3 т. — М., 2002. — Т. I. — с. 509.
6. Собрание законодательства Воронежской области. — 2012. — № 29.
7. Неделя области. — 2005. — № 38 (156). — 04 июня.
8. Крымские известия. — 2014. — № 103–104(5514–5515). — 30 мая.
9. Указ Президента РФ от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 24. — Ст. 2598.

Принцип непрерывности при проведении процедуры реорганизации юридического лица в корпоративном праве России и Германии

Лопав Илья Вадимович, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автор раскрывает принцип непрерывности в сравнительно-правовом аспекте на примере Российской Федерации и Федеративной Республики Германии.

Ключевые слова: принцип непрерывности, корпоративное право, реорганизация, Федеративная Республика Германия, Российская Федерация.

Принцип непрерывности не является новеллой для отечественной юридической науки. В большинстве случаев указанный принцип освещается в рамках конституционного, международного права, обосновывая правопреемственность между публично-правовыми образованиями.

Представители европейской юридической науки активно дискутируют на тему принципа непрерывности в корпоративном праве стран Европейского континента. Однако, стоит отметить, что даже в рамках Европейского союза у стран-участниц сохраняются серьезные различия в правовом регулировании различных юридических вопросов корпоративного права. Так, например, германское корпоративное законодательство отличается от романского (французского) в виду дуалистичности первой и монизма второй систем [12].

В отечественной литературе есть множество работ по корпоративному праву, посвященных реорганизации юридических лиц. В частности, многие авторы, исследуя вопрос о получении «новыми» участниками долей (акцией) принимающего общества, оставляют за скобками принцип непрерывности.

Значение указанного принципа было подробно раскрыто в статье Кузнецова А. А. «Принцип непрерывности участия в обществе при реорганизации», опубликованной в 2021 году. Трудно не согласиться с автором, что принцип непрерывности можно считать одной из основных гарантий, защищающих акционера (участника) от исключения из состава акционеров (участников) в рамках процедуры реорганизации юридического лица [11]. В своей работе Кузнецов А. А. проводит глубокий анализ корпоративного права Франции, Испании, Швейцарии.

Габов А. В. указывает, что правоприменительная практика российских судов по вопросу компенсации участия в присоединяющихся обществах с ограниченной ответственностью немногочисленна [8]. Так, одним из выводов, следующих из судебной практики, является то, что по общему правилу участники присоединяемых обществ должны приобрести доли в уставном капитале общества, к которому осуществляется присоединение, за исключением случаев, когда участником присоединяемого общества является само общество, к которому осуществляется присоединение [9]. Это говорит о том, что

исследуемый принцип в настоящее время используется российским правоприменителем, однако делается это не системно и точно.

В целом, прямое упоминание принципа непрерывности в отечественной судебной практике встречается лишь единожды — в особом мнении судьи Конституционного суда Российской Федерации Арановского К. В. к Постановлению от 10 декабря 2019 года № 39-П [10].

Несмотря на то, что в отечественной юридической науке и правоприменительной практике прямое упоминание принципа непрерывности встречается крайне редко, мы можем наблюдать нормативно-правовое закрепление указанного принципа в действующем законодательстве.

Так, одним из самых ярких примеров закрепления данного принципа являются внесенные в 2001 году изменения в Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», согласно которым было закреплено, что обмен акций реорганизуемого общества может производиться только на акции получающего общества [11].

Беря во внимание широкую рецепцию российским гражданским законодательством основополагающих принципов, систем и методов регулирования существования юридических лиц в гражданском праве Германии, представляется интересным изучить вопрос применения немецкой юридической доктрины корпоративного права принципа непрерывности как в законодательстве, так и в правоприменительной практике.

Так, на рубеже двадцатого и двадцать первого века в научной среде широко разгорелась дискуссия о реализации принципа непрерывности в корпоративном праве Германии.

Особенностью корпоративного права Германии является то, что в процессе образования юридического лица могут быть созданы организации, не являющиеся еще юридическим лицом, но имеющие частичную правосубъектность [3].

В своей статье, опубликованной в 1999 году, Доктор О. Шульц указывает, что соглашение о членстве (Die Vereinbarung der Mitgliedschaft) является достаточным предварительным условием для создания и получения членского положения в организации, еще не имеющей «полного» статуса юридического лица, однако имеющей частичную правосубъектность [1].

В 2019 году в одном из публикуемых отчетов Немецкого института нотариусов (DNotI), исследуя вопрос о слиянии двух обществ с ограниченной ответственностью, приводится цитата Доктора Б. Лайендекер-Лангера [5], который отмечает, что за утрату своих прав участия в предыдущем юридическом лице акционеры получают, в качестве компенсации, эквивалентные доли или доли участия в приобретающем юридическом лице [4].

Предоставление акций (долей) происходит в силу закона (*ex lege*). При этом немецкое законодательство содержит основания для нивелирования принципа континуитета. Таким основанием будет, например, закрепленная в ст. 54 (для ООО) и в ст. 68 (для АО) Закона о реорганизации обществ (*Umwandlungsgesetz*) возможность взаимного нотариального отказа от предоставления акций (долей) [2].

В отличие от России немецкая правоприменительная практика содержит множество случаев прямого упоминания принципа континуитета. В решениях немецких судов принцип континуитета рассматривается как в вопросах о правопреемстве одного юридического лица другом, так и непосредственно в части прав «новых» участников юридического лица после проведения процедуры реорганизации в какой-либо из форм.

Так Высший земельный суд Ольденбурга говоря о принципе континуитета указал, что цель данного принципа состоит в том, чтобы защитить само членство, которое в принципе не должно быть затронуто изменением юридической формы. Иными словами, цель этого принципа состоит в том, чтобы избежать влияния на членство через преобразование. Таким образом, акционеры компании, меняющей организационно-правовую форму, также должны стать участниками нового юридического лица в момент изменения организационно-правовой формы. В частности, миноритарные акционеры должны

быть защищены от исключения из компании решением о конвертации.

Однако цель защиты, преследуемая принципом преемственности акционеров (континуитет), в настоящем деле не затрагивается, поскольку преобразование не было использовано неправомерно в качестве инструмента для обеспечения смены акционеров — все компании согласились на изменение организационно-правовой формы и изменение количества акционеров [7].

Федеральный верховный суд Германии в Постановлении от 09.05.2005 — II ZR 29/03 [6] отметил, что единственным следствием реализации принципа континуитета является то, что бенефициары-акционеры на момент регистрации изменения организационно-правовой формы, также становятся участниками юридического лица с новой организационно-правовой формой.

Таким образом, немецкое законодательство в большей степени, чем российское, содержит ссылки на нормативно-правовое закрепление указанного принципа. В целом, это может быть продиктовано как общей сложностью субъектов корпоративного права Германии, так и членством Федеративной Республики Германия в общеевропейском правовом регулировании вопросов корпоративного права.

Анализ решений немецких судов говорит о четко сформированной позиции правоприменителя в отношении принципа континуитета. Несомненно, данный факт является большим плюсом, позволяющим более четко и единообразно подходить к вопросу решения корпоративных споров, вытекающих из процедуры реорганизации юридических лиц.

Что касается использования принципа континуитета российскими судами, как указывалось ранее, практика судов крайне мала. Суды косвенно говорят о принципе континуитета, при этом никак не конкретизируя и не упоминая его прямо.

Литература:

1. Das Kontinuitätsprinzip im Gesellschaftsrecht / O. Schultz — Текст: электронный // Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht — 1999. — № 89 // Система юридической литературы «Beck-online» (дата обращения: 25.05.2022).
2. Gesellschaftsrecht / M. Henssler, L. Strohn, [Электронный ресурс] / M. Henssler, L. Strohn. — 2021 // Система юридической литературы «Beck-online» (дата обращения: 23.05.2022).
3. Kommentar zur Insolvenzordnung / H. Bork, F. Kübler, P. Prütting. — 2021 // Система юридической литературы «Beck-online» (дата обращения: 23.05.2022).
4. UmwG §§ 20, 54; GmbHG § 16 Verschmelzung einer GmbH zur Aufnahme auf eine andere GmbH; Beteiligung materiellrechtlich nicht berechtigter Gesellschafter; Scheingesellschafter; Up-Stream-Merger; Tochter-Mutter-Verschmelzung; Pflicht zur Anteilsgewährung / DNotI-Report Informationsdienst des Deutschen Notarinstituts Текст: электронный // DNotI-Report. — 2019 — Heft 6. (Seite 45–51) — URL: https://www.dnoti.de/fileadmin/user_upload/dnoti-reports/rep062019_light.pdf
5. Unklare Beteiligungsverhältnisse in der GmbH — Die Wegverschmelzung des tatsächlichen Gesellschafters als Gestaltungsoption / B. E. Leyendecker-Langner — Текст: электронный // Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht — 2015. — № 4 // Система юридической литературы «Beck-online» (дата обращения: 25.05.2022).
6. Urteil des Bundesgerichtshofs vom 09.05.2005 — II ZR 29/03 [Электронный ресурс] // Система юридической литературы «Beck-online». — Режим доступа: <https://beck-online.beck.de>. (дата обращения: 25.05.2022).

7. Urteil des OLG Oldenburg vom 19.12.2019–12 W 133/19 (HR) [Электронный ресурс] // Система юридической литературы «Beck-online». — Режим доступа: <https://beck-online.beck.de>. (дата обращения: 25.05.2022).
8. Обмен долей при реорганизации общества с ограниченной ответственностью в форме присоединения / А. В. Габов. — Текст: электронный // Закон. — 2020. — № 3 // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 23.05.2022).
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.11.2017 № Ф03–3700/2017 по делу № А51–6270/2017 // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 20.05.2022).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 N 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой» // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 20.05.2022).
11. Принцип континуитета участия в обществе при реорганизации / Кузнецов А. А. — Текст: электронный // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 5 // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 23.05.2022).
12. Сравнительное корпоративное право / Суханов Е. А. — Текст: электронный // М.: Статут. — 2014 // Справочная правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 20.05.2022).

Проблематика назначения административной ответственности за правонарушения должностных лиц

Маслаковская Инна Геннадьевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
 Московский финансово-юридический университет МФЮА

Административная ответственность должностных лиц является одной из часто обсуждаемых и дискуссионных вопросов в современной правовой науке. Проблематика привлечения к административной ответственности должностных лиц играет важную практическую роль, поскольку она призвана обеспечивать требования правопорядка и осуществлять профилактическую функцию.

В статье рассмотрены законодательные основы и особенности привлечения должностных лиц к административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, должностное административное правонарушение, административная ответственность, должностное лицо, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

Problems of appointment administrative responsibility for offenses officials persons

Administrative responsibility of officials is one of the frequently discussed and debatable issues in modern legal science. The problem of bringing officials to administrative responsibility plays an important practical role, since it is designed to ensure the requirements of law and order and carry out a preventive function.

The article discusses the legislative framework and features of bringing officials to administrative responsibility.

Keywords: administrative responsibility, official administrative offense, administrative responsibility, official, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Действующее законодательство устанавливает некоторые особенности привлечения к административной ответственности должностных лиц. Такие особенности установлены нормами Конституции Российской Федерации, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации и рядом федеральных законодательных

актов. Причем отметим, что к числу специфических субъектов административной ответственности относятся, кроме должностных лиц, лица с ограниченными возможностями, несовершеннолетние лица и некоторые другие.

Основанием для привлечения должностных лиц к административной ответственности является совершение

такowymi административного правонарушения в виде неисполнения либо ненадлежащего исполнения ими своих служебных обязанностей.

Хоть понятие «должностное лицо» в действующем законодательстве раскрыто недостаточно, все же в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации указано, что к числу должностных лиц могут быть отнесены лица, постоянно, временно либо в соответствии со специальными полномочиями осуществляющие функции представителя власти. В сущности, должностные лица наделены распорядительными полномочиями в отношении лиц, которые не находятся в служебной зависимости от них (то есть граждан), на законных основаниях. Также к числу должностных лиц относятся такие лица, которые выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, в войсках и воинских формированиях России [5, С. 174].

В практической деятельности в вопросе привлечения должностных лиц к административной ответственности большую роль играет взаимосвязь таких лиц с организациями, в которых они осуществляют свою деятельность. По этой причине обозначим, что каждое юридическое лицо принимает на себя ответственность за жизнь, здоровье и безопасность своего персонала. В это же время стоит обозначить, что не все организации и не в полной мере действуют в соответствии с требованиями трудового законодательства. Правонарушители принимают на себя разные виды ответственности, однако, именно должностные лица, в отличие от юридических лиц, как правило, несут менее строгую ответственность, то есть административную. Порядок и основания привлечения должностных лиц к административной ответственности регламентируется нормами Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3, С. 188].

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с нормами Кодекса под должностным лицом понимается не только сотрудник государственных и муниципальных структур, но и сотрудники организаций, которые действуют в границах своей компетенции и в соответствии со своим служебным положением. То есть любой работник любой компании может быть привлечен к административной ответственности, если им было совершено административное правонарушение при исполнении своих служебных обязанностей. Соответственно, к административной ответственности могут быть привлечены и руководители организаций на тех же основаниях [2, С. 118].

В соответствии с действующим административным законодательством, к должностному лицу может быть применено четыре вида административного наказания. Такими являются предупреждение, административный штраф, дисквалификация и административное приостановление деятельности.

Под предупреждением понимается официальное порицание, которое оформляется в письменном виде. Такое административное наказание может быть применено в тех случаях, когда должностное лицо совершило то или иное правонарушение впервые. При этом само правонарушение не привело к имущественному ущербу и не повредило жизни и здоровью людей. Должностным лицам назначается административное наказание в виде предупреждения в соответствии со статьей 3.4 КоАП [4, С. 250].

Административный штраф, как мера административного наказания, представляет собой денежное взыскание, которое может быть наложено на организацию, должностное лицо, руководителя либо сотрудника организации. Основанием для взыскания с правонарушителя административного штрафа является постановление, которое должно быть оформлено в соответствии с требованиями законодательства уполномоченным на то должностным лицом или органом власти. В таком постановлении должны быть указаны банковские реквизиты, по которым штраф должен быть оплачен. Необходимо обозначить, что оплатить административный штраф нужно в течение шестидесяти дней с момента вступления постановления в юридическую силу. Иначе, должностное лицо будет привлечено к дополнительному наказанию.

Следующим видом административного наказания является дисквалификация. Под ней понимается лишение сотрудника права занимать ту или иную должность или управлять юридическим лицом в соответствии со статьей 3.11 КоАП [1]. Такой вид наказания может быть назначен только в тех случаях, когда правонарушение совершено работником, который ранее уже был привлечен к административной ответственности. Чтобы постановление о дисквалификации было исполнено, необходимо расторгнуть с таким должностным лицом трудовое соглашение или перевести его на другую должность. Подчеркнем, если наказание в виде дисквалификации назначено руководителем, то он больше не имеет права руководить соответствующей организацией. Иначе, он будет обязан оплатить штраф в размере пяти тысяч рублей, в то время как сама организация должна будет заплатить штраф в размере ста тысяч рублей. Такие санкции предусмотрены статьей 14.23 Кодекса об административных правонарушениях [1].

Наконец, наказание в виде административного приостановления деятельности подразумевает прекращение работы юридического лица на определенный срок. То есть можно сделать вывод, что такое административное наказание может быть применено только в отношении юридического лица. Однако, в соответствии с нормами Кодекса об административных правонарушениях индивидуальный предприниматель также относится к категории должностных лиц. Соответственно, мы можем рассматривать такой вид административного наказания по отношению к должностным лицам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о привлечении к административной ответственности руководителей в качестве должностных лиц. Эта проблема включает в себя большое количество специфических вопросов, в числе которых охрана труда, требования пожарной безопасности, выплата заработной платы, трудовые взаимоотношения с персоналом, работа с персональными данными и другое. Привлечь руководителя к ответственности можно только в том случае, если действительно подтвержден факт совершения им административного правонарушения. Основанием привлечения руководителя к административной ответственности является невыполнение или ненадлежащее выполнение им своих служебных обязанностей.

Как показывает практика, основная часть правонарушений руководителя связывается с организационно-распорядительной или административно-хозяйственной деятельностью. При этом, законом предусматривается привлечение к административной ответственности одновременно нескольких категорий лиц: руководителя, то есть должностного лица, и организации, то есть юридического лица.

Чтобы привлечь к административной ответственности сотрудника, с отнесением его к категории должностных лиц, необходимо, чтобы совершенное им правонарушение было напрямую связано с его должностными обязанностями. То есть, основанием для привлечения его к ответственности будет то, что в его должностной инструкции или трудовом договоре установлена ответственность за определенное направление деятельности, но им такая деятельность не была выполнена. Чаще всего, такими должностными лицами являются начальник отделов, главные бухгалтеры, инженеры и специалисты по охране труда.

В рамках исследуемого вопроса необходимо обозначить, что законом установлены обстоятельства, которые позволяют сотрудникам избежать административной ответственности. Например, такими обстоятельствами могут быть малозначительность поступка, отсутствие вины сотрудника, а также истечение срока давности совершения проступка. Так, срок давности привлечения должностного лица к административной ответственности составляет два месяца со дня его совершения, а в случае назначения наказания судом — три месяца.

Порядок привлечения должностного лица к административной ответственности включает в себя четыре основных этапа:

1. Проведение проверки и выявление правонарушения. Например, на должностное лицо может поступить жалоба.
2. Расследование обстоятельств дела, сбор доказательств и составление протокола.
3. Направление протокола и всех необходимых документов в прокуратуру или трудовую инспекцию. Документы рассматриваются судами общей юрисдикции, государственными инспекторами или представителями надзорных органов.

4. Вынесение постановления о мере административного наказания судом или соответствующей инспекции [2, С. 117].

Так, особенность привлечения должностных лиц к административной ответственности заключается в том, что они обладают специальным правовым статусом, который предусматривает наличие властных полномочий и полномочий распорядительного характера по отношению к другим лицам. Также, правонарушения должностных лиц нередко могут причинить обществу или даже государству значительный больший вред, чем административные правонарушения со стороны обычных физических лиц.

Важно обозначить, что противоправность должностных лиц, которые являются субъектами административных правонарушений, выражена не только в невыполнении ими установленных административно-правовыми нормами правил определенной сферы, но и в неисполнении конкретных обязанностей, которые предусмотрены должностной инструкцией [3, С. 188].

Важно также подчеркнуть, что в ходе рассмотрения административных правонарушений, которые совершаются должностными лицами, кроме положений статьи 2.1 Кодекса об административных правонарушениях [1], которые закрепляют общее понятие административного правонарушения, необходимо учитывать нормы статьи 2.4 «Административная ответственность должностных лиц», определяющих специфику совершения административного правонарушения должностным лицом. Так, последние устанавливают административную ответственность должностного лица в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей. Если же посмотреть на ситуацию иначе, то круг противоправных действий, которые совершаются должностными лицами, не ограничивается исключительно несоблюдением установленных правил, обеспечение выполнения которых включается в их служебные обязанности, а предусматривает и другие их виды.

В целом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что основным элементом состава должностного административного правонарушения, являющегося определяющим и характеризующим специфическую направленность должностных правонарушений, выступает само должностное лицо, то есть субъект правонарушения. В отношении должностных лиц могут быть назначены такие виды административных наказаний, как штраф, предупреждение, дисквалификация и административное приостановление деятельности.

Особая специфика данной категории правонарушений и ответственность за них позволяет свидетельствовать о наличии большого количества пробелов в данной области, которые нуждаются в своем немедленном решении. Соответственно, существует необходимость проведения более глубоких исследований с целью определения наиболее существенных проблем и трудностей.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Кулдош, П. Г., Леоненко А. Ю. Об административной ответственности государственных органов и должностных лиц за нарушение права граждан на обращение // Современные вопросы государства, права, юридического образования. 2019. с. 116–119.
3. Пашкова, Е. Н. Особые условия привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции // Сборник научных статей по итогам недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2020. с. 187–190.
4. Пьянова, Г. С., Ёркина Т. Н., Сафронова Е. В. Особенности привлечения к административной ответственности глав муниципальных образований и иных должностных лиц местного самоуправления // Юность и знания — гарантия успеха — 2019. 2019. с. 248–251.
5. Ширинян, Р. В. Актуальные проблемы реализации института административной ответственности должностных лиц // Молодой ученый. 2020. № 40 (330). с. 173–176.

Эволюция понятия «должностное лицо» в Российской Федерации

Маслаковская Инна Геннадьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Правовой статус должностных лиц отличается от статуса иных служащих. От того, как именно осуществляется и регулируется их деятельность, во многом зависит эффективность работы различных звеньев государственного аппарата. В это же время, строгая регламентация правового положения должностных лиц связывается с их правильным отграничением от остальных служащих и с тем, насколько четко и единообразно формируется само понятие «должностное лицо».

В статье рассмотрены основные этапы развития понятия «должностное лицо» в Российской Федерации.

Ключевые слова: административная ответственность, должностное административное правонарушение, административная ответственность, должностное лицо, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

Evolution of concept «official person» in Russian Federation

The legal status of officials differs from the status of other employees. The effectiveness of the work of various parts of the state apparatus largely depends on how their activities are carried out and regulated. At the same time, strict regulation of the legal status of officials is associated with their correct separation from other employees and with how clearly and uniformly the concept of «official» is formed.

The article discusses the main stages of the development of the concept of «official» in the Russian Federation.

Keywords: administrative responsibility, official administrative offense, administrative responsibility, official, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Исследование истории возникновения понятия должностного лица позволяет отметить, что эволюция данного понятия в советской и российской науке административного права характеризуется наличием долгой истории. Изучение в исторической призме опыта российских исследователей и законодателей должно способствовать созидательной нормотворческой деятельности в таком направлении на современном этапе. В общем, можно сказать, что в данный вопрос является предметом

исследований большого количества административистов. В этой связи, необходимо выделить наиболее значимые моменты в данной области [2, С. 516].

Развитие термина «должностное лицо» в правовой науке состоит из нескольких этапов. Первый этап закончился в 1917 году, в то время, когда господствовало предельное расширительное толкование данного понятия. Второй этап приходится на период с 1917 год по 1922 год. В эти годы приняли первые уголовные кодексы, которые

закрепили предельно широкое понятие «должностное лицо», приравненное к понятию «служащий». Третий этап датируется периодом с 1922 года по начало 60-х годов. В этот период имело место противоборство расширительной и ограничительной тенденции в развитии этого понятия. Завершился этот период принятием Уголовного кодекса 1960 года и принципиальной победой ограничительной тенденции. Необходимо отметить, что в 50-е годы на этом этапе развития в изучении понятия «должностное лицо и особенностей правонарушений, совершаемых должностными лицами, значительно преуспели специалисты административного права».

Следующий, четвертый, этап приходится на период с середины 60-х годов по середину 90-х годов. Именно этот период считается периодом поиска нового определения должностного лица, когда использовались различные подходы к данному определению со стороны представителей науки уголовного права, с одной стороны, и административного права, с другой [4, С. 51].

Пятый этап развития понятия «должностное лицо» приходится с середины 90-х годов, когда был начат процесс переосмысления такого понятия, обусловленный конструктивными изменениями, происходящими в различных сферах российского государства. Такие изменения привели к формированию фактически нового законодательства о государственной службе и поставили вопрос относительно необходимости уяснения понятия «должностное лицо», не только по отношению к государственным структурам, но и по отношению негосударственных организаций [5, С. 478]. Кроме того, необходимо отметить, что вторая часть пятого этапа развития исследуемого понятия приходится на 2002 год, а именно на 1 июля 2002 года, когда вступил в юридическую силу Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [1], закрепивший в административном законодательстве понятие «должностное лицо».

Обозначенные периоды развития термина «должностное лицо» дают возможность для того, чтобы отметить основную характеристику, отличающую процесс формирования понятия должностного лица, которое обозначено указанными временными рамками. Это чередование широкого и ограниченного толкования исследуемого понятия. В течение долгого времени ведущие административисты исследовали в научной литературе понятие «должностное лицо», рассматривая его исключительно в рамках института государственной службы. При таком подходе к числу должностных лиц относились исключительно служащие государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, которые имеют право совершать в пределах своей компетенции властные организационно-распорядительные действия, влекущие юридически значимые последствия. При этом, важно помнить, что осознание правового положения должностного лица в той или иной степени влияет уровень экономического, политического и социального развития на отдельном историческом этапе государства [6, С. 67].

В современных условиях, принимая ко вниманию отделение местного самоуправления от государственного управления и появление частного сектора экономики, статус должностного лица, само собой, не может быть связан исключительно с несением таким лицом государственной службы или с выполнением государственных функций [7, С. 148].

В частном секторе существуют лица, обладающие признаками, идентичными функциям организационного распорядительства, которые осуществляются государственными и муниципальными лицами. К числу таковых можно отнести, в первую очередь, физических лиц, занимающих руководящие должности в коммерческих и некоммерческих организациях, и собственников хозяйствующих субъектов. Следуя нормам действующего законодательства, обозначенные лица не могут быть отнесены к категории должностных лиц [8, С. 285]. Хотя, некоторые авторы в своих исследованиях называют их таковыми, выделяя их в отдельную, особую группу должностных лиц. Такие авторы считают, что такое утверждение никоим образом не противоречит смыслу статьи 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации: в примечании к статье указано, что совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных функций руководители и иные работники других организаций несут административную ответственность в качестве должностных лиц, если законом не предусмотрено другое.

Властные полномочия руководителей любых уровней коммерческих организаций по своему содержанию имеют сходства с распорядительными полномочиями должностных лиц государственной службы. Обладающие такими полномочиями лица обладают правом распоряжаться вверенным им имуществом, налагать дисциплинарные взыскания, заключать, изменять и расторгать трудовые договоры либо контракты.

На современном этапе эволюции понятия «должностное лицо» главенствующей задачей исследователей-административистов является поиск на базе уже обозначенных научных критериев таких характеристик должностного лица, которые будут способствовать приобретению статуса «общие» для всех отраслей права. К примеру, таким может стать совершение действий, влекущих за собой определенные юридические последствия, что поддерживается многими авторами научных работ [3, С. 82].

Проведение научного исследования по поставленному вопросу доказывает необходимость дальнейших исследований в данной области, с целью определения важности установления единого и четкого толкования понятия «должностное лицо», поскольку от его правильного формулирования зависит дальнейшая эффективность нормативно-правового регулирования административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Александрова, В. В. Проблемные вопросы формирования законодательства субъектов РФ об административной ответственности / В. В. Александрова // StudNet. — 2020. — Т. 3. — № 9. — с. 515–525.
3. Волков, А. М. Административное право России. Учебник [Текст] / А. М. Волков. — М.: Проспект, 2019. — 328 с.
4. Добрецов, Г. Б. Административная ответственность за нарушения законодательства при выборе способа закупки / Г. Б. Добрецов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 3. — с. 42–56.
5. Зубач, А. В. Административное право: Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры [Текст] / А. В. Зубач. — М.: Юрайт, 2019. — 530 с.
6. Конин, Н. М. Административное право: Практикум. Учебное пособие для академического бакалавриата [Текст] / Н. М. Конин, Е. И. Маторина. — М.: Юрайт, 2019. — 356 с.
7. Палкина, А. С. К вопросу пробельности административной ответственности должностных лиц в сфере градостроительной деятельности / А. С. Палкина // E-Scio. — 2020. — № 9 (48). — с. 147–152.
8. Пономарев, А. В. Административная ответственность должностных лиц / А. В. Пономарев, А. В. Житкомлинов // Академическая публицистика. — 2019. — № 6. — с. 284–287.

К вопросу об особенностях методики расследования изнасилований

Мичурина Ирина Александровна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье приводится криминалистическая характеристика методики расследования изнасилований. В частности, рассматриваются вопросы первоначальных и последовательных следственных действий.

Ключевые слова: изнасилование, потерпевшая, преступление.

Проблема искоренения насилия в отношении женщин, в том числе и сексуального насилия, является международной. В Декларации об искоренении насилия в отношении женщин, принятой 20 декабря 1993 г., указывается, что насилие в отношении женщин является проявлением исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами, которое привело к доминированию над женщинами и дискриминации в отношении женщин со стороны мужчин. [1]

Изнасилование — это преступление против половой неприкосновенности, урегулированное статьей 131 УК РФ. Уголовное законодательство под изнасилованием понимает половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам с использованием беспомощного состояния потерпевшей. [2]

Анализируя следственную практику и специальную литературу, можно сделать вывод о наличии необходимости более глубокого изучения криминалистических аспектов половых преступлений, среди которых можно особо выделить место, время и способ преступного действия, механизм слеодообразования, а также психологическую характеристику личности обвиняемого и виктимологическую характеристику потерпевшей.

Среди основных элементов криминалистической характеристики изнасилования выделяют: данные о личности потерпевшей, данные о личности преступника, а также данные об обстоятельствах подлежащих доказыванию. В научной литературе к основным элементам также относят: место, следы, орудие преступления, действия по сокрытию преступления, причины и условия способствующие совершению преступления.

На практике существенное значение также имеют такие факторы как возраст и количество потерпевших, совершено ли преступление единолично или группой лиц в случае, если преступление совершено группой лиц, входили ли в ее состав женщины (в качестве соисполнителя), возраст лица (лиц), совершившего преступление.

В случае, когда уголовное дело возбуждается по заявлению потерпевшей, может возникнуть ряд трудностей. Зачастую потерпевшая отказывается от данных ею ранее показаний, либо иным способом противодействует расследованию преступления. Таким образом, при принятии заявления о преступлении необходимо разъяснить потерпевшей, что уголовное дело не может быть прекращено вне зависимости от ее желания.

Нередки случаи, когда имело место не изнасилование, а обольщение потерпевшей, поэтому В. И. Комиссаров отмечает, что при расследовании изнасилований необхо-

димо учитывать характер взаимоотношений преступника с «объектом посягательства» — потерпевшей. [3] Необходимо провести тщательный допрос потерпевшей, провести доследственную проверку. Признаками того, что изнасилование действительно имело место выступают повреждения на теле и одежде потерпевшей, различные следы у заподозренного (например, телесные повреждения, нанесенные потерпевшей при самообороне), признаки приведения потерпевшей в беспомощное состояние (признаки наркотического, алкогольного и иного опьянения у потерпевшей).

Кроме того, при расследовании изнасилования необходимо исключить оговор, причиной которого могут стать различные факторы, такие как оправдание потерпевшей собственного поведения перед иными лицами, принуждение к каким-либо действиям (бездействиям) оговоренного лица и пр.), в связи с этим требуется проведение предварительного расследования. Предварительное расследование заключается в получении объяснений лиц, причастных к событию, проведении осмотра места происшествия, а также в получении медицинских документов. Данные действия должны быть проведены в кратчайшие сроки, так как несвоевременность может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления.

В качестве первоначальных следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ особое внимание уделяется допросу потерпевшей и подозреваемого, их освидетельствованию, проведению судебно-медицинских экспертиз, допросу свидетелей.

При допросе потерпевшей необходимо установить, где, кем и когда было совершено изнасилование, далее потерпевшая должна подробно изложить иные обстоятельства преступления — поведение и действия как насильника, так и самой потерпевшей, могли ли остаться следы на теле и одежде насильника. Если потерпевшая обратилась в правоохранительные органы не сразу после совершения изнасилования необходимо установить, какие причины способствовали этому, возможно, лицо, совершившее преступление оказывало физическое или психологическое воздействие на потерпевшую. Кроме того, необходимо уточнить, поддерживала ли потерпевшая какую-либо связь с насильником, либо иными лицами, которые могли оказать на нее воздействие после случившегося, а если данная связь имела место, каковы были обстоятельства и характер данной связи, предпринимали ли данные лица попытки оказать влияние на потерпевшую.

Специальная литература рекомендует проводить допрос потерпевшей следователем женского пола, либо следователем, возраст которой значительно превышает возраст потерпевшей. [4]

Допрос подозреваемого необходимо проводить непосредственно после допроса потерпевшей и осмотра места происшествия, а также в случае его задержания. Первоначально целесообразно выяснить характер взаимоотношений

подозреваемого с потерпевшей, далее задавать вопросы по существу заявления потерпевшей. Если подозреваемый задержан и допрашивается спустя значительное время после совершения преступления, необходимо установить, где он находился и чем занимался в тот момент, когда произошло изнасилование, а также кто может это подтвердить.

Для достижения максимального эффекта воздействия того или иного тактического приема следователю необходимо определить психотип насильника, и с учетом этого планировать отдельные тактические приемы воздействия и корректировать их реализацию. [5]

После проведения допроса с целью обнаружения следов необходимо произвести освидетельствование как потерпевшей, так и подозреваемого. В случае, если в результате медицинского освидетельствования на теле подозреваемого были обнаружены повреждения (при этом подозреваемый отрицает свою причастность к совершению преступления, а из показаний потерпевшей следует, что в момент преступления она нанесла ему телесные повреждения), необходимо повторно допросить подозреваемого об обстоятельствах, при которых данные повреждения были получены и лицах, которые могут это подтвердить. Если при освидетельствовании установлено, что у подозреваемого имелись телесные повреждения, которые уже зажили, необходимо направить его для прохождения судебно-медицинской экспертизы.

При производстве осмотра места происшествия выявляются следы борьбы, предметы и следы, которые принадлежат потерпевшей или подозреваемому (биологические следы, окурки, одежда (или ее фрагменты), личные вещи). Выбор тактики осмотра места происшествия зависит от конкретной обстановки.

В случае, если были установлены свидетели преступления, необходимо провести их допрос. К числу свидетелей могут быть отнесены лица, наблюдавшие субъекта преступления совместно с потерпевшей на месте или вблизи места происшествия, лица, которые наблюдали следы повреждений на теле потерпевшей и подозреваемого, очевидцы преступления, иные лица, осведомленные об обстоятельствах полового контакта потерпевшей и подозреваемого.

Допрос свидетелей рекомендуется начинать со свободного рассказа, далее переходить к детализации показаний. Следователь не должен выражать недоверия показаниям свидетеля, проявлять свое недовольство неполнотой сообщаемых сведений. Более того, целесообразно стимулировать стремление свидетеля к сотрудничеству путем высказывания комплиментов по поводу наблюдательности, хорошей памяти допрашиваемого. Постановку уточняющих вопросов рекомендуется предварять словами о том, что следователь не совсем понял, по каким причинам и где находился свидетель перед тем, как увидел предполагаемого субъекта посягательства и (или) потерпевшей, с какого момента наблюдал происходящее, на каком расстоянии от места находился. [6]

Далее, в качестве последующих следственных действий возможно проведение следственного эксперимента, а также проведение ряда экспертиз. Следственный эксперимент по данной категории дел не имеет существенных особенностей.

На данном этапе расследования возможно проведение судебно-психологической экспертизы, экспертизы наркотических веществ, экспертизы пищевых продуктов, траснологической экспертизы и пр.

Литература:

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 01.06.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — N 25. — с. 2954
3. Комиссаров, В. И. Объективные и субъективные факторы в общих положениях методики расследований преступлений против нравственности. Методика расследования преступлений (общие положения). / В. И. Комиссаров. — Материалы науч.-практ. конф. — Одесса, 1976. — 168 с. — Текст: непосредственный.
4. Филиппова, А. Г. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / А. Г. Филиппова. — 5-е изд., перераб. И доп. — Москва: Юрайт, 2015. — 855 с. — Текст: непосредственный.
5. Ратников, Б. К. К вопросу о манипулировании сознанием (нейролингвистическое программирование и его возможности) / Б. К. Ратников. — Текст: непосредственный // Юридическая психология. — Москва: Юрист, 2007. — с. 42–45.
6. Карагодин, В. Н. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности: учебник / В. Н. Карагодин. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 504 с. — Текст: непосредственный.

Правовое регулирование приватизации земельных участков

Мкртчян Рудольф Арамович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Регулирование земельных отношений в нашей стране ведет свое происхождение из далекого прошлого. Частная земельная собственность подвергалась повышенной защите даже в эпоху Рюриковичей. В 1565 году Иван Грозный разделил все территории государства на земские (обыкновенные) и опричные (особые) земли. Видные государственные деятели понимали, что положение крестьян должно улучшиться, и в начале XX века была проведена вторая реформа сельского хозяйства и землепользования. Одним из последствий реформы стала отмена выкупных платежей за земельные участки, полученные крестьянами в период крестьянской реформы 1861 года. Установленный в период «Столыпинской реформы» земельный кодекс России действовал до 1917 года, с начала советской власти частная собственность на землю была упразднена. Такая ситуация сохранялась в России до 1990 года, когда Институт приватизации в начале 90-х годов стал одним из инструментов, позволяющих успешно начать масштабный процесс экономических реформ в начале прошлого века.

Спустя несколько лет в 1997 г. был принят Федеральный закон «О приватизации государственного и му-

Таким образом, в качестве особенностей методики расследования изнасилования можно выделить особое внимание к потерпевшей ввиду деликатности преступления.

Верное взаимодействие следователя с потерпевшей является основой для раскрытия преступления, так как именно потерпевшая наиболее полно обладает информацией о преступлении, которое было совершено и в первую очередь выступает источником фактических сведений о преступлении.

ниципального имущества» [1]. В этом акте отражены особые аспекты приватизации различной формы собственности, которая принадлежит публичному и правовому образованию.

Современные российские правовые базы, регулирующие приватизацию земельных участков, очень разнообразны. Свои истоки нормы о приватизации берут еще в Конституции РФ, при этом нельзя обойти вниманием большое количество подзаконных нормативных актов, затрагивающие важнейшие вопросы в изученной сфере.

Законодательство о приватизации можно разделить на два уровня: федеральное законодательство и законодательство на уровне субъектов Российской Федерации.

Поскольку приватизация всегда предполагает прекращение права на государственную собственность, такие отношения имеют публичный характер. Это приводит к необходимости разработки каких-то общих, публично установленных правил перехода прав собственности на такой переход.

Гражданский Кодекс Российской Федерации разделяет сферы действий гражданского и приватизационного за-

конодательства в части правовой регуляции приватизационных отношений. Так, имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, может быть передано в частную собственность в порядке, установленном законодательством о приватизации. Положения ГК РФ, регулирующие порядок приобретения и прекращения права собственности на имущество, применяются только тогда, когда законами о приватизации не предусмотрено иное [2].

ЗК РФ является основным федеральным законом, регулирующим земельные отношения, в том числе, затрагивает отношения по передаче государственного и муниципального имущества в собственность юридических и физических лиц.

Статьей 39.3 Земельного кодекса РФ определяется перечень лиц, имеющих право выкупить земельный участок, к ним относятся собственники зданий, сооружений, либо помещений в них, расположенных на таких земельных участках в порядке, предусмотренном ст. 39.20 ЗК РФ [3].

Определенный пробел правового регулирования приватизации земельного участка заключается в отсутствии законодательной определенности понятия фактического землеустройства, что, по нашему мнению, существенный недостаток земельного права Российской Федерации. Так, пункт 4 статьи 3 Федерального закона от 23 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [4] предоставляет гражданину РФ право при определенных условиях бесплатно приобрести в собственность земельный участок, находящийся в его фактическом пользовании, на котором расположен жилой дом.

Статьей 2 Федерального закона от 8 декабря 2011 г. № 423-ФЗ «О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] предусматривается безвозмездная передача в публичную собственность земельных участков, на которых расположено соответствующее недвижимое имущество, по фактическому пользованию.

Субъекты РФ самостоятельно управляют и распоряжаются принадлежащим им имуществом. Основы такой

деятельности субъектов РФ закреплены в ФЗ N 184-ФЗ, в статье 26.12 которого указано следующее: «Порядок и условия приватизации имущества субъекта Российской Федерации определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ» [6]. Таким образом, законодательство субъектов РФ состоит из законов о приватизации государственного имущества самих субъектов, принятых в соответствии с ФЗ N 178-ФЗ, и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов субъектов РФ.

Несмотря на то, что субъектам РФ предоставлена возможность самостоятельно осуществлять правовое регулирование приватизационных отношений, можно заключить, что такое регулирование преимущественно осуществляется на федеральном уровне. Лишь в отдельных субъектах правовое регулирование рассматриваемых отношений осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ.

По делам о приватизации суды обращают внимание не только на «фактически сложившийся порядок пользования придомовым земельным участком» и отсутствие споров между соседями по фактическим границам, но и на сформированность земельного участка — установление его границ в установленном законом порядке [7].

Всё многообразие нормативных правовых актов, регулирующих приватизационные отношения, независимо от уровня такого регулирования, должны соответствовать правовой аксиоме, закрепленной в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества», согласно которой все иные федеральные законы, а также правовые акты субъектов РФ, акты органов местного самоуправления должны соответствовать федеральному законодательству и не противоречить ему.

По итогам исследования законодательства о приватизации земельных участков актуальным является введение понятий фактического землепользования и фактического землепользования, позволяющего исключить двусмысленность их трактовки.

Литература:

1. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022): от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 1994 г. (ред. от 16.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d28f528d7e/.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
4. Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 N 137-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33764/.
5. Федеральный закон «О порядке безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность субъектов Российской Федерации, муниципальную собственность и о внесении изменений в отдельные зако-

нодательные акты Российской Федерации» от 08.12.2011 N 423-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СПС «Консультант-Плюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122977/

6. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2021 г. № 88–6222/2021

Отказ от договора (отказ от исполнения договора): понятие и проблемы соотношения с расторжением договора

Морозова Анна Павловна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается проблема соотношения институтов «отказа от договора (отказа от исполнения договора)» и «расторжения договора». На основе анализа судебной и правоприменительной практики выявлены причины смешения этих понятий между собой, создание в договоре новых формулировок права стороны на отказ от договора (отказ от исполнения договора) и предложены возможные пути для решения указанной проблемы.

Ключевые слова: отказ от договора, отказ от исполнения договора, расторжение договора, прекращение договора.

Вслед за развитием экономических и общественных отношений, и, в целом, частного права, в целях совершенствования законодательства, формируются и принимаются новые положения ГК РФ, что, в свою очередь, влияют на закрепление уже сложившихся отношений, на зарождение и развитие новых.

Одним из важных направлений в совершенствовании законодательства являются изменения в обязательном, договорном праве, в том числе изменения, касающиеся такого института гражданского права, как отказ от договора (отказ от исполнения договора), отказ от осуществления права по договору.

Недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательств, предусмотренных статьей 310 ГК РФ, дополнена новой статьей Гражданского кодекса 450.1 общего характера, которая устанавливает порядок осуществления отказа от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору, определяет момент прекращения действия договору и другое [1, с. 26].

Рассматривая отказ от договора (отказ от исполнения договора), что является составной частью института изменения и расторжения договора, можно выделить проблему соотношений таких понятий, как «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» и «расторжение договора». Указанная проблема может содержаться, во-первых, в отсутствии закрепленного термина «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» в законодательстве и, во-вторых, отсутствии точности в формулировке названия главы 29 Гражданского кодекса.

Отсутствие такого понятия, как «отказ от договора (отказ от исполнения договора)», как и было упомянуто выше, выявляет проблему соотношения этого понятия

с понятием «расторжение договора». Проблема кроется в том, что данные понятия на практике путают между собой, формулируют из них среднюю категорию для своего удобства, которая в себе совмещает признаки, как расторжения договора, так и отказа от него, либо совмещают эти термины в «расторжение договора» или «прекращение договора».

Исследуя данную проблему, а именно проблему формулирования средних категорий между «отказом от договора (отказом от исполнения договора)» и «расторжением договора» стоит обратиться к практике. Так, в заключенном договоре подряда от 30.12.2019 № 19–02/1338 между Фондом (заказчиком) и Обществом (подрядчиком) пунктом 15.1. предусмотрено следующее: «Заказчик в любой момент до окончания выполнения работ вправе отказаться от исполнения договора в одностороннем досудебном порядке. Уведомление об одностороннем отказе от исполнения договора вручается другой стороне за 7 календарных дней до предполагаемой даты одностороннего расторжения договора». [2]. Также, еще одним примером может послужить пункт 10.4.8 договора аренды от 20.03.2018 № 790 между ЗАО «Стремберг» и «Торговая компания «Лэнд», где закреплено, что условием для досрочного немотивированного расторжения договора в одностороннем порядке является банкротство одной из сторон договора [3].

Таким образом, анализируя вышеприведенную судебную практику, можно выявить, что причина выделенной проблемы, а именно использование таких формулировок в договоре, как «отказ от исполнения договора в одностороннем порядке», «досрочное немотивированное расторжение договора в одностороннем порядке», кроется в попытках контрагента при составлении и за-

ключении договора прописать в таком договоре четкие и выгодные условия относительно расторжения и прекращения договора, в частности, отказа от договора (отказа от исполнения договора). Но необходимость в таком четком закреплении права на отказ от договора (отказ от исполнения договора) отсутствует. Для закрепления такого права будет достаточно сделать ссылку на статью 450.1 ГК РФ [4].

Также, по причине создания и употребления вышеназванных формулировок отказа от договора (отказа от исполнения договора), рассматриваемую проблему можно наблюдать и в судебной практике. Например, Арбитражный суд Республики Башкортостан в своем решении от 22 ноября 2021 г. по делу № А07–24658/2020 называет отказ от договора «досрочным немотивированным расторжением договора в одностороннем порядке» [5].

Проблема соотношения понятий «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» и «расторжение договора», как было упомянуто ранее, содержится не только в создании и применении на практике формулировок, которые содержат в себе признаки расторжения договора и отказа от него, но и в обобщении их в такие термины, как «расторжение договора» и «прекращение договора». Оба этих термина закреплены в статье 450.1 ГК РФ. Несмотря на то, что, на первый взгляд, они различаются между собой, на самом деле, в отношении отказа от договора (отказа от исполнения договора) они являются синонимами. Но, необходимо учитывать, что они являются последствиями отказа от договора, поэтому будет не верно совмещать между собой «расторжение договора» и «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» в «расторжение договора» и «прекращение договора».

Решением выявленной проблемы может стать формирование и законодательное закрепление понятия «отказ от договора (отказ от исполнения договора)».

Для полноценного подхода к формированию определения понятия «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» необходимо обратиться к толковым словарям, а также к законодательству, судебной практике и мнению ученых-цивилистов.

Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова под отказом понимается отсутствие согласия на что-нибудь, выражение несогласия, отклонение от себя чего-нибудь, отречение от чего-нибудь [6, с. 102]. В большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова отказаться означает не принять, отвергнуть что-либо [7, с. 153] (договор, соглашение).

Изучая толковое значение таких слов, как «отказ», «отказаться», возникает вопрос о понятии «юридического отказа», который также необходимо изучить для раскрытия понятия «отказ от договора». Данный термин не закреплен в законодательстве, однако, существует устоявшееся понятие юридического отказа, которое сформировала И. П. Гладышева на основе анализа наиболее существенных признаков. Ирина Павловна Гла-

дышева в своей научной работе дала следующее определение: «Юридический отказ — правомерный акт волеизъявления управомоченного субъекта путем принятия решения о прекращении либо недопущении правореализационного процесса в целях полного, либо частичного удовлетворения отдельных личных или общественных интересов вследствие отрицания их индивидуальной или социальной полезности, вызванного влиянием внутренних (субъективных) оценок, внешних факторов и правоприменительных воздействий, выражающийся в формах активного воспрепятствования, функционального бездействия либо информационного оповещения управомоченного субъекта в отношении соответствующих адресатов» [8].

Далее для формирования определения понятия «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» стоит обратиться к законодательству. В соответствии с ч. 1 ст. 450.1 ГК РФ сторона может отказаться от исполнения договора, если право на такой односторонний отказ от договора (исполнения договора) предоставлено Гражданским кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором. Такое право может быть осуществлено управомоченной стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора (исполнения договора). Договор прекращается с момента получения данного уведомления.

Согласно ч. 4 ст. 450.1 ГК РФ отказ от договора должен быть добросовестным, разумным и совершаться в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором. При этом, отказываясь от исполнения договора, сторона должна также учитывать права и законные интересы другой стороны. В случае, если данные обязанности будут нарушены одной из сторон договора, то это может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения [9]. Так, Арбитражный суд Красноярского края, рассмотрев в судебном заседании дело № А33–18600/2017 о признании незаконным одностороннего отказа от договора, выраженном в письме от 31.07.2017 № 637-ек, выяснил, что таким договором не предусмотрен односторонний отказ от исполнения. По условиям договора договор может быть расторгнут по общим правилам статьи 450 ГК РФ, то есть по соглашению сторон или в судебном порядке. Таким образом, одна из сторон договора действовала недобросовестно, то есть такой отказ совершался не в пределах, предусмотренных договором. В результате чего судом было вынесено решение о признании недействительной односторонней сделки администрации города Красноярска об отказе от договора на размещение временного сооружения от 26.06.2014 № С/6455 [10].

Также, обращаясь к судебной практике, стоит обратить внимание на позицию Высшего Арбитражного суда. В одном из постановлений ВАС РФ указал: «Односто-

ронный отказ от исполнения договора, осуществляемый в соответствии с законом или договором, является юридическим фактом, ведущим к расторжению договора» [11]. То есть односторонний отказ от исполнения договора (отказ от договора) — это конкретное жизненное обстоятельство (действие), которое ведет к расторжению заключенного между сторонами договора.

Для понимания термина «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» также можно отдельно рассмотреть понятие «исполнения договора». По аналогии с позицией ВАС РФ относительно термина «одностороннего отказа от исполнения договора» под исполнением договора понимается юридический факт, который ведет к прекращению договора. То есть это правомерное, волевое, юридически значимое действие, которое влечет юридические последствия в виде прекращения договора.

Таким образом, проблему соотношения понятий «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» и «расторжение договора» можно решить, во-первых, путем переименования главы 29 Гражданского кодекса, а именно включение в название главы «отказ от договора (отказ от исполнения договора)», что, в свою очередь, по-

может разграничить между собой рассматриваемые понятия [4].

Помимо проблемы соотношения между собой понятий «отказ от договора (отказ от исполнения договора)» и «расторжение договора», была выявлена проблема отсутствия точного определения понятия «отказ от договора», вследствие чего стороны договора придумывают новые формулировки такого отказа, либо совмещают рассматриваемые понятия в одно, что порождает проблемы различного толкования, как в правоприменительной практике, так и в судебной. Решением названной проблемы может послужить толкование, то есть закрепление определения понятия «отказ от договора (исполнения договора)» в Гражданском кодексе. Таким образом, под отказом от договора (исполнения договора) следует понимать добросовестное, разумное действие управомоченной стороны договора, право на которое предоставлено Гражданским кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором, осуществляемое в соответствии с законом или договором, выраженное в уведомлении другой стороны о таком отказе, ведущее к прекращению или изменению договора с момента получения данного уведомления другой стороной договора.

Литература:

1. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах / И. З. Аюшеева, И. С. Богданова, Е. С. Болтанова [и др.]; отв. ред. В. В. Долинская. — Москва: Проспект, 2018. — 192 с.
2. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 23.12.2021 по делу № А07–26080/20.
3. Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 27.08.2021 г. по делу № А56–71511/2020.
4. Рыжов, Р. О. Расторжение договора и односторонний отказ от его исполнения. вопросы соотношения // E-Scio. — 2020. — № 10 (49).
5. Решение Арбитражного суд Республики Башкортостан от 22.11.2021 по делу № А07–24658/2020.
6. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. — Москва: Аделант, 2014. — 800 с.
7. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004. — 1534 с.
8. Гладышева, И. П. К вопросу о понятии «Юридический отказ» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2010. — № 2 (13).
9. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22. 11. 2016 г. N 54 // Рос. газ. — 2016. — № 275 (5 декабря). — с. 21.
10. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 26.01.2018 по делу № А33–18600/2017.
11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 5782/08 от 09.09.2008 по делу № А19–9645/07–26.

Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности

Москаль Евгения Александровна, абитуриент магистратуры
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Ключевые слова: малозначительность, административная ответственность, правоприменитель, административные правонарушения

Административная ответственность — разновидность юридической ответственности, которая заключается в применении мер административного наказания к лицу, совершившему административное правонарушение. В качестве возможности освобождения от административной ответственности законодателем предусмотрена малозначительность деяния.

Малозначительность административного правонарушения — законодательно закреплённая категория, которая находит отражение в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Статья 2.9 гласит, что при малозначительности совершённого административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. [1]

На практике применение указанной правовой нормы порождает ряд проблем. Это связано с тем фактом, что законодателем точно не определено понятие малозначительности административного правонарушения.

В научной литературе проблема применения правовых норм о малозначительности деяния освещена Т. А. Гуменюк, В. В. Игнатенко, Л. Л. Поповым, Д. Н. Бахрах и другими учёными.

Обратимся к научной литературе и анализу судебной практики. На сегодняшний день существует несколько подходов к пониманию малозначительности. Ряд учёных полагают, что категория «малозначительность» является оценочной, при применении нормы ст. 2.9 КоАП необходимо учитывать возможные последствия. Так, Т. А. Гуменюк отмечает, что понятие малозначительности является индивидуальным для каждого конкретного дела с учётом всех обстоятельств, а толкование данного понятия характеризуется определенными сложностями и имеет свои особенности. [3] Такое определение несомненно является результатом пробела в праве. Отметим, что использование оценочных понятий в административной деятельности возможно в том случае, если возможность четкого толкования правовой нормы отсутствует.

Считаем, что следует обратиться к Постановлению Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при

применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», который указывает на то, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. [2] Это дает основание сделать умозаключение, что важнейшим является характер последствий правонарушения, а также его оценка правоприменителем. При этом важнейшей является материальная сторона наступивших последствий. Верховный суд указывает какие именно дела не могут быть признаны малозначительными (ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ), характеризуя последние как существенно нарушающие охраняемые общественные отношения. Таким образом, Верховный суд призывает не рассматривать малозначительность через личность деликвента.

Вторая группа ученых считает, что малозначительность представляет собой один из фундаментальных принципов применения к правонарушителям мер административного наказания — гуманизм. В данном случае он выражается в том, что правоприменитель может применить к нарушителю устное замечание. [3]

Устное замечание не влечет для нарушителя неблагоприятных юридических последствий, но оно свидетельствует о неотвратимости реагирования государства на каждое поведение лица, запрещенное законом. Оно является мерой воспитательного воздействия, а значит имеет предупредительную и профилактическую функцию. На наш взгляд, это является выражением принципа гуманистического характера современного законодательства.

Третья группа ученых обращает внимание на то, что малозначительность является альтернативой административному наказанию лишь в определенных случаях. Так, Д. Н. Бахрах полагает, что при осуществлении государством карательного воздействия при привлечении к административной ответственности целесообразнее предоставить правоприменителю возможность заменить наказание на иную меру. [3]

Необходимо отметить, что при применении судом нормы о малозначительности деяния, суды учитывают также количественные и качественные признаки пра-

вонарушения, личностные характеристики, ситуационные факторы. Критерии малозначительности определяются правоприменителем самостоятельно в каждом конкретном случае. Тогда возникает вопрос в обоснованности применения данной нормы.

По мнению А. Б. Панова, необходимо ввести дополнительные признаки, характеризующие малозначительность. Для длящихся правонарушений большое значение имеет продолжительность деяния, также необходимо оценивать не размер реального ущерба, а вредоносность противоправного деяния, составляющего объективную сторону правонарушения. Субъективная сторона правонарушения также имеет весомое значение при отнесении деяния к категории малозначительного. Вызывает сомнения освобождение от административного наказания при совершении умышленного деяния. [5]

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. От 16.04.2022, с изм. От 17.05.2022), СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановлению Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», СПС «КонсультантПлюс».
3. Решетников Г.Е., Проблемы определения понятия и признаков малозначительности административного правонарушения // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, 2019.
4. Бахрах, Д. Н., Состав административного проступка: учеб. пособие, Свердловск, 1987.
5. Гуменюк, Т. А., Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2006 № 11.
6. Панов, А. Б., «О малозначительности административных правонарушений» // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2012.
7. Ломакина, Л. А., Понятие малозначительности административного правонарушения в КоАП РФ // Журнал российского права, 2012.

Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, предусмотренные статьей 267.1 УК РФ

Николова Виктория Игоревна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В главу 27 УК РФ Федеральным законом от 03.04.2017 № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введена статья 267.1, которая предусматривает уголовную ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Вместе с тем, легального определения того, что понимается под действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, законодателем не дано, что что вызывает в правоприменительной практике ряд проблем.

Ключевые слова: транспортное средство, безопасная эксплуатация, угроза, гарантия безопасности граждан, УК РФ.

Глава 27 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) содержит в себе различные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за со-

Очевидно, что для квалификации деяния как малозначительного правоприменителю необходимо иметь четкие критерии оценки по факту полного, объективного и всестороннего установления факта деяния. Необходимо принимать во внимание принципы и цели юридической ответственности.

Считаем, что выработка критериев понятия «малозначительность административного правонарушения» способствовала бы единообразному применению положений ст. 2.9 КоАП РФ.

Таким образом, при признании административного правонарушения малозначительным правоприменителю необходимо применять положения ст. 2.9 КоАП РФ крайне осторожно, при условии, что правонарушение не причинило или не создало угрозу причинения существенного вреда.

вершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Одной из таких норм, введенной в главу 27 УК РФ Федеральным законом от

03.04.2017 № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2] (далее — Федеральный закон № 60-ФЗ) является статья 267.1 УК РФ, диспозиция которой изложена в следующей редакции: «Совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств».

Согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона № 60-ФЗ, данная норма введена в УК РФ с целью повышения гарантий безопасности граждан, находящихся в транспортных средствах, в связи с участившимися случаями совершения хулиганских действий на транспортных средствах.

Вместе с тем, ни сам законодатель в УК РФ, ни одно из Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации не дают никаких разъяснений относительно того, что в статье 267.1 УК РФ понимается под действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств. Кроме того, отсутствуют какие-либо отсылочные нормы на другие законодательные акты, которые бы раскрывали значение рассматриваемого понятия.

Судебная практика по данному вопросу достаточно разнообразна. К примеру, одними судами под действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, понимается размещение на путях, предназначенных для перемещения транспортных средств, предметов, обладающих поражающими свойствами [3], другими — приведение транспортного средства в состояние негодности [4], третьими — создание препятствий для движения транспортного средства [5].

В научной литературе относительно того, что необходимо понимать под действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, имеется точка зрения о том, что это действия, совершаемые непосредственно в транспортном средстве и направленные на создание угрозы его эксплуатации и безопасности лиц, находящихся в транспортном средстве [6, с. 164].

На основании анализа положений Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [7] под безопасностью следует понимать состояние защищенности имущественных и неимущественных прав личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Пунктом 10 статьи 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [8] определено, что транспортная безопасность — состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства.

Таким образом, действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, считаются действия, которые могут повлечь смерть или причинение вреда здо-

ровью лицам, находящимся в транспортном средстве, а также причинения ущерба собственникам перевозимых грузов и непосредственно самому транспортному средству.

Соответственно, с высказанным в научной литературе мнением о том, что действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, всегда должны совершаться непосредственно на транспортном средстве, поскольку представляется, что действия, обладающие свойством угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств, могут быть совершены виновным лицом и за пределами транспортного средства.

Так, для создания угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств виновным лицом вне транспортного средства могут совершаться следующие действия:

1. Использование лазерного оружия для ослепления лица, управляющего транспортным средством;
2. Обстрел транспортного средства из различного вида оружия;
3. Забрасывание транспортного средства различными предметами (камнями);
4. Создание ситуации, при которой возникает опасность дорожно-транспортного происшествия [9, с. 72].

В частности, указанные действия могут совершаться и при нахождении виновного лица в транспортном средстве.

Также, к действиям, угрожающим безопасной эксплуатации транспортных средств, совершенным в транспортном средстве можно отнести:

1. Отвлечение лица от управления транспортным средством;
2. Пронос в транспортное средство легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ;
3. Оставление в транспортном средстве легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ;
4. Порча транспортного средства во время его движения.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее:

1. Под действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, следует понимать действия, которые могут повлечь смерть или причинение вреда здоровью лицам, находящимся в транспортном средстве, а также причинения ущерба собственникам перевозимых грузов и непосредственно самому транспортному средству;
2. Для наличия признаков состава преступления, предусмотренного статьей 267.1 УК РФ, не требуется, чтобы действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, были совершены виновным лицом именно внутри транспортного средства, главное, чтобы они обладали свойством угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств [10, с. 218].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: фед. закон от 03.04.2017 № 60-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

3. Приговор Черняховского городского суда Калининградской области по делу № 1–200/2019 от 12.12.2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.05.2022).
4. Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края по делу № 1–99/2018 от 09.06.2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.05.2022).
5. Приговор Нелидовского городского суда Тверской области по делу № 1–145/2018 от 07.12.2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.05.2022).
6. Голик, Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex russica. — 2017. — № 8 (129). — с. 162–166.
7. О безопасности: фед. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
8. О транспортной безопасности: фед. закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
9. Шатилович, С. Н. Отдельные вопросы уголовно-правовой оценки конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 1 (47). — с. 69–73.
10. Чучаев, А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятия, виды, характеристика: монография. — М.: Проспект, 2018–256 с.

Понятие, виды и общая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности

Осипова Виктория Юрьевна, студент
Тюменский государственный университет

На современном этапе развития экономики и государства в целом, проблемы связанные с совершением преступлений в сфере экономической деятельности занимает одно из первых мест. В данной работе затрагивая сферу экономической деятельности, можно раскрыть сущность данной деятельности, таким образом, экономическая деятельность имеет место тогда, когда для производства конкретных товаров и услуг происходит объединение таких ресурсов как материальные средства, труд, технологии производства или промежуточные товары.

При написании данной статьи, нами была поставлена цель — комплексно проанализировать структуру экономической деятельности и преступлений, совершаемых в данной деятельности.

Смысловую нагрузку словосочетания «преступления экономической деятельности» раскрыл в своих работах И. И. Рожков, он считал, что преступления, которые обладают такими отличительными признаками как, причинение ущерба структуре, использование незаконных методов ведения деятельности [5].

Различные категории и виды ресурсов, которые в совокупности с промышленным процессом, ставят перед собой задачу выпуска продукции на предприятии, присуще экономической деятельности [4]. В свою очередь, для преступлений в сфере экономической деятельности присуще, действия, направленные на угрозу экономической безопасности государства, либо носят характер морального вреда.

Если обратиться немного к истории то, можно заметить, что раздел 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [2] содержит некоторые элементы Уголовного кодекса РСФСР, которые сохранили свое существование и в современном законодательстве. Это свидетельствует о том, что в условиях современных реалий

экономическая сторона общества постоянно совершенствуется.

УК РФ разграничил экономические преступления на 3 составляющие:

Глава 21 — преступления против собственности, включает в себя, такие виды как: кража, мошенничество, грабеж, разбой, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана;

Глава 22 — Преступления против собственности, которые включают в себя такие категории преступлений как: воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности, легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, манипулирование рынком, преднамеренное банкротство и др. [6];

Глава 23 — Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях которая содержит: злоупотребление полномочиями, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе [2].

Проанализировав статьи уголовного кодекса можно перечислить несколько видов экономических преступлений:

1. регистрация незаконных сделок;
2. фальсификация;
3. таможенные правонарушения;
4. налоговые правонарушения;
5. преднамеренное банкротство;
6. мошенничество различных подвидов;
7. злоупотребление полномочиями;
8. разбой;
9. грабеж;
10. коррупция;
11. контрабанда;
12. подкуп и др.;

В качестве примера будет служить ситуация: «В период с августа 2020 года по октябрь 2021 года в г. Нягань, злоумышленник, подозреваемый в коммерческом подкупе совершенного в особо крупном размере, был арестован сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по ХМАО — Югре совместно с ГУЭБиПК МВД России. Было установлено что, обладая полномочиями по кураторству договорной деятельности, предложил оказать помощь при заключении договоров и представителями сразу двух других компаний. Кроме того, злоумышленник, будучи куратором по договорам обещал осуществлять без претензионный прием работ. За подобное содействие, он получил от одной из компаний около 7 млн. руб., от второй — более 1 миллиона 200 тысяч рублей. Нелегальную прибыль он извлекал при помощи переводов на личные счета, а также его матери и сожительницы. Сотрудниками следственного комитета по ХМАО — Югре возбуждены уголовные дела предусмотренные ч. 8 ст. 204 УК РФ» [7].

Причины, по которым в нашей стране совершаются экономические преступления в большинстве случаев зависят от общественно-материального обогащения, которого невозможно добиться официальным путем.

Статистика, приведенная на сайте МВД, показывает финальные цифры ущерба по состоянию на 2021 год, которые составили 641,9 млрд руб., а ущерб экономике от противоправных действий превысил 1 трлн руб. В течение года данные показатели увеличились почти в два раза. В 2021 году, 41 % — приходится на долю преступлений совершенных при ведении экономической деятельности, а именно: изготовление, хранение и сбыт

поддельных денег и ценных бумаг, отмывание денег, незаконное предпринимательство, банкротство, что составляет основную долю. Следующей долей притуплений в сфере экономической деятельности, пришлось на преступления в сфере экономической деятельности, совершенные против государственной и частной собственности, что составляет 33 %, которые разграничиваются на: кражу, мошенничество, присвоение или растрату средств и имущества. 17,5 % составляют экономические преступления совершенные против органов власти и интересов госслужбы, в их число входит: получение взятки, дача взятки, а также посредничество данного правонарушения. Почти 6 % в статистике заняли налоговые преступления. Максимальное доля экономических преступлений пришлось на 2021 год, данная категория является наибольшей с 2013 г. — 117,7 тыс. (+ 11,6 % в годовом выражении). Доля экономических преступлений в общем объеме преступлений набрала 6 % в прошлом году [8].

Проанализировав приведенную статистику, можно смело говорить, о том, что, в современном мире экономическая преступность является большой угрозой для развития экономики в государстве, так как затрагивает сферы, которые тормозят нормальное функционирование многих структур государства и тем самым привет к негативным последствия в экономике.

В заключении хотелось отметить, что в соответствии со статьями 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации [1] гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. Частная собственность признается и защищается наравне с иными формами собственности. Каждый вправе свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [3].

Оптимальные пути решения задач, поставленных перед экономической политикой государства, подразумевает создание благоприятного фона и обстановки ведения бизнеса, оживление легального предпринимательского дела, совершаемый всеми сторонами индивидуально и сформированный на принципах юридического единства и порядочности сторон.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»
4. Приказ Росстата от 31.12.2014 N 742 (ред. от 04.02.2016) «О Методических указаниях по определению основного вида экономической деятельности хозяйствующих субъектов на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) для формирования сводной официальной статистической информации».

5. Рожков, И. И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: / И. И. Рожков. — Ижевск.
6. Федоров, А. Ю. Правовая охрана корпоративных отношений: актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт: Научно-практическое пособие. — «Юстицинформ», 2012 г.
7. Бывший работник нефтяной компании из ХМАО-Югры задержан полицией за коммерческий подкуп. — Текст: электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/news/item/30020559/> (дата обращения: 10.05.2022).
8. МВД: ущерб от экономических преступлений достиг в 2021 году 642 млрд рублей. — Текст: электронный // Вести.ru: [сайт]. — URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2670213> (дата обращения: 10.05.2022).

О некоторых вопросах при рассмотрении судами споров, связанных с предоставлением членам семьи военнослужащего социальных гарантий и компенсаций

Пересыпка Дмитрий Анатольевич, студент
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируются вопросы, связанные с предоставлением членам семьи военнослужащего социальных гарантий и компенсаций. Указывается на то, что защита прав военнослужащего и членов его семьи — функция государства, являющаяся ответом на исполнение военнослужащими своих обязанностей по его охране и защите. Проанализирована судебная практика, дан ответ на вопрос о том, кого следует понимать под лицом, находящимся на иждивении военнослужащего. В статье также приведены примеры предоставления дополнительных социальных гарантий семьям военнослужащих.

Ключевые слова: Российская Федерация, военнослужащий, иждивенец, члены семьи военнослужащего, социальные гарантии.

Военное законодательство Российской Федерации содержит большое количество правовых норм, регулирующих предоставление социальных гарантий и иных мер поддержки семьям военнослужащих. Как указано в Федеральном Законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», защита прав военнослужащих и членов их семьи является функцией государства. Ряд социальных гарантий и механизмов для защиты нарушенных социальных прав членов семьи военнослужащих закреплен в отдельных законах и нормативно-правовых актах. При этом, ряд социальных прав нередко нарушается. О каких нарушенных социальных правах членов семьи военнослужащего идет речь? И как строится судебная практика при разрешении споров, связанных с предоставлением членам семьи военнослужащего социальных гарантий и компенсаций?

Кого следует понимать под членами семьи военнослужащего, граждан, уволенных с военной службы? Статьей 2 ФЗ «О статусе военнослужащих» указывается, что под ними следует понимать: супруга, несовершеннолетних детей, детей старше 18 лет, ставших инвалидами до достижения ими 18 лет, детей в возрасте до 23 лет, обучающихся в образовательных организациях по очной форме обучения, а также лиц, находящихся на иждивении военнослужащего [1].

Однако, кого следует понимать под лицами, находящимися на иждивении военнослужащего? Какой-либо

конкретизации ФЗ «О статусе военнослужащего» не содержит. А потому данная формулировка вызывает множество вопросов. В различных нормативно-правовых актах закрепляется, что в качестве лиц, находящихся на иждивении военнослужащих, могут выступать: несовершеннолетние, нетрудоспособные родители, члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении и т. д. То есть, под лицом, находящимся на иждивении военнослужащего в литературе и судебной практике понимается лицо, которое получает от последнего постоянную помощь, являющуюся для него единственным источником средств к существованию. Данное лицо может, конечно, получать и иной доход в виде стипендии, пенсии и т. п., однако, та помощь, которая исходит от военнослужащего должна быть основным источником поступающих средств.

Запись о нахождении лица на иждивении военнослужащего должна быть внесена в графу 21 послужного списка личного дела военнослужащего [5, с. 21].

Предусмотрен административный и судебный порядок признания лица состоящим на иждивении военнослужащего. В первом случае военнослужащий подает рапорт с приложением соответствующих документов, подтверждающих нетрудоспособность лица, которого он хочет признать находящимся на его иждивении, а также подтверждающих, что средства, получаемые от военнос-

жащего, являются основным источником средств к существованию. Командир соответствующей воинской части, проверив поступивший рапорт и оценив все представленные лицом документы, принимает соответствующее решение. Он может как издать приказ о внесении записи в личное дело военнослужащего, так и отказать ему, ссылаясь на то, что представленных документов оказалось недостаточно.

При таких обстоятельствах признать факт нахождения лица на иждивении военнослужащего можно в судебном порядке. Подать заявление имеет право как сам военнослужащий, так и лицо, которое хочет признать себя находящимся на его иждивении. Важно, чтобы лицо являлось дееспособным. В судебной практике нередки случаи, когда сам иждивенец обращается в суд и просит установить факт состояния на иждивении умершего военнослужащего для получения соответствующего пенсионного обеспечения.

Верховный суд РФ неоднократно высказывался о том, что установить в судебном порядке факт нахождения лица на иждивении возможно путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой умершим, и его собственными доходами, и такая помощь также может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию». Хотя, однако, в судебной практике имеются и случаи отказа в признании лица находящимся на иждивении военнослужащего только по основаниям того, что у иждивенца имеется свой доход в виде получения пенсии, стипендии, иного заработка и вопрос о соотношении доходов наследодателя и иждивенца судами не выяснялся.

Будет ли являться основанием для признания находящимся на иждивении военнослужащего несовершеннолетнего лица, проживающего совместно с военнослужащим в квартире? Верховный суд РФ высказывается, что нет. Само по себе проживание данных лиц в одном жилом помещении не будет свидетельствовать о том, что несовершеннолетний находится на полном иждивении у военнослужащего. Судам также следует проверять факты: ведения общего хозяйства, наличие совместного бюджета и общих расходов.

Какие социальные гарантии предусмотрены для членов семьи военнослужащего? Ведь их огромное количество. Это не только права на получение денежного довольствия и иных видов материального обеспечения, но и права на: зачет в общий трудовой стаж периода проживания с супругами, получение ежемесячного пособия при условии утраты права на пособие по безработице; право

супругов военнослужащих на поступление на работу в государственные организации, первоочередное направление на прохождение профессионального обучения или для получения дополнительного профессионального образования по очной форме обучения с выплатой в период обучения средней заработной платы; супругам военнослужащих может быть предоставлен отпуск одновременно с отпуском военнослужащего; право на обеспечение санаторно-курортным лечением; на получение выплаты для оплаты стоимости путевок детям и многие другие социальные гарантии.

Особо важно подчеркнуть, что суды, разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи военнослужащих социальных гарантий и компенсаций, должны исходить из того, что право на предоставление социальных гарантий и компенсаций членам семей военнослужащих непосредственно вытекает из факта исполнения военнослужащими обязанностей военной службы [4].

Федеральный Закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» устанавливает выплату определенной материальной помощи и компенсации в случае гибели военнослужащего или получения им ранения при исполнении обязанности военной службы для членов его семьи [2].

Выплата дополнительной материальной помощи членам семьи военнослужащего может быть предусмотрена отдельными подзаконными актами. Так, в настоящее время особенно актуален вопрос надления дополнительными социальными гарантиями военнослужащих пограничных органов федеральной службы безопасности и членам их семьи. Указом Президента РФ от 18 апреля 2022 года № 209 установлена дополнительная материальная помощь для семей погибших и раненых на границе с Донбассом и Украиной [3]. В Указе установлены критерии разграничения данных выплат.

Установление социальных гарантий для членов семьи военнослужащих — это большая поддержка со стороны государства. Несомненно, на мой взгляд, она производна от деятельности самого военнослужащего при исполнении им своих обязанностей по военной службе. И государство, осознавая, какой вклад военнослужащий вносит в безопасность своего государства, наделяет его и членов его семьи соответствующими гарантиями. Конечно, случаются трудности в получении соответствующих видов выплат, однако, не стоит забывать о том, что разрешить возникший спор возможно в судебном порядке, и законодательно предусмотрены механизмы разрешения тех или иных споров.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» //СЗ РФ. 1998. N 22, ст. 2331).
2. Федеральный закон от 07.11.2011 N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» //СЗ РФ. 2011. N 45, ст. 6336).
3. Указ Президента РФ от 18 апреля 2022 г. N 209 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим пограничных органов федеральной службы безопасности и членам их семей».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 8 (ред. от 28.06.2016) «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»
5. Корякин, В. М., Скулакова О. В. Социальные гарантии, предоставляемые семьям военнослужащих. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2010, Вып. 112.

О пробелах правового регулирования прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела

Пешков Тимур Тамазович, студент магистратуры

Научный руководитель: Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела является средством обеспечения прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности действий органов, принимающих решения на данной стадии [2].

Для предупреждения, пресечения нарушений закона на данной стадии необходимо постоянное совершенствование уголовно-процессуального законодательства в области прокурорского надзора, которое должно основываться на практическом взаимодействии прокурора с органами предварительного расследования. Побуждением к совершенствованию уголовно-процессуального закона, в котором закреплены надзорные полномочия прокурора, может являться наличие пробелов в правовом регулировании прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела, которые по-прежнему требуют внимания.

Следователь, дознаватель, убедившийся в том, что в поступившем сообщении о преступлении содержатся признаки преступления и отсутствуют правовые основания к отказу в возбуждении уголовного дела, принимает решение о возбуждении уголовного дела, выносит постановление о возбуждении уголовного дела, уведомляет об этом заявителя и незамедлительно направляет копию постановления прокурору.

Для удостоверения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела прокурору необходимо проанализировать и оценить информацию, содержащуюся в соответствующем решении уполномоченного лица и материалах доследственной проверки. В. В. Стрельников считает, что прокурорский надзор на данной стадии уголовного процесса представляет собой аналитическую деятельность, осуществляемую на постоянной основе и связанную с принятием мер прокурорского реагирования по результатам выявления нарушений законности [5].

Очевиден тот факт, что прокурору для проведения всестороннего анализа и оценки информации, содержащейся в решении уполномоченного лица и материалах доследственной проверки, необходимо ознакомление со всеми материалами проверки сообщения о преступлении.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает такое требование к органам предварительного следствия, как незамедлительное направление копии постановления о возбуждении уголовного дела, но не требование представлять прокурору материалы, на основании которых ими принято решение о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), что затрудняет деятельность прокурора в части оценки законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. Необходимо отметить, что в п. 1.2. Приказа от 05.09.2011 г. № 277 Генеральный прокурор требует уделять особое внимание проверке достоверности документов и результатов проверки сообщений о преступлениях. Данные обстоятельства наводят на вопрос — когда прокурор должен получить материалы проверки сообщения о преступлении, чтобы в срок не позднее 24 часов с момента их получения, отменить постановление о возбуждении уголовного дела, если возникнет необходимость признать его незаконным и необоснованным? Ответа на данный вопрос уголовно-процессуальный закон в себе не содержит.

В дополнение можно сказать, что прокурор может удостоверить факт разъяснения лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их прав и обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законом только при изучении материалов проверки сообщения о преступлении, поскольку невозможно убедиться в обеспечении прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, без ознакомления с материалами проверки сообщения о преступлении.

Учитывая то, прокурорский надзор направлен на соблюдение прав и свобод человека и гражданина при разрешении и рассмотрении сообщений и заявлений о преступлениях, данный пробел в уголовно-процессуальном законе необходимо разрешать, поскольку такое положение привело к сужению полномочий прокурора по защите конституционных прав и свобод граждан.

Таким образом, предполагается разумным предусмотреть в ст. 37 УПК РФ право прокурора в императивной форме истребовать материалы проверки сообщения о преступлении с целью принятия им решения в раз-

умные сроки. Указанное право прокурора должно возложить на органы дознания и предварительного следствия обязанность безотлагательно предоставлять по поступившему от прокурора письменному запросу материалы, послужившие основанием для вынесения решения в порядке ст. 145 УПК РФ.

Литература:

1. Артамонов, А. Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия [Электронный доступ] / А. Н. Артамонов // Законодательство и практика. — 2016. — № 1. — с. 73–80. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru>
2. Епанешников, А. С. Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого в российском досудебном производстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Епанешников Александр Сергеевич. — Челябинск. — 2003. — 25 с.
3. Исламова, Э. Р. Проблемы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела [Электронный доступ] / Э. Р. Исламова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — с. 58–64. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>.
4. Логинов, Н. А. Прокурорский надзор за реализацией права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела (по законодательству России и иных государств-участников СНГ) [Электронный доступ] / Н. А. Логинов // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 1. — с. 160–170. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>.
5. Стрельников, В. В. К вопросу об осуществлении прокуратурой уголовного преследования // Право и безопасность. — 2012. — № 1 (41). — 178 с.
6. Манова, Н. С. Проверка заявлений и сообщений о преступлении: новые возможности и новые проблемы // Вопросы правообразования. — М.: Междунар. исслед. ин-т. — 2013. — № 2. — с. 363–374
7. Ахматов, А. А. О совершенствовании модели уголовно-процессуальных отношений между властными субъектами в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Ахматова // Вестник ЮУрГУ. — 2012. — № 43. — с. 97–98.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 22 (417) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 15.06.2022. Дата выхода в свет: 22.06.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.